

Семаp C-A

ААШМЕДИ

СКРИЖАЛИ

СКРИЖАЛЬ II

СТОЛПО
ТВОРЕНИЯ

Семар Сел-Азар
Аашмеди. Скрижали.
Скрижаль 2. Столпотворение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68912685

SelfPub; 2023

Аннотация

Судьбы маленького человека в условиях резко меняющегося мира, с разрушением старого – затхлого и ненавистного, но привычного и понятного; с кровавым рождением нового – неизвестного и пугающего. Падение царств, рождение богов.

Семар Сел-Азар

Аашмеди. Скрижали.

Скрижаль 2.

Столпотворение

– Сколько стоит наша жизнь?

– Триста.

– Сколько нас там пропадет?

– Тыщи.

– Что погонит нас туда?

– Нужда.

– Кто заставит нас идти?

– Страх.

– Что же стоит наша жизнь?

– Ничто.

– Кто заплатит нам за то?

– Никто.

– Что же войне цена?

– Мир.

– Сколько стоит этот мир?

– Тьма?

– Сколько ляжет за него?

– Мрак.

– Что останется с него?

– Прах.

Аашмеди.

Глава 1. Путь к дому.

1. Нибиру. Дворец.

– Ты ведешь себя неподобающе жене энси великого едидержца, на тебя жалуются.

– Ты же знаешь этих голодранцев, их хоть подкармливай, все будут клеветать на нас – лучших людей, из зависти.

– Какие голодранцы?! На тебя жалуются лучшие люди Нибиру! – Негодя наглой невинностью глазок юной супруги, вскипел Мес-Э.

– Они...они... Они все врут! – Испуганно заверещала Элилу, поняв, что про ее самодурство, кто-то из этих напыщенных клуш наябедничал. Хотя она считала, что это их личное дело – между ними, и никто после примерного внушения, не посмеет больше порочить ее доброе имя.

– Это ты сейчас, пытаешься меня обмануть! Или ты думаешь, я поверю в то, что они все разом решили вдруг тебя оклеветать?! Да и стражи, как не пытались тебя выгородить, не смогли скрыть правды!

– Но милый, они сами виноваты. – Сердце юной градоначальши затрепетало от страха. – Если бы они не болтали о

нас лишнее, то я бы и не срывалась на бедной девочке. А она...

– Что она?! Ты не знаешь, на чью дочь ты подняла свои руки! Мне сейчас, еще не хватало ссориться из-за твоей вздорности с местными вельможами!

– А ты забыл?! А ты забыл, кто здесь мои родители?! – С обидой вскричала Элилу, на мгновение позабыв про свой страх перед мужем от праведного возмущения. – И кем были мои предки?!

– Я не забыл, и я, конечно, их очень уважаю, и ценю заслуги твоих пращуров перед городом и народом Нибиру. – Внезапно смягчился укоренный женой Мес-Э. – Но пойми и ты меня, я как градоначальник, назначенный нашим великим единодержцем, и обязан блюсти права и заботы местной знати. А ты на их жен и дочерей с кулаками кидаешься. Подумай сама, как я найду с ними общий язык, если моя женщина, время от времени будет устраивать их женщинам взбучку?

Видя, что муж немного подобрел, Элилу не преминула воспользоваться своими женскими чарами, чтобы задобрить его окончательно, для убедительности пустив слезу.

– Ах, ты не знаешь, как я мучаюсь оттого, что обидела безвинную девочку, пострадавшую из-за козней наших недругов. Не проходит дня, с тех пор, чтоб я не корила себя за то, что попала в ловушку твоих недругов, не сдержавшись от гнева на гнусную ложь, что распространяют их гадкие язы-

ки, и от меня досталось бедняжке. Но я с ней обязательно расплачусь, за ту невольную обиду, что ей не нарочно причинила. Я подарю ей свое самое красивое украшение. Помнишь, то сияющее ожерелье из Мелуххи, что подарил мне лагар, при своем переназначении?

– Ох, и хитра же ты. – Восхитился изворотливостью жены Мес-Э. – Знаешь, что я не оставлю тебя без украшений.

– Ты меня совсем не любишь. – Всплакнув надувая губки, перешла в наступление его молодая супруга, поняв, что опасность миновала и можно брать мужа голыми руками. – Зачем же ты женился на мне?

– Ладно, – растаял от умиления энси, – от города не убедет, если я отсыплю ее отцу горстей; уладим как-нибудь это. Все равно я хотел, чтобы ты сопровождала меня на приеме в Кише. А за время пока мы там будем, шум уляжется. Ты же мечтала побывать при царском дворе.

Элилу с радостным рыданьем, кинулась ему на шею.

– Доброго дня тебе хозяйка! – С порога, весело приветствовал корчмарку воинский десятник, готовый с верными приближенными из старослужащих, приступить к ставшей уже хорошей привычкой – попойке в любимом заведении.

– Уже вечерет. – Сквозь набитый рот прожевала хозяйка, дав понять, что собирается закрываться.

– Броось, мы не впервой приходим поздно, и ты всегда нам открывала. – Обиженно заметил десятник. – С каких

пор, ты закрываешь перед нами двери? Что с тобой приключилось?

– А то и приключилось, что вы балаболы, не держащиеся своих слов. – Проглотив, наконец, то, чем был занят рот, мрачно проворчала корчмарка.

Лица посетителей передернуло от оскорбленного самолюбия, но никто не посмел вступить за свое доброе имя, толи, не желая терять расположение хозяйки корчмы, толи, страшась ее грозного вида.

– Эй-эй, потише! – Мнение всех выразил десятник, облегчив их внутренние страдания. – Зачем ты так клеветешь на нас? Когда мы давали повод усомниться в себе, чтобы заслужить от тебя столь обидных ругательств?

– Где обещанные эшты Киша? Кроме ваших потрепанных десятков, больше войск и не видно. Ты уверял меня, что помощь близка, а о помощи и не слышно. Или может, я слепа, и твои тысячи ловко попрятались в кустах? Ауу, эшты! Где вы???! Не отзываются. – Ответила ему великанша, все же пропуская кингалья сотоварищи.

– Я признаться сам в недоумении. Я спрашивал об этом шестидесятника, но он лишь цыкнул на меня, сказав, что в Кише лучше знают кому и где нужна помощь. Но, то – я. Видела бы ты лицо нашего нового энси, когда он услышал от воеводы то же. Этот олух наверно думал, что раз он градоначальник, то вправе спрашивать здесь со всех, в том числе с кингалей великого единоподержца. – Закончил десятник

скалась.

– Тебе смешно, тебе это наверно в радость. А мне от этого не весело. Или может мне одной мерещатся полчища теней, наколдованных Загесси у нечистых, шныряющие тут и там в полях за стенами?

– И пусть себе шныряют! Их не так много, чтоб соваться на стены, а только попробуют, получают по орехам! – Успокоил хозяйку Рябой.

– Ах, я и забыла про своего защитника! – Незло посмеялась та над его словами. – Ну-ка расскажи нам, как ты будешь защищать меня от вражин своим большим и стойким мечом, и как их жалкие орехи рассыплются от страха перед крепостью твоих.

Корчма сотряслась от хохота дружинников, оценивших остроумие и меткость шутки, а покрасневший рябой попытался отшутиться, но не найдя подходящего ответа, был усажен смеющимися товарищами. А подобревшая великанша, повеселев, вспомнила про толстяка, и спросила о нем его сакаля и сослуживцев.

– Мушу??? Да он оказался трусливее мыши. Ку-Баба, что ты тут с ним сделала?! Он теперь и в город-то, без хорошего пинка не выходит. – Пожаловался са-каль.

– Да-да. – Подхватил Рябой, горевший желанием отплатить корчмарке, и потому обрадовано ухватился за шутку сакаля. – Мы-то думали, ты шутишь, оставляя его убираться у себя в ..., а ты.

– Таак!! – Недовольно отрезала великанша. – Кажется, сейчас кого-то и крепкие орехи не спасут.

– Тише-тише, ты только давай не убей его Ку-Баба, а то славное кишское воинство недосчитает одного из своих храбрых бойцов, а с меня самого снимут голову.

– Да я его слегка, встряхну для острастки. – Сказала великанша, выловив в углу рябого дружинника, и под общий хохот нежно прижала его большими грудями.

От такого нежного объятия, говорливый воин примолк на некоторое время, не имея доступа воздуха, и опал без сознания на пол, после того как был отпущен. Приведя его в сознание, дружинники потешались над незадачливым товарищем, имевшим несчастье понравиться великанше, то и дело оказывавшей ему подобные нежности, и сейчас успокаивавшей его своим низким голосом:

– Кажется, зря я тебя так. Ты ведь это из ревности, подозреваешь о нас всякое.

А самый смешливый воин, давась от смеха, подшучивал над несчастным, в душе радуясь, что не он является вожделем великанши:

– А мы вас поженим, и никто не посмеет домогаться супруги великого воина.

Когда веселье успокоилось, десятник продолжил:

– Пока вы любезничали, я вспомнил, что хотел сказать: что он – Рябой, хотел сказать, что толстяк рассказывает про тебя страшные вещи, мол, ты организовала против него це-

лый заговор, и ему теперь всюду мерещатся лазутчики и заговорщики.

– Ага, я тут его зажарю и съем, а из потрохов похлебку сварю.

– Он боится, что ты его здесь зацелуешь до смерти! – Не унимался упрямый рябой воин. На что его смешливый сослуживец, тут же поддел своим едким смешком – «Как тебя?!», вызвав взрыв ярости у маленького вояки, накинувшегося на сослуживца с кулаками.

Пахло хорошей дракой, но великанша развела дерущихся как щенят, и сурово пригрозила:

– Что это, вы у меня тут устраиваете? Деритесь на улице, здесь вам не поле для драк.

Десятник тоже добавил своего, отсчитав подчиненных.

– Не сердчай Ку-Баба, – снова попросил он прощения у хозяйки, отведя ее в сторону. – Воины напряжены, все ожидают возможного нападения, и никто уже не верит обещаниям о скорой помощи. Все готовы встать на защиту родной земли, но никто не хочет умирать напрасно.

– Все вы так. – Пробурчала хозяйка корчмы. – При моем отце, небось, никто так не пел. Вот так, всех держал! – Великанша сжала кулак, и ее и без того громадные руки, налились бугристыми мышцами.

– Даа, твой родитель был великий муж, и каждый градоначальник или жрец, что при нем правили, считался с ним, с его внушением на народ. Ку-Баба, а ведь ежели-бы ты была

мужиком, то и с тобой бы так же считались. Эээх! Прошли те времена, когда Ку-Баба, та, в честь которой тебя прозвали, правила великим городом Кишем, и все чттили ее. Вот бы и тебя сделать градоправителем этого города, да и всей земли. А что! Я бы пошел за тобой! Да и наши ребята тоже!

– Пошел бы, говоришь? А что если, я и вправду тебя позову? Пойдешь?

– Пойду. – Не думая согласился десятник, все еще полагая, что она шутит.

– И своих людей с собой позовешь?

– Позову. – Честно глядя осовевшими глазами, отвечал он.

– А если, я велю: «Бери оружие и переходи на сторону Унука», что ты скажешь?

– Как переходи? – Вмиг протрезвел дружинник, ошарашено уставившись на корчмарку.

– Что испугался, подумал, что продалась Ку-Баба, за серебряники продалась? Не бойся, я такого никогда не скажу, как бы я не хотела зла Ур-Забаве. Наслушалась я этих заговорщиков ищущих спасения у Унука и Нима, и поняла, что ничего хорошего ждать от них нам тоже не приходится. На людей им плевать, тем более на посадских землеробов. Им бы власть захватить, да свои порядки наводить, чтоб сливки снимать, а мужичок опять гол. Но и терпеть прежнее, тоже нельзя. Да и не устоит Нибиру перед такой силищей. Я сначала тоже думала, что можно будет договориться с унук-

цами, да они уже сговорились с лучшими мужами, что если Нибиру откупаются, и признают и принимают власть Загес-си, город не будет разграблен.

– Так это же измена!

– Не более, чем та, какую они сделали, подпав под руку Ур-Забабы. Нибиру свободный город. Ты же нибирец, должен это помнить.

– Но я клялся в верности Кишу и Единодержию.

– А что тебе дороже, жизни родных людей или верность клятвам недостойным правителям, ради самовластья погрузивших родную землю в кровавую усобицу?

Видя, что собеседник продолжает так же ошарашено глядеть на нее, Ку-Баба продолжила убеждать:

– Ты же сам сказал, что никто не верит в помощь. На что ты надеешься? Все уже предрешено, и дело только во времени и в том, сколько народу можно спасти. Богачи и вельможи уже сдали город, и только от немногих кишцев, да койкого из этих полоумных сторонников единодержца можно ожидать какого-то сопротивления. И многое зависит от того, как поведет себя дружина. Что если я скажу тебе: «Оставьте стены и откройте ворота»?

Наконец, десятник, придя в себя от потрясения, сухо сказал:

– Надеюсь, это я не понял твоей шутки. А иначе....

– Ну что – иначе? Тебе дороже наши люди, или обожравшиеся господа? Ты сам сказал, что мой отец имел внушение

на людей. А знаешь, почему? Потому, что он заботился о них – простых людях, о таких, что облюбовали себе места на окраинах города, и которым сейчас некуда деваться от меча Загесси. Уж кому как не тебе, знать об этом. Ты ведь, как и большинство простых вояк, сам из окраин. Кто-то же должен их защитить?

– Аааа. А я-то удивляюсь, отчего никто не торопится вооружать чернь. – Дошло до сознания дружинника, сущность замысла держательницы корчмы за стенами. – Ты права я из простых, да и большинство наших воинов, кто из землепашцев, кто из пастухов. Горожане они все больше в стражи идут, там и харч больше, да и все свои все свое, да и идти куда-то кровь проливать за туманные ценности никому не охота. Ну, а богатеи среди простых вояк и не встречаются, все больше в кингали метят. Да я их понимаю, никто не хочет помирать напрасно. Нам ведь еще и выгоды большой нет от нашей службы, отплатиться бы от долгов. Кто-то ведь с детства что раб – воли не знал; за родительские долги расплачивается, чтоб просто полноценным каламцем стать.

– А ведь, это у него должно быть по праву рождения. Все его предки были саг-ми и он сам тоже саг-ми. До чего мы дожили, что истый саг-ми, рабом наравне с чужеземцем ходит, будто лиходея какой. – Вздохнула великанша. – А представь, если бы часть богатства города да разделить поровну, как раньше, чтоб не было вот таких вот шуб-лугаль. Представь, как бы встали люди на защиту города, если бы им толь-

ко обещали прощение всех долгов и возвращение в лоно матери. Тогда не пришлось бы богатеям истощать свои мошна, чтоб только не разграбили все. А беднякам разве много надо: был бы хлеб насущный, да жизнь без лишений.

– Что нам до лишних богатств господ. Они их себе еще раздобудут. Сохранить бы жизни людей. Но ведь ты сказала, что господа договорились о сдаче города. Зачем тогда это все? Что плохого в том, что город не будет разграблен?

– А ты думаешь, они не дали на откуп победителям концы и пределы на разграбление?

– Да что там грабить? Нивы и пастбища и так пожгут, а для людей и сокровищ есть стены, на то они и строились. Кому-то, конечно, не посчастливится успеть за них....

– И знаешь, кто это будет?

– Шуб-лугаль... – Догадался десятник, и крепко поразмыслив, мрачно глотая ставшее горшим питье, принял решение. – Прости, что я в тебе усомнился, ты и вправду ничего не предавала. Это изначально, лучшие люди предали худых.

– Я понимаю, вам будет трудно решиться сразу, потому предлагаю дождаться решения городского совета, и по тому какую судьбу они уготовят шуб-лугаль и прочим жителям посадов, уже будет зависеть и их судьба. Тогда уж придется выбирать, чья судьба для вас важнее.

– Да будет так. – С облегчением выдохнул десятник.

– А ты и вправду подумал, что я изменница.

– Прости. Но зато теперь, я всецело с тобой, и вот в том

моя рука и я ручаюсь за своих людей, а там глядишь и остальные подтянутся.

– Им надо объяснить.

– Мои парни – воины, а не писцы и торговцы. Они поймут.

– С тобой мне пришлось повозиться.

– Ну, так я десятник как-никак. – Отшутился кингаль.

Как только солнце поднялось над зубчатыми стенами Нибиру, за его пределы с шумом и переругиванием служанок, тронулся обширный обоз ее властительной особы, супруги энси великого единодержца, ясноокой и нежноликой, прекраснейшей Э-Ли-Лу. Ее возок тихо покачиваясь и скрипя, потянул за собой второй, нагруженный до верха мешками с самым дорогим ее сердцу: украшениями, которые могли бы заставить страдать от зависти саму Инанну с ее чудесным ожерельем, и наряды, что посрамят даже царевен. Так казалось ей, когда она встречалась с восхищенными и удивленными взглядами прохожих, и потому возки тщательно охранялись приставленной стражей, дабы не дай бог, не подсуетился какой-нибудь прыткий воришка, коих в Нибиру хватало, и не наложил свои грязные руки на ее богатство. Сама градоначальша гордо восседала на мягких подушках, оглядывая прощальным взором город, в котором прожила всю жизнь, но который стал для нее слишком тесным и чуждым, и куда она надеялась больше не возвращаться. Ее манила новая столичная жизнь, которая рисовалась ей самыми радуж-

ными красками.

«А ну, прочь с дороги!» – Орала стражники на замешкавшихся прохожих попадавших им на пути, и больно отталкивали вовремя не убравшихся ротозеев, моргавших, с изумлением уставившись на поезд градоначальши. Служанки Элилу сидели тут же, рядом со своей хозяйкой, и красивые одежды их, бывшие в основном старыми нарядами самой Элилу, не уступали по пышности нарядам богатых горожанок, очень раня последних – оскорбляя их самолюбие. Отличало их от хозяйки, разве что отсутствие богатых украшений и знаки их рабского положения. Ослы погоняемые возницами, понуро плелись, таща за собой признаки человеческого честолюбия, назло оставляя признаки своего ослиного упрямства, в виде пахучих, дымящихся комочков. Для выхода именитых и богатых горожан в город, с его узкими и тесными улочками, как правило, использовались носилки, носимые сильными рабами, и лишь при выезде за его пределы, горожане могли позволить себе показать все великолепие своих стойл и возов, соревнуясь друг с другом в их убранстве и в украшении упряжи.

Гордо проскрипев, последняя повозка махнула задом и выехала за ворота стен, проезжая мимо примостившихся к ним посадов бедняцких пределов, скромно отошедших на приличное расстояние от главной дороги ведущей в город. А хозяйка этого обоза вздохнула с облегчением, от того, что покинула, наконец, этот муравейник зависти и сплетен, без-

вкусия и отсталости, и вольется в милый сердцу мир сердца мира.

2. Лагаш. Горечь правды.

Пробыв в Нгирсу около месяца, гости освоились и стали для его жителей уже почти своими. Выступления их принимались с восторгом, песни с пониманием. С особой теплотой люди встречали выходы юной бродяжки, ставшей для них любимицей. Нин и самой казалось, что этот город стал для нее вторым домом, так долго отсутствовавшим в ее жизни. Она успела передружиться со всей окрестной детворой, доверившейся ей и принявшую ее в свою уличную стайку как родную. Сама чуть старше, она была для них словно старшая сестра, став заботливой наставницей и верной подружкой. Девушка успевала везде и всюду: побыть с родными скomorоxами и выступить с ними на площади, и, упорхнув на улицу, посидеть с ребяташками. Вот и сейчас, Нин заботливо прибирала непоседливую девчушку лет трех, найдя ее у подножия храмовой горы, успевшую где-то перемазаться. Увлечшись, девушка незаметно для себя присела на ступеньку, продолжая свою возню.

– Для того ли, богам было угодно велеть людям строить себе на земле дома, чтобы всякие нечестивцы оскверняли их своей скверной! – Услышала она над собой грозный окрик.

Вздрогнув от неожиданности и подняв глаза, Нина отпрянула, встретив гневный взгляд, из-под нависавших се-

дых бровей. Опираясь на посох корявого дерева, впившегося хищной птицей тремя разветвляющимися когтями в рыжую землю, древний старик высверливал ее злыми глазами.

– Убирайтесь прочь, отпрыски нечестивой ночи! О, Шульпаэ, как можно терпеть их кощунства?! Да накажут вас боги семью проклятиями! – Кричал трясая бородой, рассерженный жрец.

Нин вскочила как ошпаренная и, побледнев от жутких проклятий старика, бежала прочь, уводя за собой замарашку. А жрец, еще потоптавшись, будто совершая очищающие обряды, начал подниматься по ступеням наверх – к молельне на вершине, чтобы возносить хвалу богам.

Девушка же горя от страха и стыда, убегая, столкнулась по пути с Кикудом.

– Ээй! Потихе! – Засмеялся молодой кингаль, узнав бродяжку, но увидев взволнованность на ее лице, тоже забеспокоился.

– Там старик, он прогнал нас, я не знала, что там нельзя. – Затараторила Нин, оправдываясь с виноватым видом. – Я не хотела, я случайно...

– Погоди-погоди: – «там», это при храме Шульпаэ?

– Да. Я не знала, что там молятся. Честно.

– Да погоди ты. Ты, должно быть, видела Лугальанду – прежнего правителя, он здесь обитает.

– О, неет, – с суеверным страхом протянула Нин.

– Что случилось?

– Это же не к добру, встретить призрака.

– Призрака???

– Ну, его же, прежнего правителя, убили.

– Да кто тебе такое сказал?! – Начал терять терпение Кикуд. – Посмотрел бы я на это зрелище.

Бродяжка облегченно вздохнула:

– Так он живой?!

– Живехонек, как видишь. – С нескрываемой злобой к старику, процедил молодой кингаль.

Нин за свой страх стало стыдно, и она, покраснев от неловкости, приснула в ладонь; глядя на нее, ее спаситель тоже не удержался от улыбки, и маленькая виновница переполоха тоже смеялась, не понимая еще, но просто радуясь общему веселью.

Нин, все же не оставляли в покое слова свергнутого лугаля:

– Но он же старый и жрец.

– Если б каждые жрецы имели силу, на земле б и людей не осталось, одни жрецы. Да и не так стар он вовсе.

– Каак???

– Его неприкормленная жадность и бессильная злоба, сделали его таким.

– Он проклинал нас.

– Это он любит. – Ухмыльнулся Кикуд, уводя юную бродяжку с ее непоседливой подопечной. – Кого он только не проклинал, мне самому раза три довелось подвергнуться его

пожеланиям. А ведь поначалу он был тише воды, пока все боялся, что его казнят. А какой ласковый был со всеми. Ровно до той поры, пока не понял, что родича новой царицы никто трогать не станет.

Затем вдруг, будто о чем-то вспомнив, передав малышку обратно в руки Нин, рванул к храмовой горе, откуда только что те бежали. Но Нин обеспокоившись, предчувствуя неладное, поспешила за ним, все так же держа на руках малышку.

– Эй ты! – В сторону храма на вершине, закричал Кикуд стоя у подножия. – Живой еще, храмовая крыса?! Не надое-ло еще, повсюду разбрызгиваться своим ядом?! Когда ты уже угомонишься?! Сколько можно терпеть твое зловоние?! Мало ты крови попил?! Выходи, судить тебя будем! Думаешь, ты спрятался тут, и все, всё забыли?! Я – ничего не забыл! Люди – не забудут! Думаешь, легко отделался?! Ошибаешься! Я – тебя еще не судил! Люди – не судили!!!

И хоть все происходящее было скорее страшным и было не до созерцания красот, Нин невольно залюбовалась молодым кингалем, в нем было столько неумемной страсти, а глаза горели огнем благородной ярости, что казалось это сам – ее любимый Ишкур, спустился, чтоб судить неподсудных на земле, судом небесным. И видом он был прекрасен, как прекрасен может быть только бог, в своей стройной и могучей стати; столько благородства было в нем, когда он метал гроздь гнева, и он был страшен в этом гневе, и был красив.

Наверно так же в бою, он налетал на врагов подобно ястребу, что вороны безвольно опускали перед ним свои крылья.

– Ну, где ты?! Чего молчишь?! Отвечай! – Кричал юноша, напоследок в отчаянии швырнув в сторону храма камень, отзвуками простучавшимся по ступеням, но никто не отвечал ему, и только едва уловимый скрип прикрываемых ворот, говорил о том, что он был услышан, и тот, к кому были обращены те слова, их слышал, но трусливо прятал нос за сторами. – Выходи!!!

Нин была перепугана еще сильнее, чем прежде и взмолилась к разгневанному воину, обычно спокойному и немногословному: «Не надо! Оставь его, тебя схватят! Уйдем отсюда, прошу, пожалуйста!». А к ним уже бежали храмовые стражи, чтобы пресечь самосуд какого-то безумца, посмевшегося встать против решения высших. И Нин все умоляла, все уговаривала, а Кикуд взявший из ее рук малышку, готов был увести их, и только сама малышка уже мирно посапывала, на его большом и сильном плече.

– Солнце перестало светить как прежде Уруинимгина сын Энгильсы, от человеческого вероломства солнце уже не светит как прежде. Уруинимгина сын Энгильсы, твой отец был боголюбивым человеком, почитавшим их и слушавшим советы божьих людей, и боги в ответ любили его, и мы думали, что и детям его передалось это богопочитание и послушание и мы доверились тебе Уруинимгина сын Энгильсы.

Уруинимгина сын Энгильсы, слушай нас! Мы дали тебе волю в твоих начинаниях; мы призывали народ идти за тобой; мы помогли, мы низложили с тобой зарвавшегося самодержца, мы вместе радовались этому; мы позволили тебе творить угодное Нингирсу по твоему разумению. Мы свое призвание выполнили. Теперь мы ждем, мы надеемся, мы требуем, что и ты начнешь исполнять свое.

По пустынным просторам, одиноко разносятся голоса сонма жрецов Нингирсу, отдаваясь от стен громовым раскатом.

– Святейший совет несправедлив ко мне. Разве я, не следовал нашим уговорам? Разве храмы, не получили обратно земли, когда-то произволом присвоенные Энентарзи и его наследником? Разве я, не вернул вам попранные права и преимущества? Разве не избавил от поборов? Разве божье не вернулось божьему? – Возражает совету, восседающий на престоле человек.

– Как смеешь ты, долг свой перед богами, называть уговором?! – Грозно вещали ему.

– Да простят меня досточтимые старцы и святейшие мудрецы, но долг свой перед богами я стараюсь выполнять день ото дня, не уговариваясь со служителями храмов, которые такие же люди как и все.

– Да как ты посмел...! – Начал браниться один из жрецов потрясая посохом, но знаком был остановлен старшим, давшим понять, что говорит здесь он.

– Да, мы лишь простые люди и нам с нашего ничтожества даже низко не стоять рядом с великими анунаками, и мы знаем это, обращаясь, всякий раз к высшим за их волей и помощью. Но мы помним также про то, что от них нам ведомо то, что неведомо людям живущим. Мы люди, но мы наделены великими знаниями высших; мы люди, но обладаем правом вещать божью волю. Потому, говорим мы тебе: слушай нас и услышишь речь господ.

– Чем же я мог прогневить Нингирсу? Я во всем следую его заветам.

– В своем стремлении угодить бедным, ты обижаешь богатых; отнимая, ты не даешь удовлетворения в праве; твои люди в своей безнаказанности сами творят беззакония и потокают хулителям вельмож и богов.

– Кто посмел, творить беззакония от моего имени?! – Нахмурившись, спросил Уруинимгина.

– Поступок молодого кингаля, не имеет оправданий.

Дальнейших пояснений не понадобилось, побледнев, Лугаль ответил не сразу:

– Я знаю, что Кикуд достоин всяческого порицания, и он будет наказан за своеволие. Но стоит ли, это вашего внимания? Ведь он никого не убил, не ограбил.

– Он нарушил покой бога и грозился его слуге! Он пытался осквернить дом божий! – Не выдержав, вскричал с места жрец Шульпаэ.

– То, что Лугальянда там прячется от гнева народа, не зна-

чит, что он стал вдруг жрецом вашего храма....

– Богохульник! А ты не забыл, что лугаль это тоже слуга божий?! Это и тебя касается, ты кажется, стал забывать о том!

– Я помню. Я помню также, что лугаль старший над всеми жрецами, и потому, жрецы должны внимать ему и следовать его воле. А вы, кажется, стали забывать о том!

– Мы помним. – Вновь взял слово верховный жрец Нингирсы, встряв в перепалку. – Но не забывай, что и Лугаль-анда был когда-то старшим над нами, но свернув на тропу несправедливости и беззакония, он встал против бога, и был нами низложен за это.

– Не вами, но народом! И потому он не лугаль больше, и не слуга божий. Где вы были, когда люди голодали от непосильных поборов, а богачи, о которых вы сейчас так печетесь, жировали и веселились? Где, я спрашиваю?! Лишь немногие из вас, были недовольны этим. Вы же с упоением служили этой несправедливости, оправдывая ее и принуждая людей смиряться с ней.

– Мы тем старались, укреплять основание строения земли нашей, чтобы всякие смутьяны не расшатывали его на радость врагам!

– Землю зыбучими песками не укрепить. Что сделал Кикуд такого, что вы требуете его наказания? Я люблю его как сына, и я не позволю возводить на него напраслину и наказывать по надуманным обвинениям. Кто видел его богохуль-

ство? Кто освидетельствует и поклянется в том перед богами? Кто пройдет через испытание водой?

Никто из жрецов не осмелился ручаться за свидетельства храмовых стражей, но старший среди старших, но главный жрец бога Лагаша Нингирсу которому служил и Уруинимгина, и к чьим речам должен был прислушиваться, насупившись, потребовал:

– Ты стал слишком мягок Уруинимгина сын Энгильсы. Нингирсу недоволен тем, что преступники не получают заслуженной кары за свои злодеяния. Не для того мы избирали тебя, чтобы ты поощрял несправедливость.

– Я вернул богам земли, чтоб общинники трудились на ней, не боясь умереть с голода или стать подневольными закупам; я отстраиваю вам для богов новые дома и молельни, чтобы люди возносили их величие и благодарили за блага. Что вы еще хотите от меня? Крови?

– Пора карать смертью за богохульство и безнравственность. Ты защищаешь близких тебе людей, мы же хотим, чтобы преступники получили заслуженное.

– А Лугальанда, входит в их число?

– Лугальанда неподсуден! Он под защитой богов и не совершал ничего неугодного им! – Вновь не удержался жрец Шульпаэ.

– Отчего же? Ведь он мой свойственник, и, не судив его, я поощряю несправедливость, защищая своего родича.

– Да как ты...! – Вновь взорвался жрец Шульпаэ, но вновь

был остановлен старшим жрецом.

– Ладно. Пусть Кикуд завтра же покинет город и не появляется здесь более без надобности. – Примиряюще сказал старший жрец, дабы не допустить раздора внутри, кажется, благодарный увертливости лугалья.

– И он не понесет никакого наказания?! – Возмутился крикливый защитник Лугальанды.

– За свою дерзость, он должен сдать полномочия шестидесятника. Негоже богохульнику управлять воинами Лагаша.

Удовлетворенный благоприятным исходом, лугаль успокоил собравшихся священнослужителей:

– О том не беспокойтесь, он уже лишен этого почетного звания и вернется на заставу простым дружинником.

– А бродячие шуты?

– Чем вам бродячие шуты не угодили?

– Они в своих представлениях, выставляют благородных вельмож и богослужителей в глупом виде.

– Что ж делать – усмехнулся Уруинимгина, – коль благородные вельможи и богослужители, порой дают для этого повод?

– Они вносят в умы людей разврат и бездушие. Пусть возвращаются к себе.

– Они спасли моего сына, и я не уподоблюсь шакалу, выгоняя их как каких-то воров.

– Твоего сына спас юный ученик лекаря, он пусть останется. Остальным лежит дорога.

– Плохо вы знаете людей, особенно молодых и горячих. Их сердца еще не очерствели, а привязанностей слишком мало. Он не бросит их, для него они теперь семья. Меня удивляет возмущение служителей бога пиршеств и игрищ, представлениями бродячих игрецов. Разве вы в своих храмах и на площадях, не делаете то же самое?

– Как смеешь ты, сравнивать игру благородных служителей храма с этими безбожными бродягами?!

– Прошу тишины! Ладно. Этот вопрос мы пока оставим. – Грозный стук посоха и примиряющие слова, несколько остудили жрецов Шульпаэ и успокоили Уруинимгину.

– Все это хорошо, только святейший предстоятель видимо забыл свои слова о том, что Нингирсу, которому он служит верой и правдой, требовал наказания для преступников. – Разрезал голос пустоту, отдавшись по стенам, когда вздохнувший с облегчением лугаль привстал уже, собравшись уходить.

– Все мы только что слышали, как досточтимый Уруинимгина заверил нас в том, что Кикуд в наказание за свою дерзость будет служить простым дружинником.

Но жрец Шульпаэ, не удовлетворившись подобным ответом, продолжал настаивать:

– Святейший говорил о настоящем наказании для преступников.

– Да-да, мы все это слышали. – Подхватили другие, почувствовав слабинку служителей Нингирсу.

Верховный жрец, не готовый к подобному повороту, совершенно растерявшись, не нашелся что ответить. Он понимал, что с падением Уруинимгины, как слугитель бога падет и он. Решив грозными словами приструнить заносчивого царя, он сам загнал себя в угол.

На счастье, лугаль сам показал, что не зря занял свое место:

– Вы хотите настоящего наказания?! Хорошо, пусть будет, по-вашему. Вы все помните о законах наших отцов и о том, что многие из них давно не исполняются?

– Помним. – Не подозревая подвоха, согласились жрецы.

– А помнят ли святейшие, о том, что многие, в том числе уважаемые люди нашего города продолжают жить во грехе, вопреки запрету отцов? Что многие, продолжают брать мзду и обворовывать общее ради личного? А ведь от этого страдают слабые: вдовы и сироты. И вы святейшие, до сих пор допускали это, да и сами не гнушались взимать с людей сверхдолжного, хотя богами призваны блюсти их порядок. Вы не страшитесь их гнева? Боги да судят вас, я вам не судья, но вельмож, не обличенных священным саном, судить я еще могу. Вы требовали смертного наказания за богохульство и безнравственность: а что может быть богохульней и безнравственней, жизни наших лучших людей, забывших о праве слабого? Завтра на совете.....

– Да твой совет, сборище голодранцев!!!

– Завтра на совете! – Громче повторил Уруинимгина, да-

вая понять, что окрики ничего не изменят. – Я оглашу приговоры для преступлений, и для преступлений забытых вами тоже. А чтобы никто не говорил, что новый лугаль, как и прежние, творит незаконный произвол: отныне к каждой казни будут начертаны скрижали о злодеяниях, за которые преступник осужден.

«Сильный, да не обидит слабого». – Вот к чему призывает право отцов, и я стараниями своими тщусь исполнить эти заветы, предписанные нам сверху, пусть вам это и не нравится.

Урунимгина рывком поднялся с места и твердой решительной поступью покинул заседание, оставив священный совет недосказанностью речи, в недоумении и тревожных догадках.

Чтоб как-то загладить свою вину перед Урунимгиной, Кикуд не захотел покидать столицы, не представ перед людским и божьим судом вместе с неподсудными, о котором во всеуслышание объявили глашатаи и вдавливали на столбцах писцы. Накинув на голову широкий сатуш, чтобы скрыть лицо от нежелательных взглядов, он стоял тут же среди всех этих убийц и мздоимцев.

Бродяги в силу своего обитания вблизи городских сует, тоже были здесь среди толпы. Узнав в осанистом преступнике молодого кингаля, Мул пробиралась к нему, чтобы поддержать в тяжкий час за заступничество: бессмысленное, безрассудное, но благородное и такое нужное для юной бро-

дзяжки. Сама Нин, не зная причины порыва подруги, ринулась за ней.

Шум стоявший над заскучавшей толпой, улегся, когда на лобное место поднялся Уруинимгина. Люди приоткрыв рты, ожидали от него речей, воодушевлявших их на свершения, но во взгляде их са-каля не было уже той искры, того огня, той веры, что вела их на неприступную крепость зарвавшегося Лугальанды, заставившей стражей склонить перед ними горделивые головы, а воинов встать в их ряды. Теперь в его глазах лишь громы чувства долга перед богом справедливости Нингирсу, которому он должен следовать.

– Свободные жители славного Лагаша! – Прокричал он, обращаясь в толпу, и смотрел в нее, словно ожидая поддержки в своем непростом решении, которое он собирался сейчас им объявить. – Наши святейшие старцы, в своей мудрости явили мне мысль о том, что боги хотят видеть в нас своих верных последователей, которые творя добро, однако не забывали и про зло, что еще окружает нас! Что каждый должен блюсти, чистоту нравов и установленный богами порядок, а преступивший их, должен понести заслуженное наказание! А этому, по законам древних, наказание – Смерть! – Пронеслось по площади леденящим приговором, это страшное слово.

Люди замерли, ожидая, что скажет их вождь.

– Вы знаете, что я не приемлю напрасного насилия, но правосудие должно вершиться и кто-то должен его вершить!

Нингирсу! Он один может решать дела правосудия! И наши святейшие жрецы дали мне знать, что он дает нам право судить смертью преступников! Мы вынесли приговоры по самым злостным деяниям, но во избежание произвола, один я, не могу взять на себя эту ношу, а судьям нет веры у вас! Поэтому, я хочу, чтоб вы послушали и сами решили, правильно ли мы поступили, осудив тех преступников. Может кого-то мы осудили несправедливо, а кто-то достоин вашего снисхождения, судить вам! Только одно скажу вам: если вы чисты душой, каждый неправый приговор, ляжет на вас тяжким бременем, и будет гнетом давить на вас, всю вашу жизнь! Посему призываю вас, не выносите скороспелых решений, подумайте крепко, прежде чем помиловать кого-то или лишить жизни!

С этими словами он скромно отошел, дав возможность оглашать приговоры, вся остальная часть, уже ложилась на плечи собравшегося люда. По взмаху распорядителя выводили преступников, и глашатай называл их вину и полагающееся за это наказание, и уже народ должен был судить, как с ними поступить. Люд Лагаша, в отличие от толп Киша или Унука, научился мыслить имея голос в решении своей жизни, а не безропотно подчиняться решению высших, и потому к каждому обвинению старался подходить по совести, будто это их судьба там решается. Обсуждение обходилось без драк и лишнего шума, каждая сторона приводила свой довод, а другая или соглашалась с ним или приводила свой, по-

ка обсуждение не приходило к единому мнению, устраивавшему всех или казавшемуся наиболее бесспорным. Так под общее одобрение, был помилован общинник, взятый по поклепу богатого соседа. Затем последовал насильник, божившийся в раскаянии и уверявший, что совершал деяния под давлением госпожи. Его недолго думая, отправили искупать свое преступление, раскапывая отводы вод для общего блага. В конце концов, дошла очередь и до тех, для кого и был устроен этот народный суд.

Как только на помост вывели перепуганных сановников, поднялся шум, кто-то ликовал от радости, что наконец-то принялись и за ненавистных богачей, но кто-то и плевался на вельмож, из-за недовольства, что им кидают этих двух зарвавшихся чинуш и проворовавшуюся прелюбодейку, как бросают кость собаке, чтоб она не зарилась на мясо. После небольшого волнения, люди собравшись с духом, усиленно начали вспоминать все их грехи, начиная со времен Энтемены, но вышедший вперед верховный судья, обратился к людям с призывом, чтобы они не судили за прошлое, но судили бы за преступления нынешние, совершенные подсудными уже прощенными за грехи старые, если это только не убийство. Вызвав недовольство, это все же облегчило работу народным судьям, и они пришли к соглашению, что один из обвиняемых, все же достоин послабления участи. И писцами был вытиснен приговор об отправке его на работы для нужд города, до той поры пока он честным трудом не отработает

все, что у него украл. Эта милость, была немногим лучше той, что ожидала приговоренных к смерти: чтоб возместить нанесенный ущерб честным трудом, этому мздоимцу и вору бы пришлось протрудиться не одну жизнь, и взывший от горя или радости, он был удален стражами. Оставшийся сановник, воодушевленный предыдущими помилованиями, дико озираясь и отыскивая бегающими глазками среди своих неожиданных судей самых жалостливых, попытался также искать милости, введя толпу в замешательство. Но тут, откуда-то из глубины ее, послышался возмущенный женский окрик:

– Лююдии!!! Да что же вы слушаете этого насильника?!! Неужели забыли, сколько зла он причинил вам со своей потаскухой?!! Или он перестал вас обворовывать?!

Там, где раздался окрик, толпа расступилась перед женщиной средних лет с перекошенным от страдания лицом. Это освежило людям память, и они начали вспоминать все, то зло, что этот человек успел совершить, уже после ухода Лугальанды.

– Он обобрал меня до нитки!

– А меня оставил без жилья, и теперь я с семьей вынужден ютиться по углам, чтоб не оказаться за забором!

– Этот червь, домогался моей жены!

– Моей тоже!

– Он угрозами заставил быть с ним мою сестру, а муж обвинил ее в измене и выгнал из дому, и теперь ей грозит суд! –

Плакала молодая женщина.

– Он насильничал мою дочь! Кто теперь возьмет ее в жены?! – Тоже чуть не плача, причитал несчастный отец.

"Ничего-ничего – успокаивали люди вокруг, – мы не дадим вас в обиду."; "Мы не позволим тронуть твою сестру, в том нет ее вины."; "Твоя дочь, не останется без мужа, она невинна."

– При Лугальанде, он отдал управление прелюбодейке, и она творила все, что ей вздумается! Она запустила руку в казну Лагаша, и воины недосчиталось жалования!

– Но ее судили!!

– Судили, пока она пела песни и любовалась цветами! А потом и вовсе забыли наказать!

– Где она?!! Ее тоже нужно судить!!

– Это прошлое! Судья сказал, чтобы судили за нынешнее!

– А вы думаете она стала лучше, не получив по заслугам?!

Или воины перестали гибнуть, от того, что войска по ее милости оставались в нужде?! А, не она ли обворовав нас, нам же и сейчас смеется в лицо, видя наше бессилие найти на нее управу?! Не она ли домогалась наших сыновей, когда ей наскучило лобызаться со своими любовниками?! Тьфу!

Под одобрительные выкрики, вперед вытолкнули пышно-телую бабу, натворившую столько бед, сейчас же, стоявшую перед ними дрожащей и кутавшейся в покрывало.

– Где мои сыновья?!!! – Закричала женщина с перекошенным лицом. – Что вы изверги с ними сделали?!! – И броси-

лась к помосту. Но не выдерживая душевных мук, не сумев совладать с собой повалилась на землю.

– Все ее сыновья сгинули на войне, когда по приказу Лугальанды были отправлены на войну с Уммой, не имея даже острого оружия, чтоб биться, и крепких щитов, чтоб оборониться. – Шептались знающие люди. – Как же, ведь звонкие ги для покупки оружия, перетекли под подол к этой двоемужнице.

Это еще больше, придало людям уверенности в порывах к справедливому возмездию для преступницы.

– Она также повинна, как и ее любовник!!

– Пусть ответит, перед теми кого осиротила и обидела!!

Нет ей прощенья!!

– Пусть у погубленных ей ищет милости, а мы – не прощаем!!

«И пусть ответит!!! Пусть ответит!!!» – Разнеслось по площади.

Распорядитель склонил голову приняв волю народа и подозвал глашатая для зачитания приговора.

Наконец, дошел черед и до Кикуда. Увидев кто скрывается под сатушем, народ ахнул.

– Кто там? – Посыпались вопросы, людей далеких от помоста.

И им тут же отвечали:

– Это храбрый Кикуд. Кингаль молодых агаушей, что стерегут наши рубежи от уммских вторжений.

– Мы все знаем Кикуда, как честного и благородного юношу. Не может быть, чтоб он кого-то ограбил, обидел или насильничал. Это ложь.

– Да, верно. Он готов всегда помочь, когда бывает здесь. И родители его были людьми благородными и справедливыми и всегда стояли за правду и простой люд, за что и попали в опалу к Лугальанде. И он такой же.

– Это все жрецы воду мутят.

– Не ври. Жрецы освободили нас от ига Лугальанды.

– Жрец жрецу рознь. Одни освободили, другие хотят снова ярмо надеть.

– "Что здесь делает молодой кингаль?!" "В чем он провинился?!" Отпустите его немедленно! – Послышались из толпы возмущенные возгласы, очнувшихся от оторопи лагашцев. – "Лугаль нас предал и продался богатеям!"

Будто задетый обвинением, вперед выступил сам лугаль, вздев руку, чтоб быть услышанным; и его громогласный крик, отзвуками отдался по площади:

– Этот молодец был схвачен храмовой стражей, и обвинен ими в богохульстве и осквернении храма! Это обвинение, которое не отбросить в сторону как пустое! По законам отцов, за такое злодеяние наказание неминуемо! И от вас только зависит, насколько тяжелым оно будет для него!

Ошарашенные столь страшным обвинением, люди на миг потеряли дар речи, пока наступившее молчание не прервал недоверчивый глас:

– А как же он это сделал?! Храм поджег?!

– "Да, пусть расскажут! Верно, они сами это придумали!";

" Храмовым стражам веры нет!"; "Верно! Еще неизвестно, что это за стражи такие!" – Будто разбуженные нечаянным криком, подхватили и другие.

– Стражи Шулпаэ. – Подсказал кто-то из окружения Уруинимгины.

– Шульпа-а-а-йэ??! Хых, тогда все понятно!

"Как вы могли поверить этим прихвостням Лугальанды, они же только и мечтают, чтоб вернуть его обратно?!"; "Их самих давно пора четвертовать!"; "Их речи лживы, а клятвы кривы! Как вы им поверили?! Позор вам!"; "Позор! Позор!" – Тут же посыпались обвинения со всех сторон.

– Чего мы тут стоим?! Бей их!! – Крикнули вдруг, откуда-то из толпы.

И несладко пришлось бы служителям храма, несмотря на безмолвных стражей, не будь люди благоразумней. Упреждая мятежное настроение, снова вышел лугаль и обратился к ним:

– Да, это стражи Шульпаэ! Но не должны ли мы исполнять законы отцов, и выслушать даже обвинения лживых, если только хотим вернуться в лоно матери?! Иначе, все это зря! Пусть суд решит, что в их словах правда, что ложь! Суд человеческий! Суд божий!

"Ниса дело говорит! Правильно, пусть суд решает!" – Закивали все одобрительно.

Позвали храмовых стражей. Было видно, что смущенные и бледные от волнения, служители Шульпаэ не ожидали подобного для себя оборота. Но на вопросы судей и отрицания своей вины Кикудом, стояли на своем: "Кингаль богохульничал – понося бога и осквернял святой храм."

Хмуры стали люди, воодушевленные было решением нисы; хмур был лугаль; хмуры были судьи, понимая, что придется выносить им смертный приговор несчастному молодцу; пал духом обвиненный кингаль, но еще требовал испытание водой, надеясь хоть отстоять свое честное имя. На что получил отповедь жреца Шульпаэ, что обвиненный многими не может требовать божьего суда.

Предчувствуя ужасный исход, будто на что-то надеясь, верховный жрец Нингирсу настоятельно вопрошал грозя божьим гневом, не желает ли кто-то из обвинителей изменить свое слово пред его очами, но снова получил твердый ответ: "Кингаль богохульничал – понося нашего бога и осквернял святой храм."

– Это неправда. – Почти про себя прошептала Нин, прослышав, наконец, показания храмовых стражей, и не услышанная вторила громче. Но ее никто не слышал, и лишь подруга поняв, что она хочет сказать, что-то важное, переспросила ее. Тогда Нин почти крикнула, но голос в пересохшей от зноя и волнения гортани, на сей раз подвел ее. И снова она не была услышана людьми, даже не заметивших ее порыва, но тот кто слушал услышал, и схватив бродяжку за руку, по-

чти несясь стремительным шагом, Мул повела ее к лобному месту, громко восклицая:

– Слушайте люди!!! Вот та, кто опровергнет ложь! Послушайте ее!

Расступаясь, люди глядя на нее с надеждой говорили:

– Пропустите, пропустите их, они знают правду.

Пропустив гостей к лобному месту, все с нетерпением ожидали, что же такого они знают и расскажут. Но всеобщее ожидание не касалось жрецов и служителей обвиняющих Кикуда, вовсе не горевших желанием опровержения их обвинений.

– Кто эти женщины?! – Вопросал жрец Шульпаэ, будто впервые их видел. – Ни я, ни мои послушники, не знаем таких женщин среди свободных жителей Лагаша. Может они рабыни? Тогда где их господин, который мог бы подкрепить их показания словом своего честного имени?

– Видно служители пиршествующего Шульпаэ совсем отгородились от мира, в своем служении светоносности, что не слышали о приезде веселых игроков с северных земель Калама. Людей хоть и бродячих, но черноголовых, таких же свободных как и мы, вольных в своем действии. – Выступил сам царь, в защиту своих гостей. – А значит и слово их, имеет столько же веса, как слово всякого свободного са-и. Шульпаэ покровительствует пению и играм, а стало быть и им. Их слово, против слова храмовых стражей.

– Ты святотатствуешь, слово бродяги не то же, что слово

служителя бога! – Не сдержался жрец Шульпаэ, не оставляя попыток не допустить оправдания оскорбителя их саккаля.

– С каких пор, послушники стали вровень с посвященными служителями?! – Грозно осадил служителя Шульпаэ, верховный жрец Нингирсу. Что заставило того примолкнуть.

– Говорите. – Соизволил говорить бродяжкам, важный судья.

– Говорить будет она. – Уточнила Мул.

Судья кивнул, разрешая говорить Нин, и тут же спросил, что она может сказать в защиту обвиняемого.

Набравшись духа, Нин выпалила:

– Они врут.

– Говори, кто – врет?

– Они все. Стражи, врут про то как это все было; жрец врут, зная, что это все ложь.

– Да эта бродяжка, сама лгунья! – Взъярился жрец. – Лжет, пытаясь оправдать своего возлюбленного!

– Если святейший жрец Шульпаэ не успокоится, он сам будет удален за недостойное поведение. Суд не торговая площадь, чтоб орать здесь подобно торговцам. – Осмелев после осаждения верховным жрецом служителя Шульпаэ, пригрозил судья.

– Откуда тебе известно, что храмовые стражи Шульпаэ лгут? Ты была там? Видела, все как было?

– Да. Была и видела.

– Продолжай. Значит стражи лгут, что молодой нубанда

покушался на осквернение храма?

– Да.

– Расскажи как было; а мы будем судить – правда это, или навет. Значит, обвиненный кингаль не кидал камень?

– К-кидал. – По площади пронеслось негодующее придыхание.

– Хм. Он кидал, куда-то в другую сторону? Не в сторону святыни? – Попытался помочь с ответом судья.

– Нет, не в другую сторону.

– Хм. – Нахмурился судья. – Зачем ты вводишь в заблуждение, суд и людей здесь собравшихся? Говори, в чем тогда стражи неправы?!

– В том, что он не осквернял святыни. – Поспешила объяснить Нин, пока суд ее выслушивал. – Он не в храм кидал, и не на бога бранился.

– Что же он, воробьев там отпугивал?! – Торжествующе высмеял юную скоморошку жрец Шульпаэ, чувствуя слабость ее показаний.

– Я, попрошу соблюдать тишину и порядок! – Успокоил судья и его и поднявшееся волнение народа. – Мы еще не выслушали свидетеля и не знаем, что у нее есть сказать в защиту.

– Скажи тогда, в кого он кидал и на кого бранился? – С завидным, но привычным для него терпением спрашивал судья.

– Там был старик. Он кричал на нас с Мышкой.

– Какая мышка?

– Девочка, сиротка.

– Ааа. – Улыбнулся судья своей недогадливости. – И она тоже может дать показания?

– Неет, она еще маленькая, она еще даже говорить не умеет.

– Ах, так. – Снова смутился, строгий вершитель судеб. – Ты сказала там был старик, который кричал на вас... с Мышкой. Что это был за старик, ты знаешь?

Нин с облегчением подметив про себя, что строгий председатель смягчился, перешла в наступление:

– Знаю. Кикуд сказал мне, что это старый Лугальанда.

По толпе снова прошелся гул негодования, но на сей раз к старому лугалю. Кто-то уже начал громко возмущаться, призывая служителей к ответу. Но судья дал понять, что не время решать кто прав кто виноват, не выслушав свидетеля до конца. И начавшееся было волнение, тут же улеглось.

– Что же так прогневало ста... Лугальанду? Может вы дразнили его?

– Не-еет! – Возмущенно воскликнула Нин. – Я только нашла там малышку и собиралась увести, как он появился и начал ругаться.

– И что же Кикуд? Он тоже был с вами?

– Нет, его еще не было. Мы убегали, а он проходил рядом. И когда он узнал отчего мы бежим, он хотел вступить за нас, но старик уже ушел. Вот он сгоряча и кинул камень в

его сторону, и призывал к ответу.

– Угу. Призывал к ответу, за то, что он кричал на вас?

– За все. И за это, и за все зло, что он сделал лагашцам, пока правителем был. А они говорят – богов хулил. – Кивнула она в сторону стражей.

"И прааавильно делал, что призывал! К ответу старую крысу!"; "Так мы и думали, что без старого лугалья здесь не обошлось!"; "Пусть ответит за свои злодеяния!" – Заполнили площадь, поддерживающие Кикуда возгласы. – "Зачем ему все спустили с рук! Его миловали, а он еще огрызается!"; "А этих клеветов в воду, чтоб другим неповадно было!".

Испуганные служители храма сбились в кучку, вспомнив о народном гневе. Поняв, что дело может закончиться самосудом, Урунимгина оглядев их с усмешкой, с издевкой протянул:

– Что, испугались? То-то же. Народ не любит несносных шуток.

И тут же обратился к народу с , что пока идет суд, кого-то тронут, только если убьют и его.

– Что предлагает делать досточтимый лугаль? – Вышел вперед, седовласый и седобородый старик. – Как терпеть ту злокознь, с которой они губят лучших из нас; с которой, непрерывно пытаются вернуть времена нашего бездожья? Накажи их лугаль.

– Непосильную ношу, ты хочешь взвалить на меня алга. – Тяжело вздохнул Урунимгина. – Пойти против законов Ме,

против справедливости Нингирсу.

– За правду! За людей!

– Неет, алга, нельзя пойти за правду, нарушая законы справедливости. Нельзя пойти за людей, беря на себя бремя всевластия. Все это рушит остовы мироздания. Раз нарушив, потом уже не соберешь. Не собрать разбитый кувшин, без трещин.

– Так, что же делать тогда? Терпеть их нет мочи.

– Пусть суд решит.

– Суд их отпустит. – Мрачно предрек старик. – И казнит Кикуда. Что им правда, какой-то побродяжки? Они прислужникам храма поверят.

– Этот суд честный, беспристрастный. Он судит по закону, а не по чину. Разберется. Если Кикуд невиновен, отпустят.

– Как разберется? Водой будет их проверять?

– Я готова. – Послышалось робкое, но твердое слово.

– Что – готова? – Несколько побледнел Уруинимгина, осознавая на какую опасность обрекает себя скоморошка.

– Готова пройти испытание.

– Что ты? Какое испытание? Не вздумай даже, это не игрушки. – Попыталась отговорить ее Мул.

Но, обычно покладистая Нин, отстранилась от удерживающей ее руки подруги .

– Не держи меня Мул, я все равно это сделаю. Я не боюсь божьего суда.

– Ты же погибнешь!

– Боги видят, что я не лгу, они не допустят сотвориться неправоте. – С убеждением собственной правоты, гордо сказала Нин.

И выступив вперед, повторила суду во всеуслышание:

– Я готова пройти испытание! Боги не осудят истины!

– Ты твердо это решила? Смотри, обратно слова не оборотить. – Попытался образумить ее судья.

– Да.

– Я тоже пройду испытание! – Выступила Мул, понимая, что бродяжку не остановить, встретив благодарный взгляд Нин.

– Не делайте этого!! Я должен это сделать сам! – Почти кричал от отчаяния Кикуд. – Зачем вы?! Велите им, отказаться от своих решений!

– Ты думаешь, обещания перед божьим судом – суетные речи, чтоб от них отказаться так легко?! – Грозно произнес помрачневший судья.

– Тогда берите его и с меня. Я готов пройти божий суд, чтоб доказать, что все было так как рассказала Нин!

– Быть по сему!

Суд все решил. Слово оставалось еще за кингалем, и он нашел что сказать.

– Что-ж, сторона защищающаяся свое намерение выразила, а готовы ли обвиняющие пройти испытание? Суд божий! – Напрямую спросил он обвинителей, совершенно растерявшихся перед решимостью простых бродяг. – Вы готовы за-

верить свои обвинения, окунувшись в священные воды мудрейшего Энки?!

Стражи стыдливо опустили головы, от ужаса не смея произнести и слова.

– Что же вы молчите?! – Под общее ликование и негодование, взывал их к ответу народный лугаль. – Что же решит правосудие?! Обвинители не хотят отвечать!

– Отвечайте немедленно: принимаете ли вызов к суду божьему?! – Не сдержал гнева судья, все же раздраженный затянувшимся действием.

Снова не получив ответа, он уже собрался призвать градских стражей, силой заставить стражей храма Шульпаэ окунуться в священные воды, когда Уруинимгина, не желая напрасну злить жрецов Гирсу, спас послушников от неминуемой гибели, а суд от нажитых врагов.

– Что же, молчат обвинители? Выходит, не лгут защитники, и кингаль Кикуд не кривит. Что же мы их держим тогда, как разбойников каких-то?! Не стоит-ль извиниться перед нашими гостями, за вовлечение в наши дрязги, за хулу и ругань от старого лугалья; да и перед Кикудом за напрасные подозрения, и отпустить коль он не виновен?! – По площади пронеслись одобрительные крики. – И я, как глава нашего города, глубоко сожалею, что нашим гостям довелось испытать горечь наших давних раздоров, и прошу принять извинения от всего священного Лагаша.

Уруинимгира, приложив ладони к груди, поклонился Нин

и Мул, и в сторону стоящих в стороне скоморохов.

– Ну, коли так, то и мы приносим извинения за себя и весь наш город. А что делать с этими тогда? – Прищурясь, спросил судья.

– А этих! Что с них взять?! Они видно ошиблись. С кем не бывает! Ведь это так?

– Да-да, мы ошиблись. – радостно закивали храмовые стражи Шульпаэ, хватаясь словно за соломинку за слова лугаля, и были отпущены с миром.

После этого сошли и девушки, и Кикуд хоть и был наказан высылкой к месту службы с лишением чина, за брошенный камень в сторону храма, под всеобщее ликование был освобожден из-под стражи.

– Да здравствует, мудрый Уруинимгина!!!

– Уруинимгима! Уруинимгима! – Оглушилась площадь громогласьем.

Пришло время казни. Сквозь шум и гам ликующих, Нин не расслышала, какая участь уготована приговоренным и обеспокоенно затараторила, то и дело дергая и дрожащим голосом переспрашивая подругу:

– Что он сказал? Что они хотят с ними сделать? Что с ними будет? С ними же ничего не сделают?

Но Мул будто не слыша, упорно не хотела отвечать, сосредоточенно глядя на лобное место и раздраженно отмахиваясь от нее как от назойливой мухи. Кикуд тоже вниматель-

но наблюдал за происходившим, замерев словно хищник перед наскоком, и Нин не решилась тревожить его, отчаянно уповая на то, что ей не доведется быть свидетелем ужасного зрелища. Она была бы рада покинуть это место, но не смея продираться сквозь непроходимую стену людей, обреченно поглядывая туда куда уставились все.

Вот вывели человека, судя по виду не бедствовавшего, и какие-то люди начали проделывать над ним непонятные штуки. Но в конце концов, она услышала глухой стук и увидела как этот человек поник и, обмякши как тряпка, как будто вырвался из рук своих мучителей. Нин так ничего бы и не поняла, если бы не восторженно-одобряющие и удовлетворенные возгласы вокруг, и она с ужасом осознала, что сейчас на ее глазах произошло. Заколотившись как тысячи колотушек, ее сердце провалилось куда-то в пустоту, а внизу живота потянули неудобные позы. Мул обратив, наконец, взгляд на подругу, не узнала в бледном перепуганном ребенке с огромными от ужаса глазами, бойкую и жизнерадостную девчушку.

– Что с тобой милая?! – Проорала она ей, чтоб быть услышанной сквозь шум голосов, но та, не отвечала, замороженно уставившись на место казни, куда подвели уже дрожащую как лист двоюмужницу.

Нин смотрела, не в силах отвести широко раскрытых глаз. Нет, для нее не была в новинку сама казнь, в землях единой державы частенько кого-нибудь прелюдно лишали живота,

но то ли, в силу бродяжей жизни, то ли, из-за мягкости собственного духа, она всегда ловко избегала присутствия на них. И долго еще Ама с Пузуром отыскивали ее, пока не находили в какой-нибудь скирде соломы, как ни в чем не бывало играющей со щенком. Казнь, всегда была для жителей Калама действием зрелищным и желанным, если только это не касалось кого-то из их друзей или родственников, или не дай бог их самих. Желанным настолько, что не хотелось думать о том, что казнимый, тоже чей-то сват или брат, и по нему тоже может у кого щемить сердце, и кто-то может страдать от горя и льет сейчас по нему слезы. На них всегда собиралось множество люду, собирались со всех концов, кому только хватало места, изголодавшись, чтобы понаблюдать за долгожданным зрелищем, упивая свою страсть к крови. Но здесь, в этом крае добра и справедливости, не хотелось верить, что здесь как и всюду, людей так же приговаривают к смерти и казнят.

Вот приговоренную, под стук бубнов уже не подводят, а подносят к плахе, так как ноги ее от страха и застыли и обмякли, и не хотят ступать. Глашатай снова зачитывает приговор, выданный на глиняной дощечке, и передает его исполнителям; дальше произошло то, что заставило юную бродяжку встрепянуться, очнувшись от своего оцепенения.

– Ааа!!! Нееет!! Нееет!! – Закричала она, отводя и закрывая глаза, силясь покинуть это страшное место. – Мул, уйдем отсюда! Мул, пожалуйста уйдем!

Мул, не ожидавшая такого поворота, как могла успокаивала подругу, и найдя спасение на груди товарки, та успокаивалась, всхлипывая продолжая повторять:

– Уй-де-ем, уй-де-дем, уй-д-ем, уе-дем....

– Тихо-тихо, уйдем-уйдем, конечно, уйдем. – Тихо приговаривала бывшая блудница, утешая подругу. – Ну-ну, успокойся, все же кончилось, смотри.

Так она успокаивала ее, а Нин так же тихо всхлипывая, шептала: «Уедем, уедем»....

3. Возвращение

– Брось! Запрягай! – Собирая в дорогу кунга, кричал своему юному помощнику лагашский ословод, то и дело, награждая его звонкими оплеухами. – Ну, что стоишь?! Держи повод! Да не этот, а тот! Да, что ты, криворукий?! Кто только слепил такого?

Красный от стыда и оплеух, мальчик чуть не плача, сутился, стараясь не упустить ничего из того, на что указывал ему старик, торопясь выполнить это как можно шустрее, чтоб не рассердить строгого наставника, но отчего наоборот, все валилось у него из рук, и он получал очередной подзатыльник и отповедь старика. Кикуду как и всем, было жалко мальчишку и неловко от того, что не он сам взнудывает вьючных; но так уж вышло, что старый ословод, свою работу никому не доверял, относясь к этому настолько ревностно, что с неохотой подпускал к упряжи даже своего помощника.

Как ни уклонялся бывший кингаль, все же к нему прицепили стражей как к какому-то преступнику. Все его уверения, что после лицезрения народного правосудия, он тут же, как наказано, собирался отправляться на заставу, не имели успеха, и удрученный, он уже был в ожидании унылого пути назад.

– Да какой ж дурак, на холку надевает?! На спину, на спину клади! Не на холку!

Воины долженствующие его доставить, должны были сопровождать торговый обоз, отправлявшийся в Киш, а заодно поручение для смотрителя крепости о переназначении кингала молодых. Воины Кикуду неизвестные, хотя судя по виду побывавшие не в одной передряге, и молодыми назвать их было нельзя. Кикуд подумал, что наверно, то были стражи откуда-то из дальних восточных застав, выслуживших себе право на повышение в место более благоприятное, и как им казалось, более спокойное. Глупцы, знали бы они, чего стоит удерживать долину от алчных притязаний уммийцев. Ему ли привирать, ведь его дружине раз от разу приходилось отбивать вероломные нападения, их, пока еще малочисленных отрядов; неуверенные, разрозненные, но от раза становящиеся все организованнее, многочисленнее и наглее. И это только на его, не самой беспокойной заставе.

– Что пригорюнился вояка? – Услышал он над собой насмешливый и до боли знакомый голос, который уже не чаял слышать.

– О, я рад, что перед прощанием луч сверкающей звезды, коснулся моих очей, мимолетным виденьем осветить недостойную жизнь, серебряным дребезжанием усладить слух. – Вырвалось у развенчанного кингаля, неожиданно для себя, копившееся, но утаиваемое чувство.

Привыкшая к похвалам своей красоты, Мул не удержалась, чтоб не прыснуть от смеха, услышав подобные речи от сурового и немногословного воина.

– Откуда ты этого набрался???. Кто тебя научил высокому слогу?? Уж не наш ли служитель Инанны?? – Но тут же вернулась в напускное высокомерие, сдерживая радость. – Побереги красные слова на будущее, а то не останется. Нам с тобой еще долго ехать.

И только сейчас Кикуд заметил среди готовых к отправке кунгов, стоявших чуть в стороне от обоза, раздобревших и разленившихся на хорошем овсе ослов Пузура. Так уж случилось, что Мул не могла оставить их спасителя одного в своем наказании, и решила сопроводить его, чтобы хоть немного скрасить одиночество и поднять дух. Юная бродяжка, беспокоясь, что стражи не захотят посадить Мул в свою колесницу, не осталась безучастной и уговорила ехать Пузура, который узнав, что стражи будут сопровождать торговый обоз, согласился, сочтя разумным возвращаться на родину вместе с торговцами, под охраной вооруженных людей. Был тут и Аш, чье возвращение было не безопасным, но встревоженный, что учитель до сих пор не приехал, как обещал,

и даже не дал о себе весточку, юноша был тверд в намерении вернуться, чтобы узнать о судьбе старика. Напрасны были уговоры Пузура и друзей; напрасны уверения Уруинимгины, что он самолично приказал разузнать о своем друге. Ничто не могло удержать любящего сердца, совестившегося недавними обидами на учителя. Нин, не находившая себе места от мысли о расставании, несмотря на грозившую в Нибиру Ашу опасность, заметно повеселела, как только услышала, что он их не оставит и снова отправится с ними в путь, хоть и корила себя за радость, когда у кого-то на душе тревога. Поняв решимость молодого эштарота, мудрый лугаль не стал сдерживать юношеского порыва, распорядившись слугам, помогая со сборами в дорогу, снабдить его и его друзей всем необходимым. Прощаясь с гостями, Уруинимгина напутствовал их словами благодарности и пожелания доброго пути, а потом, как будто извиняясь за что-то, с какой-то еле уловимой грустью заключил:

– Не все готовы понять нас. Не все готовы смириться с тем, что где-то живут люди по законам справедливости, а не по разумению высших. Вельможным властителям в чужих краях, не смириться, не понять, что где-то появилась власть для людей, а не длямошен. Ведь у нас и рабы, живут лучше, чем их общинники; да и рабство у нас не вечно. Они боятся. Боятся, что и их простолюдины и голодранцы, захотят жить по правде, а не по указанию высших, и избавятся от них. Нас поливают грязью, нас осыпают проклятиями, обвиняя нас в

самых страшных деяниях, надеясь так, отворотить от нас людей и настроить против. Что говорить: порой это приносит плоды. Вот и сейчас, они всполошатся и обвинят нас в жестокости и звериной лютости, бесчеловечности. И не оттого просто, что мы казнили кого-то, но от того, что эти кто-то, не безвестное простолюдые, что во множестве умирает у них каждый день, и чьи жизни их не заботят, но люди знатные и именитые, связанные узами и с ними. И узы эти, сильней для них любых уз: сильней уз брака, сильнее уз любви, даже сильней уз злата; уж, что-что, а манящий звон им дороже жизни, но и он не дороже им тех уз, что связывают их. Эти узы всех господ связывают меж собою, господ всех земель и городов, и одним богам известно, что это за узы. Ваш лугаль и его окружение торгуют с нами, поддерживают нас, пока во вражде с Уммой. Но боюсь, как только они повергнут Загесси, и они отвернутся от нас, а то и хуже. Так сильны те узы. Но только и это, не заставят нас отступить. Слишком тяжело далась нам наша правда, чтоб мы так легко могли отступить от нее.

Прощайте же, и не судите строго. Мира вам!

Нин, покачиваясь в возке, словно в люльке, нежно убаюкивала нового любимца – маленькую песчанку, преподнесенную ей на прощание от детворы Нгирсу маленькой непоседой, невольно послужившей причиной толчка стольких событий для стольких людей, для судеб Лагаша и всего Кала-

ма. Сколько слез было пролито при расставании ею и ее маленькими шаловливыми подопечными, столько добрых слов сказано на прощание, принято назиданий, без непонимания и обид, были прощальные объятия и поцелуи, были клятвы никогда не забывать. У Нин до сих пор щемило сердце, хотя она и понимала, что это далеко не первое и не последнее расставание, что жизнь преподнесет еще много испытаний и далеко не все они закончатся благополучно. Сейчас же, ей остались одни лишь теплые воспоминания и этот пушистый дружок, нежно тыкающийся своей мохнатой мордочкой, который не даст ей скучать, даже тогда, когда нужному ей человеку не до нее.

Молодые воины были крайне удивлены и возмущены, узнав, что их любимый и уважаемый ими са-каль, не кингаль им больше, и даже не кингаль десятка, а такой же рядовой воин, как какой-нибудь новобранец. А узнав, что послужило тому причиной, возмутились настолько, что возмущению их не было предела, так, что и прибывшие стражи обо-за и кингали не в силах были бы успокоить волнение, если бы не вмешательство самого Кикуда, увещеванием добившегося тишины. Глядя на то, с каким уважением все прислушиваются к молодому еще, но уже успевшему завоевать доверие стольких людей, воину, Мул испытала неожиданную гордость за чужого ей человека. Приняв доводы са-каля, о недопустимости разброда у ворот родного дома, дружинни-

ки отметили, что каково бы ни было его положение теперь, для них, он всегда будет впередиидущим. Поблагодарив собратьев за доверие, Кикуд не без сожаления, признался, что поддался чувствам и подвел лугалья, державшегося хрупкого мира с вельможами:

– Вы знаете, что лугаль никогда бы не поступил несправедливо, и он вопреки воле жрецов, поступил со мной слишком милосердно. Я знаю, я за свою несдержанность заслуживаю наказания даже большего, но не за содеянное, а за то, что вступившись за меня, лугалю пришлось делать выбор между нами и ними. И он его сделал. И боги знают, чем для него это обернется. И для нас.

– Не вини себя. – Успокоил его пожилой смотритель, извещенный уже о новостях из столицы. – Может оно и к лучшему, что виновные понесли заслуженное наказание, люди давно этого ждали. Да и Нингирсу, пусть видит сверху, что дела его претворяются нами. А разве жрецы, посмеют пойти против воли господа?

Когда последний сторожевой сменился товарищем на забороле, моргнув сумерками, небо над крепостью накрыло непроглядной тенью, и день тут же сменился ночью. Мул, взглядываясь в темноту, тщетно старалась разглядеть в ней хоть что-то; светильники ночных стражей слепили и не давали привычки тесноте глаз, позволяя видеть лишь окрестности. Только отойдя в сторону, она смогла, наконец, разгля-

деть мгlistую дорогу, едва освещаемую редующим месяцем и холодом звезд, исходящим куда-то в такую же холодную и пугающую пустоту.

– Тебя она тоже манит? – Спросила она Кикуда, когда он нашел ее.

– Кто? – Настороженно спросил Кикуд, готовясь все опровергнуть, думая, что она спрашивает про маленькую бродяжку.

– Пустота неба.

– Аа. Но почему, ты говоришь пустота? Вон сколько звезд.

– Да, звезды. Вот древний охотник, разгоняет диких древних зверей по небесному своду. Как далеко убежала небесная медведица, со своим дитем. Смотри, как медведица прикрывает медвежонка, чтобы не дать охотнику дотянуться до него. А там, семь сестер прижались друг к дружке, словно ища спасения. А кто-то говорит, что это сам бог-воитель бьется со злобной праматерью, защищая наш мир, от ее всепоглощающей тьмы. Глупость. Если Тиамат всепоглощающая тьма, как она может еще и звездами сверкать? Звезды всего лишь звезды. Гляди-гляди, сияющая упала... В детстве, нам так хотелось узнать, где же падает такая сияющая звезда. Однажды, я даже пошла вслед за ней.

– Вслед за звездой?

– Мне так думалось. – Мул улыбнулась своей детской дремучести.

– И ты нашла свою сияющую?

– Неет. – Засмеялась Мул. – Только сияния на свои сиденья.

– Зато я теперь знаю, почему тебя так зовут – Йар-Мул. – Улыбнувшись, подхватил шутку Кикуд.

– Дааа, хахаха.

Успокоившись после веселья, Мул продолжила свои размышления:

– Дааа, звезды. Но ведь, и они где-то кончаются. А что за ними?

– Не знаю. Об этом я никогда не думал.

– А я, все время об этом думаю.

– Это ведь кощунство, говорить так. Там боги.

– Кто их видел? Кто знает, как там у богов?

– Жрецы говорят.

– Жрецы, они много говорят. Кто-то говорит боги на небе, а кто-то на большой горе. Все ли в их словах истина? Ты же сам пострадал от них за правду.

Кикуд не нашелся, что ответить, да и меньше всего, ему хотелось ей противоречить. Тогда она продолжила:

– А там, за ними пустота, бездонная пустота с непреодолимостью разуму? Когда я об этом думаю, мне становится страшно. Жутко, насколько мы и даже боги, перед ней ничтожны и беспомощны. Но мысль эта и манит к ней.

– Удивительно – восхитился Кикуд. – Сколь много дум о мироздании, может скрывать в себе, не жрец, не жрица и даже не прислужница в храме, а простая.....

– Блудница. – Горько усмехнувшись, заключила за него Мул, прежде чем он успел договорить.

– Селянка. – Поправил он, и добавил, что только от очень умных людей доводилось слышать подобные вещи, которые недоступны невеждам.

– Что ж удивительного? Со мной знавались не только грубые вояки, но и святейшие служители храмов, и они не упускали возможности блеснуть своими знаниями и высоконравной духовностью перед деревенской невеждой. Вот мое невежество и заполнилось всякими умными словцами.

– Прости Мул, я не хотел тебя обидеть. Мне жаль, если это тебя задело.

Мысленно благодаря Кикуда за понимание, она слегка вздрогнула веками.

– Ты говорил, что уверен в том, что великая нужда заставила меня встать на такой путь. – Сказала она, и прежде чем он успел что-то ответить, продолжала. – Я расскажу тебе, и ты сам решишь.

И она рассказала, запинаясь нахлынивавшими чувствами:

– Все началось с того времени, когда кому-то вздумалось мутить воду, нашей и без того беспросветной жизни, вытащив откуда-то из грязи сына презренного чародея, снаряженного на потеху, истинным лугалем всего Калама. И отчаянные люди юга, воодушевленные его словами, вылезая из своих болот, поднялись не на своих обидчиков в больших домах, но стали грабить и убивать таких же обездолен-

ных какими были сами. Однажды, горе пришло и в наши дома, когда перед вечерней зарей, в наше поселение ворвались безумцы влекомые призывом уничтожить все, что связывало еще их с ненавистным севером, и начали крошить и грабить. И кому-то из нас, пришлось пасть под их ножами и палицами. И среди тех несчастных, оказались и мои несчастные..., а меня..., убийцы... меня посадили в свою повозку и... возили с собой, пока... натешившись, не вытолкнули голую и посрамленную на пыль дорог.

Шло время, у людей зализывались раны: похороненные поминались в скорби; живым, кому пришлось труднее, помогали всем миром; уведенных оплакивали как мертвых; и только я, оставалась вне этого, и только меня обходили стороной. Меня никто не обвинял в лицо, все всё понимали, но в душе не могли простить, что чьи-то дочери были уведены в полон, а меня оставили у порога. И молодые не подходили ко мне с предложением сердца, не желая связывать свою жизнь с порченной. Только..., только блудливые мужья, тайно стучались по ночам, требуя удовлетворить их похоти, но я не подпускала их и близко, бранью, камнями и палками отгоняя от охоты изменять женам. Ты спрашиваешь, как же случилось тогда это? Нет, не тогда. Ты спрашиваешь, как я выжила? Слушай же дальше.

Как я сказала, мои сородичи относились ко мне с сочувствием и пониманием. Но одно дело сочувствовать, другое принять. Трудно себя заставить любить, еще труднее забыть.

Потому мои соседи сторонились меня. Но, чтобы не бросать в нужде и голоде, оставили мне горсти ячменя, от доли моих бедных родителей, часть которого я посеяла. Я выходила в поле, собирать съедобные травы и коренья, охотясь в поле на мелких грызунов и птиц. Тем и жила. Но я никогда не держала на своих беспокойных соседей, обиды или зла. Напротив, я была им благодарна: за то, что не дали мне умереть с голоду и не выгнали из общины; за то, что чтили память моих родных. И когда пришли северяне, установившие свои порядки и бравшие с общин в двойном размере, не только в наши города и их главному городу, но и на свои погостыя, пошла навстречу любящим сердцам. Видя, что поселению грозит неминуемая гибель от голодной смерти, старейшины общины тщась спасти людей, задумали отдать одну из дочерей, во славу покровительницы вдов. Но никто из родителей, не в силах заставить себя расстаться с любимыми чадами, и даже бросить жребий об этом, и дошло уже до драк, и тогда... тогда я вышла в погостыя... Ну, а остальное ты уже знаешь. Сначала ушли кишцы, напуганные возрастающей силой юга, которая пришла вслед им, а с ней пришли и новые порядки, и не менее тяжкие поборы. Обижаемые кишцами, вскоре мы узнали, какую прелесть приносит и родная власть, когда наемники нанятые ею, с ее попустительства разбойничали на нашей земле, нападая на беззащитные селения и творя насилия. В один из таких тревожных дней, пришел черед и нам, испытать ужас, какой испытывают несчастные поселе-

ния взятого врагом на щит. Так я и оказалась в руках этих злодеев. Ну, а потом появился этот мальчик и освободил нас всех, а потом вы спасли нас.

Кикуд, невольно прослушав откровения блудницы, в смятении не знал, что сказать, и оставался нем. Но его взгляд, рассказал Мул больше, чем любые слова, и она не стала терзать его ненужными расспросами.

– А он странный. – Сменяя разговор, чтоб выйти из неловкости молчания, подметила она, вспомнив нрав молодого эштарота.

– Кто? – Пересохшими губами, едва смог прошевелить бывший кингаль.

– Аш.

– Тебя влечет к нему?

– Он кажется мне чудным. Впрочем, каким еще может быть храмовый служка, эштарот, к тому же иноземец. Такой же, презираемый, как и я – уличная девка, пусть и бывшая. Последний нищий, смотрит на нас с презрением.

– Мы – не презираем, мы знаем какая ты, и все в Лагаше уважают тебя. Юному северянину мы обязаны жизнью царевича, а тебя все полюбили, и я... рад, что узнал тебя. Прошлое, это прошлое: в том нет греха, где нет вины.

Мул кивком поблагодарила его в ответ, и продолжила делиться размышлениями:

– Нин любит его, а он словно не замечает. А она ведь красива. Бедная девочка, скрывать свои чувства, боясь быть

осмеянной.

– Извини, я не должен был. – Покраснев, замялся Кикуд. – Просто мне показалось, что он тебе приглянулся.

– Он же еще слишком молод для меня, да и Нин обидится, если я начну с ним любезничать. – Повеселела Мул.

– Да, я не подумал. – Горя от стыда, Кикуд чувствовал себя рядом с ней, каким-то уж слишком большим и неуклюжим.

– Ты понимаешь знаки мудрости? – Спросила она, после некоторого молчания, глядя на звездное небо.

– Воины должны разбирать письма, дабы не было трудностей при их получении. А сыны Нингирсу обучаются этому, чтобы и доносить до людей его помыслы.

– Маленькая Нин тоже умеет читать. Ее отец, был каким-то важным воеводой. Как бы и я хотела этому научиться. Говорят в письменах много мудрости, ответов на тайны мироздания.

– Не везде, а только в хранилищах храмов или в пределе писцов можно почерпнуть тех знаний. Да и в них ты не найдешь ответы на все вопросы, их появится еще больше.

– Все равно, я бы хотела там побывать.

Ехали на удивление быстро, особенно в сравнении с тем, как они добирались. Впрочем, этому находилось объяснение: теперь они ехали в сопровождении многих воинов, а не тряслись в одиночестве, в стареньком, потрепанном возке,

неизвестной дорогой. Теперь им нечего было опасаться случайных встреч; да и брюхо не сводило от голода, когда рядом были торговцы, готовые за веселую песню, расплатиться сытным обедом. А старый возок, лагашские умельцы починили так, что он катился словно с горы, и их глупые ослы обнаружили, что воз который они тянули, стал вдруг отчего-то легче, и, чувствуя себя сильнее, бежали, радостно повилывая изгаженными кисточками. На привалах, скоморохи давали представления, скрашивая путешественникам дорогу и зарабатывая свое у них пропитание. А показывать было что. Недаром ведь Пузур и его друзья исколесили земли Калама: было время набраться разнообразия жизненной мудрости из народа, и глупости тоже.

Только к огорчению юной бродяжки, не было больше с ними ее дерзкой подруги, с которой и она чувствовала себя такой же сильной и смелой. Это было еще одно тяжелое расставание, и самым трудным за последнее время, вдвойне тяжелей своей неожиданностью. Мул еще вечером не сообщала им о своем решении, и все были уверены, что она поедет с ними, наутро же, когда никто этого и не ожидал, огорошила всех новостью. Это случилось, когда все собрались отправляться и Нин, готовясь к отъезду, суетливо нагружая в возок нехитрый скарб, начала уже по-дружески отчитывать копошуню.

– Ну, где ты ходишь?! Все давно уже собрались! – Торопила она свою подругу.

Но та, не торопилась бежать, чтобы собрать вещи, и не отругивалась шутливо, как бывало обычно, но нежно взяв Нин за руку, глядя на нее и на скоморошью общинку, уже устроившуюся в возок, чтоб ехать, виновато улыбаясь, сказала:

– Нин прости, я не еду с вами.

– Что ты говоришь? Мы же собирались ехать вместе. – Попыталась вразумить подругу Нин – Вот и место, я для нас приготовила.

– Прости. Но зачем мне чужбина, где я никого не знаю, и меня никто не ждет. Я не привыкла к дорогам, и у меня нет таких дивных умений как у вас. Что я буду делать? Я буду вам только обузой.

– Почему обузой? Ты научишься петь и танцевать или изображать кого-нибудь. Вот увидишь, это совсем не трудно.

– Поверь мне Нин, не все, что кажется тебе легким, дается другим так же легко. Ваше призвание, нести людям свет радости и надежды, ну а мое, наверно, немножко другое.

– Ты сказала, что там для тебя чужбина, но и здесь для тебя чужая земля. Зачем ты, опять обманываешь меня? – Чуть не плача молила бродяжка. – Какое призвание? Ты же больше, не выходишь на улицы.

– Нет. И больше никогда не вернусь к прежней жизни. – Поклялась бывшая блудница. И какая-то злая уверенность в ее выражении, показала твердость ее клятвы. – Я и вправду собиралась ехать с вами, я не обманывала тебя. И здесь для меня тоже чужая земля, но увидев, какую тут люди строят

жизнь, узнав помыслы Уруинимгины, я поняла, что именно здесь, на чужбине – мое призвание, и быть может отсюда, правда прорвется и на мою родину, и разольется по землям царство справедливости.

Нин, попытавшись еще переменить решение подруги, поняв бессмысленность уговоров, не стала больше давить, лишь в глазах полных отчаяния, читались упреки осуждения и мольба: «Поедем». Мул говорила, что будет помнить свою маленькую подружку и ее общинку, с которой столько пережилось, с кем спасались от лиходеев и узнали Лагаш. И обещала самолично надавить ей восточку, а Нин, недоумевала, как она это сделает.

– Я обязательно выучусь читать и писать. Кикуд обещал мне в этом помочь. – Словно угадывая ее мысли, сказала Мул; и словно предугадывая. – Для этого нужно иметь доступ к хранилищам знаний, а бродячая жизнь этого не даст. Я чувствую, я смогу быть нужной этим людям. Здесь мне место.

Нин ничего не сказала, на прощание лишь прижавшись к теплой груди. И снова были объятия и слезы расставаний, и снова в сердце щемило от тоски, но все проходит, прошло и это, оставив в душах теплые деньки.

Глава 2. Суд Сатараны.

1. Нибиру. Заклинание проклятых.

– Ну, что там? – Вопросила громадная женщина долговя-

зого человека вооруженного длинной жердью, взгромоздившегося на обсыпавшуюся крышу глинистого дома.

– Да не видать ничего. – С ленцой отвечал ей человек, прикрывая глаза ладонью от яркости солнца, вглядываясь вдаль.

– Ты давай, внимательней. От тебя сейчас зависит, жить нам или умереть. Гляди!

– Ничего пока не видно. Я же говорил, что никто сюда не сунется. – Ворчал он, разминая сухопарые конечности. И выпирающие костлявые колени скрипели как колеса старой колымаги.

– Смотри-смотри, если хочешь, видеть еще своих деток живыми и свободными.

В отличие от едва достававших ей до плеча молодцев, стоявших запрокинув головы, ей не требовалось сильно задирать голову.

– Да я смотрю. Но я не могу же тут все время стоять, у меня уже ноги задеревенели! – Жаловался долговязый. – Ну правда, пусть теперь Гной смотрит.

– Ничего-ничего. Сейчас потерпишь, потом это воздастся тебе сторицей. – Подбодрила она, и отошла распорядиться на другом конце.

– И кто захочет соваться в такую убогость? Чем здесь можно поживиться? – Продолжая ворчать, нехотя смотрел по сторонам новоиспеченный сторожевой; когда вдруг его лицо вытянулось от страха. – Виижу, вижу! Они идут!

Человеческие потоки, растекались по узким улочкам тоненькими ручейками, все ближе приближаясь к самопроизвольному ополчению Нибиру.

Великанша вернувшись на крики, грозно цыкнула, чтоб он не поднимал раньше времени труса, и приказала находящимся рядом пращникам, спрятавшись по крышам быть наготове, остальным собираться встретить врага во всеоружии дреколья и дубья. У кого-то встречались копья и топоры с каменными наконечниками, и это было самое грозное оружие, не считая меднокованных секир и наконечников копий, кого-то из оставшихся воинов.

– Ну, что? Готовы мужички? – Спросила она, оглядев напуганных вояк.

Но старосты, недовольные, что их собрала и пытается ими управлять, какая-то содержательница питейной, начали ворчливо выказывать беспокойство, за оставленных жен, детей, стариков и старейшин.

– Не беспокойтесь за родных. Они будут в безопасности. – Обнадежил их рябой воин, оставленный десятником Ку-Бабе в помощь.

– Но только от нас зависит, быть им живыми и свободными или нет! – Взбадривала захохотавших мужиков женщина, прокричав, как только можно прокричать шепотом. – Чем дольше мы продержимся, тем больше возможностей уберечь их от рабства! Да может и самим спастись.

– Да пусть только сунутся! Они же трусливые как шака-

лы! – Храбрились самые отчаянные, молодые и глупые.

– Надо уходить пока не поздно! Это наемники пустынь, а они шутить не будут. – Дрожащими голосами блеяли самые трусливые, уже готовые сдаться.

– Да поздно уже, некуда бежать. – Мрачно оборвали им всякую надежду, умудренные жизнью. – Придется биться, или идти в рабство.

– Это наемники – подтвердил Рябой опасения трусливых, – но и они не любят возиться. Нам главное выстоять, надолго их не хватит.

Руководимые неумелыми действиями старост, вопреки советам корчмарки, не отдавшим бразды правления опытным воинам, они напали. Напали внезапно, как могли. Как могли, а потому неумело и не столь неожиданно. Наступавшие, опешившие было и даже потерявшие кого-то из воинов, успели вовремя отбиться от жалкого оружия бедноты и укрыться от беглого града камней; и собравшись, сами перешли в наступление, на превосходящее числом но не умением ополчение. Те же в свою очередь, несмело напав и не сумев воспользоваться неожиданностью, стояли столпившись. И противник пользуясь узостью улочек, не встречая достойного сопротивления, безжалостно месил эту человеческую кучу, не способную даже организовать, чтоб не навредить себе, но зато посмевающую поднять оружие. Из-за тесноты, задние ряды обороняющихся, не зная, что творится там у передних, мешали соратникам развернуться, невольно стано-

вьясь виновниками их гибели. И слабо вооруженные против боевого оружия, вынужденные получать смертельные раны от копий, секир и мечей, защитники дрогнули. Пытаясь спасти свои жизни, они толкались, страхом заражая следующих за ними, проклиная тот роковой, мимолетный миг, когда решились встать впереди войска.

Бессильные попытки Ку-Бабы и рябого воина, успокоить и собрать ополчение в боевой порядок и организовать оборону, не привели к успеху. Новоиспеченные вояки, побросав свое незамысловатое оружие, убежали подальше вглубь пределов, оставив своих начальников с горсткой храбрецов, в отличие от большинства настроенных решительно отстаивать собственное достоинство и свободу и жизни своих близких. Невольно отступив вместе со всеми и взбежав на возвышенность, они встали наизготовку, готовясь встретить врага.

– Ничего-ничего. – Успокаивала оставшихся с ними бойцов, грозная великанша. – Пусть бегут. Мы и без них справимся. Не так ли, Рябинушка?!

Рябой усмехнулся новому произношению своего прозвища, и, скаля зубы, произнес:

– Верно. Сбежали трусы, а от них в бою толку мало, одна обуза. Зато глянь, какие урса здесь собрались! Таких испугом не возьмешь. А это уже залог успеха. Справимся. Нам бы чуток продержаться, а там и са-каль с ребятами подтянутся.

Отпор был ужасен. Ожидавшие легкой наживы, и пото-

му обозленные неожиданным сопротивлением каких-то полурабов, пустынники были особенно свирепы в этот раз. Отложив за бесполезностью в тесных улочках луки, они были уверены, что легко справятся с небольшой кучкой безумцев, решившихся противостоять опытным ловцам удачи. За что, вскоре и поплатились. Храбрецы, хоть и неопытные в боях, были сильны решимостью отстоять свою свободу. Вместо перепуганных насекомых, на выросшем откуда-то крепостном валу, перед ними вдруг предстал отряд боевой стражи.

Перед встречей гостей, осаждаемые по совету Рябого, позаботились разобрать дома, подвергаясь сыпавшимися на них проклятиями неразумных хозяев, и навалить груды посреди узких проходов. И теперь, на один из таких валов и домов вокруг, успели взобраться.

На миг опешив, воины пустынь бросились на приступ с остервенением обманутых надежд на легкую наживу. Их злило само то, что какое-то голопузье смеет противостоять им. Ведь сам лугаль воров, которого опасались даже нибирские стражи, приполз к ним на коленях моля о пощаде, и с челобитьем просился со своим сбродом в младшие дружины. С его благословления и помощью, они и решили поживиться за счет простых общинников и ремесленников, и бесправных государевых закупов. Но не тут-то было. Хоть большинство защитников сбежало после первой же стычки, самые храбрые иги-ну-ду, встретили их так, что стояли целой дружины. Попытавшиеся было, взять приступом вырос-

шую вдруг стену, полетели с проломленными черепами, не успев на нее даже взобраться. Больше никто, бессмысленно подвергать себя опасности не решался. Да и Магару, не хотел понапрасну терять воинов. Вождь, конечно, будет сильно недоволен этой волокитой, но расвирепееет, узнав о потерях людей своего племени, из-за непродуманных действий.

Подозвав лугалья воров, он велел тому продолжать осаждать своих прежних подопечных, раз не может уговорить их сдаться на милость. А сам, крикнув пустынным, что-то на своем языке, свернул за угол. По-своему поняв, в силу воровской привычки, смысл приказа, резаный лугаль хитростью и угрозами пытался склонить осаждаемых к сдаче, начав вести с ними беседы. Меж тем Магару со своими людьми, решил обойти неразумных пустобрюхов, чтоб ударить со спины. Поплутав по пустынным улицам, они, наконец, вышли к тому месту, за которым по их прикидкам, должны были прятаться женщины и дети. С недовольством прикрикнув на замешковшихся подчиненных, Магару приказал им взбираться по склону. В следующее мгновение, случилось то, о чем воины пустынь, вспоминали потом с содроганием. Едва передовой отряд вступил на возвышенность, как из ниоткуда, выросло нечто громадное – схожее с человеком, и, размахивая неимоверно огромным дубьем, снесло сразу всех.

– Что это??? – Только и смогло вырваться из уст предводителя пустынников, озвучивая их мысли. И волосы зашеве-

лились на его голове.

Заметив, что основная часть осаждающих, ушла за поворот, Ку-Баба победно выдохнула, но разумный Рябой укоризненно покачал головой:

– Эх, Ку-Баба, на твоём месте я бы не стал ликовать раньше времени. Мы не знаем, куда они двинулись.

– Что же, ты бы сделал? – Зашевелив челюстями, недовольно пробурчала великанша, расстроенная словами своего плюгавого советника.

– Я бы проследил за тем, куда они направились. Похоже на то, что наши местные охотники за удачей, не торопятся подставлять свои головы под дубины нищевродов. – Ответил Рябой, видя, что как только пустынные отошли, резаный разбойник завел лукавые речи, не решаясь на приступ.

– Так проследи. Что зря разговоры разговариваешь? – Упрекнула его великанша.

– Хорошо. Дай мне дружину.

– Набери охотников. – Ответила Ку-Баба, и обратилась к защитникам. – Эй! Кто-нибудь желает, поджарить хвосты воронам?!

Таковых набралось более чем нужно, и великанша, отобрав два десятка самых выносливых, большую часть оставила оборонять рубежи.

С удовлетворением оглядев молодцев, закинув копьё на плечо Рябой выдохнул:

– Поспешим ребята!

– Погоди. И я с вами. – Берясь за комель дубины хорошего дерева, говорила корчмарка.

– А кто же, здесь останется?

– Ну, думаю, Эпир прекрасно уболтает того резанного петуха. Правда ведь, Эпир?!

– Не беспокойся хозяйка, все будет как в этой кружке! – Икнув, пообещал вечно пьяный балагур, допивая бражку.

Оставив старшиной надежного ополченца, корчмарка с рябым воином, в сопровождении молодцев хорошо знавших родные пределы, незаметно крались, следя за движением черного войска. Наперед зная, куда ведет та или иная улочка, они не шли направо за опытными следопытами пустынь, но завидя издали их длинные одежды, предугадывали, где те окажутся через время. Рассчитывая каждый их шаг, общинники оценили хитрость вражеского кингалья в попытке обойти их оборону, и выйдя к удобным для обороны препятствиям, уже были готовы к встрече.

Выжидая пока поднимутся первопроходцы, защитники были тихи как мыши, чтоб не обнаруживать своего присутствия. И вот, когда те уже подбирались к вершине, Ку-Баба вставая в полный рост и встряхнув своим первородным оружием, убивая несчастного подвернувшегося ей, дала знать остальным, и те также вскакивая нападали на других, в мгновение ока уложив весь отряд. Все произошло так быстро, что внизу соратникам павших, показалось, что это сам злой дух

поглотил их товарищей.

Магару сам пораженный увиденным, в первые мгновенья остолбенело глядел на кучу трупов, не в силах сдвинуться, как и его отважные воины застыв на полпути. Придя в себя, он понял, что то, что их так напугало, хоть и уродливая в своих размерах, но всего лишь какая-то женщина; к которым, он как все пустынные, то ли в силу своих старинных обычаев, то ли по примеру предводителя, относился с презрением. Стыдясь мимолетного ужаса, и еще больше злясь из-за этого, подручный Аш-Шу орал на своих трусливых подчиненных, подстегивая их плетью. Но даже это, не заставило их двинуться дальше. Разве, что убей он кого-нибудь на месте, можно было чего-то то от них добиться. Однако это могло не понравиться предводителю, чтившего лишь свое право беспредельным. Несмотря на внушительные размеры женщины, поразить ее издали в толчее и тесноте улиц, а тем более подстрелить кого-нибудь из ее соратников обычного роста, было немыслимо. И потому, сочтя, свой долг исполненным, Магару не стал препятствовать отступлению и требовать немедленного взятия вала. Отозвав головорезов подалеже от метких попаданий пращников, он решил тщательно подготовиться, учтя все недочеты и просчитывая бреши в обороне голопузых. Оглядев свое войско, собранное из сброда новобранцев, Магару с ухмылкой подумал, что жалеть такое сборище бродяг и нищих, желающих обогатиться за счет

грабежа, ему как подручному божественного вождя, не отличавшегося бережливостью к необученному отребью, не пристало. Только несколько верных и проверенных соратников, были с ним для охраны, в случае непредвиденных обстоятельств, остальное сплошь сброд со всего обитаемого мира. Набравшись духа, хитрый подручник лиса пустынь, обратился к ним с воодушевленной речью, беря пример со своего господина:

– Ну что?! Кто тут кричал, что ему нужны рабы и наложницы?! Вот они! Там – за валом! От нас и требуется только – взять их!! Или вы просто хвастливые шакалы, чьим словам нельзя верить?! А может у вас, сучьи хвосты вместо языка?!!

– Нееет!! – Обиженно пронеслось по рядам.

– Какие-то многомудрые дураки говорят, что все люди равны, ибо все мы – создания божьи! При этом, сами они живут в высоких теремах и продолжают набивать брюхо с золотых посуды, пока пустобрюхие побираются! Пусть же языки их, приберет тот гулла, что вложил эту дурь в их пустые головы!! Разве жалкие черви – копошащиеся в земле, могут равняться истинным последователям творца вселенной – не пачкающим свои руки трудом, которым и после смерти уготована участь быть господами над недостойными?!! Рабы вы или господа?!!!

– Господаа!!! – Радостно завопили бродяги с испитыми лицами.

– Нам ли бояться смерти, подобно рабам?!!!

– Нееет!!!

– Мы знаем, нам и после смерти уготовано воздаяние, если мы с честью выполним свой долг перед всевышней волей!!!

– Дааа!!!

– Наш божественный повелитель говорит: "У каждого верного последователя пути божественной воли, должно быть не меньше трех жен и десяти наложниц, да в придачу все блага мира какие только есть"! А где найти это все, как не в рабах?!!!...

– Да!!! – Одобрительно кричали новоиспеченные господа.

– Так возьмем их, и покажем им их место!!! А кто противится, да сгинет в муках!!! – Подытожил он свое красноречие.

Воодушевленные посуленной добычей, крича и ликуя, разбойники бросились на склоны, отбиваясь и уклоняясь от неприятного каменного ливня, и без труда взобравшись, вступили в битву.

Недолго думая, Магару решил взять числом. Но он не ожидал, что казавшееся небольшим, войско защитников вдруг раздуется в размерах. И его сотни не казались уже внушительной силой, а защитников, за счет некоторых вернувшихся беглецов, пристыженных женами и воспрянувших первым отпором, и впрямь стало больше. Были среди них даже женщины, решившие вопреки указаниям воителей, встать в строй вместо трусливых мужчин, защищая дом и

блюдя свою честь.

– Держитесь, держитесь мужички! – Кричала корчмарка, будто забыв, что теперь с ней и женщины.

А черные люди все лезли и лезли, позабыв про страх, словно муравьи на свой муравейник. И мужики со своей предводительницей, все скидывали и скидывали их, и женщины подносили им оружие и камни, уводили раненых перевязывая им раны, а некоторые и сами вставали на место павших мужчин, чтобы погибнуть вслед за ними, побившись, преграждая путь лихим людям.

Отбив очередной приступ, защитники отошли в укрытие, оставив наверху дозорных, следящих за приготовлениями потрепанных осаждающих. Сами же спрятались, чтоб отдохнуть и перевязать раны. Уставшая, покрасневшая великанша, вытирая пот и оглядывая своих соратников, заметила среди новоприбывших тучноватого вояку. Кивнув взволнованному от нечаянной встречи Мушу, Ку-Баба устало улыбнувшись, поспешила его успокоить:

– Ааа, и ты тут. Не совсем знать пропащий. Если еще в бою покажешь свою храбрость.

– Да, верно. – Согласился с ней рябой. – Не совсем оско-
тинила тебя служба в городских, раз за людей биться решил.

В этот раз, в застенчивом парне, скромно принявшего все похвалы, трудно было узнать прежнего нахала.

Не успели защитники отдышаться, как от дозорных по-

ступило сообщение о приготовлениях в стане врага.

И этот приступ оказался сильнее прежних вместе взятых, так как по словам дозорных, к осаждающим поступила помощь, во много превосходящая прежнюю, и по количеству и главное, что особенно страшно, по опыту.

– Ну, ребятки, держитесь! – Подбодрила оторопевших защитников корчмарка, берясь за огромный тесак для разделки туши. – То, все опарыши были, а вот сейчас мухи полетят!

Меж тем у основной стены, вор все еще пытался угрозами и уговорами принудить к сдаче некогда дрожавших перед ним простолюдинов. На все угрозы, ему отвечал не просыхающий, вечно хмельной, но никогда не пьянеющий вусмерть Эпир, острой шуткой приводящий все угрозы резанного к смехотворности, отчего прежний ужас перед воровским царьком, у людей все больше улетучивался.

Поняв, что бессмысленно пытаться запугать вооруженную толпу, к тому же настроенную решительно, резаный снова начал уговаривать, пугая теперь не столько своей силой, – которая уже сама начала редеть, боясь мести вооруженных босяков за прежние обиды, – но силой пустынных, которых, сам лугаль воров боялся ужасно.

– Эпир, что у тебя общего с этими рабами?! Ты же ходил в приятелях моего отца, когда он был жив, да не оскудеет в Кур его чаша! Я надеюсь, ты не забыл моего отца?!

– Да как, забудешь такого! Тот еще был пропойца!

– Если бы он был жив, он бы не одобрил такого предательства воровского дела, ради каких-то трудяг! – Сказал резаный лугаль воров, сделав вид, что не расслышал обидных слов.

– Еще бы он одобрил! Он-то, ведь никогда в своей жизни не трудился, побирушничеством всю жизнь промышлял. Помнится, раз с ним подвязались свиной пасти, за корчагу хорошей бражки, разумеется. Ему их в поле выводить, а ни его, ни свиной. Я-то, своих вычистил и вывел, а его не видно. Бросились искать, туда-сюда, нигде нет. Что случилось: где свиной, где свинопас?! Наконец, нашли в соседней деревне. Свиной-то, какой-то бродяга успел им всучить как своих, да в придачу с пьяным свинопасом, под видом хорошей свиноматки. Не знаю, уж, чем они смотрели, когда человека как свиной брали! Наверно тоже, зенки залиты были. Оказалось он, когда свиной пас, напился и завалился в свинарнике сном младенца. А вора-то только того и надо, прихватили все добро, да в придачу и пастуха забрали, чтоб добро зря не пропадало. И жители той деревни, не знали, что с ним делать: зерно-то за свиноматку уплачено. И случилась такая штука, скажу я вам, что они не знали как быть, то ли заставить его свинарники чистить, то ли самого как свиноматку под хряка подкладывать!

– Врешь собака, не было такого!!! – Вышел из себя резаный, не привыкший сносить оскорбления. – Никогда он не побирался; он сам кого хочешь, мог по миру пустить!

– Знаем-знаем, слышали, как он пустил по миру несчастных любителей свинины! Эпир же нам, только что об этом рассказал! – Подлил масло в огонь смешливый дружинник.

– Ах ты...!!! Смерть твоя, будет долгой!!.... – Рассвирепел лугаль воров.

– Ух, напугал. – Пробурчал, ухмыляясь смешливый. – Эпир, гляди как резаный надрывается, успокой его душу, а то сейчас наш благодетель, чего доброго лопнет от обиды! Скажи, на нем хоть набедренник был?!!

– А где ты видел, свинью в набедреннике?!!

Эти слова вызвали еще больший хохот, в стане защитников, да и в стороне осаждающих, многие улыбнулись украдкой.

– Эпир, если только и ты не хочешь умирать в мучениях, лучше возьми свои лживые слова обратно! Скажи, что это ты сам придумал!! Не было такого!!!

– Может и придумал, может и не было... – Невозмутимо отвечал старый выпивоха, и воровской вожак уже начал успокаиваться, как вдруг Эпир продолжил. – А может и было! Кто ж, теперь проверит?! Может у свиней спросить?!!

Снова дружный хохот.

Этого, царь городских воров и попрошаек, стерпеть уже не мог; не имел права стерпеть, чтоб не потерять лицо.

– Что вы стоите?! Так и будете терпеть, пока вашего лугалья поносят?! Вперед!!! – Закричал резанный, и двинулся на приступ.

Его подчиненные с неохотой последовали за ним. Защитники только и ждали какого-то опрометчивого шага со стороны бывших своих обидчиков, и слова Эпира этому поспособствовали. Не подготовившись к приступу как следует, будучи в меньшинстве, а теперь еще и действуя в порыве отчаяния главаря, вору получили хорошую взбучку от обычно тихих и забитых работяг бедняцкого предела, безропотно сносивших все их обиды и унижения. И теперь, пришла пора расплаты за все. Скинув воров, бедняки уже готовы были преследовать своих обидчиков, но были остановлены старшим, поставленным Ку-Бабой, который во всем следовал советам дружинника, понимавшего, что толпа хоть и многочисленная, но необученная, не будет иметь столько преимуществ на открытой местности, в противостоянии с закоренелыми ворами и убийцами.

– Ну, что трусы побежали?! – Орал на своих людей резанный, толкая их в сторону завала. – А ну, пошли!! На приступ!!!

Но теперь, словно переменялось что-то, и его подчиненные уворачиваясь от его толчков, не спешили выполнять его приказов.

– Вы что, забыли кто я!!!? А ну, пошли!!!

– Сам иди. – Послышался сначала робкий отказ, кого-то из простых воров.

– Чтоо????!!

– А что, не слышал?! – За своего соратника ответил дру-

гой.

– Да я сейчас!!

– Что – ты сейчас?! – Сказал еще кто-то.

– Амар!! – Попытался он найти поддержку у жилистого подручного.

Но преданный подручный, вероломно ответил в том же духе, что остальные. На что – пораженный предательством мальчика, которому покровительствовал, он не закричал и даже не заорал, а завопил как болотный дух:

– Ах ты, телок недоношенный!!! Клянусь матерью, я лично сдеру с тебя шкуру!!!

Он замахнулся, чтобы наказать неблагодарного, но был перехвачен его людьми.

– Свиноматка твоя мамаша! – Услышал он в ответ.

– И батяша. – Добавил кто-то, вызвав смешки.

От такого оборота, закоренелый убийца, был подавлен настолько, что не смог поднять рук, чтобы схватиться за оружие и отплатить вышедшим из повиновения негодьям.

– Свиной паси! – Сказал кто-то на прощание, оставляя его одного со своей обидой.

Упав на колени, скрежеща зубами, резаный начал рвать руками втопанную твердь земли, до крови ломая на пальцах ногти, и мысленно проклиная тот день, когда решил перейти на сторону южан. Дикий взвой прорезал тишину пустынных улиц, распугивая только слетевшихся на свежие трупы падальщиков, и он совпал со звуками рога, где-то там у во-

рот. Бывшие его сподвижники, спешили к делу.

2. Нибиру. Падение.

Потирая рукоять кривого клинка, Аш-Шу ждал. Ждал когда выйдут переговорщики о сдаче города, и вынесут столько серебра и золота, что смогут насытить жор осаждающих. Послав новобранцев на приступ нижнего предела, он со своей верной дружиной, не стал мараться грабежом и убийством голопузых жителей, рассчитывая получить выкуп не вынимая меча из ножен. Сам уммийский воевода, обещал им выделить десятую часть того, чем откупятся богатые и зажиточные жители Нибиру, а тем кто помельче, горожане разрешили поживиться за счет скудного скарба жителей нижних пределов вне стен, и захватить из их числа пленников, годных для невольничьих рынков. Наконец, створы ворот отворились и оттуда важно восседая, выехало посольство переговорщиков. Пустынник со своей дружиной, стоявшей как и унукские полки в отдалении, с удовлетворением отметил, что переговорщики выезжают в больших груженных повозках. Пока посольство покидало стены, стражи внимательно следили, чтобы поблизости случайно не оказался, кто-нибудь из осаждающих, и когда город покинула последняя повозка, створы за ними поспешно с грохотом захлопнулись.

Привыкшему чувствовать себя в пустыне в безопасности, здесь, в окружении унукских полков, Аш-Шу было неуютно и охватывало давно забытое и неприятное чувство. А ведь

где-то недалеко, находился и сам сын колдуна, со всем своим войском. Несмотря на наемнические договоренности, пустынный не доверял уммийскому воеводе, опасаясь с его стороны подвоха, и потому был окружен своей верной дружиной. Их конечно, меньше, и вооружение попроще, чем у воинов городов, лучшие из которых, к тому же защищены доспешными перевязями или плащами, но такой веры и преданности – с какой ему служат его люди, позавидовал бы самый великий лугаль. И хитрый лис пустынь, отослав ненадежных новичков, чтобы заодно проверить их в деле, надеялся, что унукцы не посмеют напасть, опасаясь потерять больше, чем выиграть.

– И это все? – Растягиваясь в улыбке, обычно не предвещавшей ничего хорошего, недоверчиво покосился Аш-Шу на уммийца, когда ему под ноги бросили тощие мешки.

Уммиец не знал повадок пустытника, и потому ответил нисколько не смущаясь, что это их часть, из того, что смогли собрать горожане, итак обобранные проклятым Севером. Но зато знал Аш-Шу, как хитры бывают каламцы с такими варварами как он и его люди, и от его приметного глаза не ускользнуло сколько было нагружено на телеги, и отнюдь не зерном, как то хотели представить его наниматели.

– А если проверить? – Еще хитрее прищурился бог пустынников. И его люди готовы уже были сами кинуться проверять, так ли это. Но и уммийцы – бравшие не один город, были готовы к такому обороту; остря копий и клинков

охраны царственного груза, нацелились и уперлись в незащищенные груди "подпасков".

– Ладно-ладно! – Заверещал Аш-Шу, подняв руки в знак примирения, давая понять и своим людям тоже, что не хочет ссоры. – Я же просто так сказал. А мои воины, чересчур усердны. Вот и вышло недопонимание. Не сердитесь на моих прямодушных воинов, они сыны пустынь и потому бесхитростны как дети.

Однако, воевода не спешил верить в миролюбивость наемника и его псов, и резко ему ответил, уже не скрывая своего презрения:

– Ваша доля вам указана: нибирийцы вам разрешили поживиться в пределах нищевродов. Вот и идите – грабьте, берите свою долю.

– Да-да, досточтимый лушар прав. Мы примем, то, что нам дозволено, а то, что нам причитается, мы итак получим, в свое время. Всему свое время. – Снес унижения бог пустынников, подав знак своим людям, теребя грязно-желтыми ногтями мозолистых пальцев.

Когда уммийская дружина увозила нибирийский откуп для Лугальзагесси, а воевода с охраной вошел в город, для обсуждения с вельможами Нибиру условий сдачи города, у его стен все еще оставались ополчения союзных городов, тоже обделенных и жаждущих добычи, а потому злых и опасных. И Аш-Шу пришлось отогнать своих людей подальше, на помощь сражающимся соратникам.

– Ну, что Магару, не можете без нянек?! Всему надо учить?! – Магару поежился, услышав за спиной насмешливый голос.

Досадуя, что снова не смог приятно удивить хозяина, подручный оборачиваясь, только почесал затылок и сказал:

– Да у них, предводитель не женщина, а какой-то уткуу.

– Чтоо??? Женщина??? Магару, ты печалишь меня все больше. С бабой справиться не можете! Стыдоба!!

– Да, с этими новичками....

– А на что мне вы – старички? Вы и должны были, своим примером вдохновлять птенцов.

– Да, господин. – Только и смог ответить пристыженный подручный.

– Ну, что подпаски мои, покажем заблудшим агнцам их место?! – С тех пор, как он назвался пастухом и как вздорная Эги, назвала его людей подпасками, он частенько стал использовать эти слова по отношению к себе и своим людям.

Новички не удосуживались, от него столь лестного прозвища, которого надо было заслужить верной и беспрекословной службой, и их он считал пока просто сбродом, в глаза называя псами. А пленников и рабов, как и раньше называл стадом, как и вообще всех других.

И пустынники бросились на гору, помогать неразумным собратьям, где Ку-Баба со товарищи, успешно отбивала все попытки новичков.

– Что приуныли мужички?! Или никогда не бивали вас?! – Подбодрила корчмарка своих вояк, многие из которых ни разу не воевали, когда свежие силы пустынных разбойников, опрокинули передовую защиту, перебив много удалцов. – Помните, что говаривал мой покойный родитель?! "Побили – не плачь, а дай сдачи; Не можешь – отступи, чтоб набраться сил..."!

– "...и дать сдачи"! – Подхватили поговорку старого корчмаря люди, знавшие и любившие отца Ку-Бабы, часто заступавшегося за них, в Совете города.

Рассеявшись, они тем не менее, не оставляли в покое ослабевших пустынников: закидывая их дротиками, камнями и черепками; выныривая из щелей и нападая из засад, чтоб если и умереть, то унеся с собой, чью-то жизнь, если не убить, то хотя-бы ранить, если не ранить, то приостановить продвижение, чтобы никто из лиходеев, не смог добраться до их семей. Особенно волновало Аш-Шу, что даже его проверенные воины, все с большим суеверием, стали говорить, что эта уттуку, так много правоверного люда погубила, что наверно это сама нечистая, и скоро всех их утащит с собой в преисподнюю. Сердясь на них, Аш-Шу и сам понимал, что пока голопузыми руководит и собственным примером воодушевляет такая баба, им их не одолеть.

– Чего вы трясетесь, шакалье племя?!?! Бабы испугались?!?! Да вы не мужи, а маленькие девочки!! Клянусь бо-

жьей волей, лучше бы я ваших женщин с собой взял!! Их видно, это дело!! А ваше дело – рожать и с детьми нянькаться!! И не вас, а ваших женщин, после смерти ждет вечное блаженство в окружении небесных дев!! А ну вперед!!! Принесите мне ее голову, если не хотите вашим женщинам – женами стать!!!

Пристыженные и не на шутку напуганные, быть подвластным женщинам, а то и вовсе самим стать женщинами, воины кинулись исполнять повеление своего господина.

Разбросав с десятков "господ" вокруг себя, Ку-Баба навредила ужас на пустынных, да и бившийся с ней бок о бок, рябой дружинник, унес немало жизней. Это не мешало им, вести еще и беседу.

– Рябой! – Отбросив на шагов десять бедолагу, имевшему несчастье подвернуться ей под руку, заводила разговор великанша. – А что у вас говорят про то, что мол скоро грянет конец мира?!

– Да что скажут?! – Отвечал ей задиристый коротышка, прорубив тяжелой секирой череп. – Смеются!

– Смеются???! – Подцепив кончиком другого смельчака, удивлялась его собеседница.

На что Рябой отмахиваясь, поправился:

– И боятся!

– Я тоже, ужас как боюсь! – Кромсая тесаком, и выбрызгивая кровавые куски, ничуть не шутя, жаловалась Ку-Баба.

– А чего бояться?! Все равно все померем, поздно или рано!

– Не скажи! То – мы! А то – весь мир! Страшно! Говорят, это все скрывающаяся небесная блудница, всему виной!

– Да не, врут! Не бойся, если и придет конец, будем вместе помирать!

Ку-Баба лишь посмеялась, над странной попыткой рябого успокоить ее волнение:

– Спаси боже, утешил!

– Вместе веселее! – Ничуть не смущаясь, сказал Рябой.

Последние слова, заставили корчмарку мечтательно закатить глаза:

– А ты, будешь со мной?!

В первый миг, Рябой несколько оторопел, но тут же невозможно ответил:

– А почему, нет?! Ты женщина видная!

Повеселев, великанша с особенным усердием замахала своим помелом, сметая подступающих разбойников.

– Охохо. Ох, и шутник ты! Того и гляди, женишься на мне!

Ее «суженный» только хмыкнул, что-то в ответ.

– Что молчишь, храбрец?! – Спросила Ку-Баба, но ответа не последовало.

– Испугался?! – Не услышав ответ, женщина резко повернула голову, чтобы посетовать на трусливость удальцов, когда дело доходит до женитьбы.

– Да не бо.... – Потянула она. И тут же, с беспокойство

кинулась к обмякшему храбрцу. – Что случилось Рябой?! Что с тобой?!

Но маленький храбрец, лишь потеряв опору, покачнувшись, мешком повалился наземь, насмерть пронзенный, удачно пущенной кем-то стрелой. Все еще не желая верить своим глазам, потерянная от горя великанша, продолжала теревить мертвое тело рябого воина:

– Ну?! Что болит?! Вставай! Не время разлеживаться! Ну же, вставай! Рябинушка!

И люди впервые увидели, как в скупых на чувства глазах, заблестели слезы, пробивавшиеся грязными струйками по замызганному щекам. Тихо подвоывая, великанша словно младенца, укачивала упокоенное тело беспокойного воина.

Но хозяйка корчмы, несмотря на боль, не стала засиживаться со своим горем, а вскочив, с яростью набросилась на подступавших пустынников, гневно выговаривая проклятия. И те, неся еще большие потери, в душе уже начали сомневаться во всемогуществе своего бога. Чувствуя неладное, несмотря на тесноту улиц, Аш-Шу приказал лучникам лучше целиться и убить, наконец, проклятую ведьму. Лучники, не могшие направить свои стрелы издалека, и не видевшие защитников на вершине с подножия снизу, движимые страхом божьего и человеческого наказания, какой-то непостижимой изворотливостью, сумели найти удобное положение, чтоб достать своими жалами до большого сердца доброй великанши. Но перед тем, Ку-Баба успела уже дать указание

своим людям, дабы они не терялись если вдруг не станет ни ее, ни других старшин, знающих, что делать.

Защитники лишены своей главной вдохновительницы, совсем бы пали духом, если бы не были столь же решительны как она и ее маленький друг. Оплакав своих благородных заступников, настоящих, а не сановных гиров, и понимая свое плачевное без них положение, они понесли многие потери, продолжали так же отчаянно обороняться, жизни в неволе предпочтя смерть. Мушу был храбр как никогда: получив добрые наставления от самих предводителей, он не смел обмануть возложенного доверия, спиной ощущая, что грозная женщина, все еще наблюдает за ним – даже оттуда, и оставался и тогда, когда никто бы уже не обвинил его в трусости. Изможденные удалыцы бедняков, отбивались из последних сил. Казалось, ничто уже не спасет их и их семей от рабства, и многие уже отчаялись и ругали "лживых" дружинников, обещавших помощь но до сих пор не дававших о себе знать; как отдаленный, едва слышимый звук боевых рогов, дал знать, что слово воина крепко. Становясь все настойчивее, этот звук уже не мог не обратить на себя внимание противной стороны, понявшей, что начался приступ и войско прорвалось в город. Теперь уже и в стане пустынников начиналось брожение. Возрастало недовольство тем, что пока они тут возятся с босяками, каламцы делят имущество богатеев. И даже Аш-Шу, державший своих людей в узде, сам не удержался от досады на коварных торгашей, и потому

не стал никого наказывать за роптание, но скрежеща зубами, оттого, что не смог сломить каких-то пустобрюхов, резко бросил помощнику:

– Магару, бейте сбор! Идем в город...! К воротам!!

Провожая черное войско взглядами сотен глаз, бедняки, освященные кровавой битвой, наконец-то могли вздохнуть спокойно, и, соединившись с остальными, подхватив семьи, поспешили к берегу, где загодя были припрятаны плоты.

Оставшись без страха перед наказанием, войско – набранное из числа охочих до легкой наживы отщепенцев, быстро пришло к разброду, и сдерживалось от волнений, только благодаря стараниям кингалей и старшин суливших награду в будущем. Но тут, кто-то пустил слух, что воевода нарочно вошел в город со стражами, чтобы хитростью завладев воротами, впустить застоявшееся войско. Обеспокоенные разбродом в войске, заместитель лушара с кингалиями, начали искать зачинщиков. И их старания привели бы уже к порядку, как... кто-то крикнул, что ворота открылись, и кому-то в звуках рога, уже слышался скрежет битв. Ополченцы, влекомые корыстным духом скорейшего обогащения, бросились в распахнутые створы, наплевав на все запреты и взывания кингалей к порядку. Боязнь оказаться не у дел и вечное соперничество городов, привело к толкотне на мостах и к давке в воротах. Жажда наживы перекрыла все другие чувства. Долг, страх, совесть, все это было тут же забыто и отброше-

но (если это и было когда-то), одно только животное чувство беспокойства, боязнь не успеть схватиться за добычу поухватистей, да так, что и не унести, а потому съесть это тут же, чтобы никто не отобрал, и наестся впрок. И не бояться больше, ни голода, ни господ, ни чиновников, ни этого ужасного, гнетущего чувства – вечного страха перед завтра. И вот кто-то уже носился со своим оружием, распугивая растерянных горожан, кидаясь на немногочисленных их защитников и озлобленно косясь на своих соратников, призванных следить за порядком. Воины же открывшие ворота, скрылись под шумок из города, еще до того, как до них докатились первые волны осаждающих. Вскоре они уже легким шагом мчались к реке, чтобы соединиться там с остальными.

Случилось то, что случается при взятии города силой. Захватчики насильничали, крушили и брали то, что нравилось и теперь принадлежало им по праву победителя. И никакие мольбы о пощаде, заклинания богами и взывания к совести, не могли поколебать их сердец и не заставили отступить от намеченной цели. Особенно усердствовали иноземные наемники, подоспевшие вслед ополчению, но сумевшие перенять первенство, ворвавшись словно смерч, неся на своем пути смерть и разрушение, да так, что и унукцы, питавшие ненависть к предательским нравам нибирийцев, приходили в ужас от безжалостных сердец пустынных, и боялись попасть под их горячую руку. Среди наемников было множество воров, убийц и бродяг, и просто охотников за удачей со

всего Калама, однако самым черноголовым, легче было считать всех их иноземцами, не допуская мысли, что такое звероподобие может исходить от благородных ки-ен-гир. При этом, сами унукские ополченцы, тоже не источали милосердие, в запале творя то, от чего ужасались раньше, в обыденной жизни. Разве только тем и отличались, что не смели поднять руку на общие для Калама святыни, с благоговейным трепетом относясь к домам неба и земли и изваяниям божеств, которые так богохульно оскверняли эти варвары, срывавшие с них украшения, безжалостно свергая с подставов.

Жители города бегали и метались, ища спасения в храмах и уповая на милость победителей, и лишь один человек в сермяжьем дерюге, смирившись с творящимся злодеянием и разрушением святынь, не находя внимания со стороны захватчиков, вещал с подножия святилища Энлиля, торжественно потрясая посохом, и с воодушевлением обращаясь к умирающему городу:

– Услышь, о, город: пришел суд божий -
суд божий по тебе!!

Узри его!!!

Пришли гулла, вот – стражи ночи:

гневны их очи, но взоры в них слепы к страданиям, глухи их души, к мольбам и плачам, безжалостен карающий их меч;

черствы сердца и хладны перси, но волю господ творят!!
Прогневан скверной, людской, о, город, дом господ – Эн-

лиля твоего! Людскую гордость равняли богу, земное возвышая над небесным! Примите ж кару, теперь смиренно, ибо это суд Его!!!

Долго бы еще жрец верещал своим скрипящим гласом, но его речь прервало долгожданное упокоение, прилетевшее то ли от захватчиков, то ли от разгневанных горожан, или просто отколовшийся кусочек, случайно угодил ему в голову. Смерть его, словно предопределила судьбу города, и со всех концов его, запылали огни пожарищ.

3. Нибиру. Дворец.

Не находя себе места от всеобъемлющего ужаса, несчастный сановник, в силу размеров и вправду не мог найти куда спрятать свою круглое тело от разъяренной толпы варваров ворвавшихся во дворец. Только получивший от унукцев, заверения о переназначении его лагаром, он с воодушевлением, снова, в который уже раз, принял новую власть, рассчитывая как и прежде прислуживать новому энси, назначенному теперь уже из Унука, лишь бы не утратить своего благополучного существования.

И как он мог поверить успокоительным речам Мэс-э, бежавшего и оставившего город на его попечение (а как вышло – на разграбление), уверявшего, что ни городу, ни ему ничего не угрожает?! Поняв, что для прежней власти Киша все кончено, он со свойственной ему увертливостью опытного вельможи, с легкостью согласился на перемену хозяев, наде-

ясь как и прежде оставаться на плаву, целиком полагаясь на правоту слов нового энси. Но, что-то пошло не так, и те, кто с благосклонностью приняли его верноподданническое словоблудие, врываются в город, чтобы найти его несчастную плоть. Коварные люди обманом усыпили его бдительность, чтобы захватить священный город самого Энлиля. Он узнал об этом, когда обсуждая с воеводой Унука условия перехода под руку Лугальзагесси, услышал звук рога. Но увидя перепуганные лица гостей, понял, что и для них это было неожиданностью.

Сбежав на женскую половину, он к своему ужасу осознал, что изголодавшиеся по женской ласке воины, в первую очередь ринуться сюда. Лагар судорожно стал рыскать по углам, стараясь найти уголок поукромней, чтоб упрятать свое тучное тело, в какую-нибудь незаметную щель. Меж тем шум, доносящийся из соседних покоев, становился все ближе. Немного потолкавшись в опустевших покоях, но так и не примостив себя в роскошных, но таких тесных ложах гашан, лагар дрожащими и потливыми от волнения пальцами, начал перебирать тесемки своих многочисленных потайных мошен внизу живота. Увертливый сановник, выхватив увесистый мешочек, вывалил тяжелое содержимое на серебряный поднос, и склонившись в приветствии, стал ожидать "дорогого" гостя.

– Нибиру ликует, приветствуя своих освободителей из цепких лап Киша и удушающих объятий Уммы! – Торжествую-

ще начал он, но в ответ услышал презрительный хмык.

– Я и не сомневался, что досточтимого лагара, никогда не покидает чувство верноподданничества и преданности.

Не обращая внимания, на отчаянные попытки смущенного и перепуганного вельможи оправдаться перед грозным воителем, лушар стал шарить по стенам, в нетерпении срывая мешавшие ему ковры и занавесы.

– К сожалению, потайной выход, по приказу градоначальника Мес-Э был замурован, после того как наша досточтимая гашан загуляла со стражем. – Обреченно-смирненным голосом, осведомил его нибирийский лагар.

– Как замурован?! – Отчаянно вскрикнул военачальник, пытаясь пробить стену тяжелым мечом.

– Бесплезно. Стены этого дворца, столь же прочны, что и стены города.

– Где была дверь?! Если всковырнуть кладку, можно открыть выход!

– Увы, я сам позаботился о том, чтобы нанять лучших кладчиков, дабы никто больше не смог проникнуть в покои к нашей госпоже.

– Где она?! Показывай!

– Почему бы досточтимому лушару, не приказать своим воинам и не навести порядок? Ведь это ваши люди там беснуются. – Сказал в ответ, осмелевший сановник.

Эти слова, раздосадовали воспаленного уммийца.

– Са-ду ша-ар священного города ки-ен-гир, не может не

знать, что порядок в ополчении городов, держится лишь на страхе перед войском Лугальзагесси. Нельзя уgomонить разнузданную толпу головорезов, когда перед их глазами маячит легкая добыча. Моих воинов слишком мало, чтобы противостоять ей. Зато для вора пустынь, направить порывы сброда, так же легко, как сановнику поменять господина.

– Как и воину, я полагаю? – Позволил себе огрызнуться лагар, обиженный на нелестные отзывы лушара о сановниках, с намеком на его светлую личность.

Но опытный царедворец просчитался, думая, что так просто, безнаказанно сможет шутить с огнем. Грубый вояка, не понимал изящных остроумий слугителей двора, и, схватив бедного шутника за дорогие одежды, приманив к себе, зажал сановника в его же одежды, грозно пообещав:

– Слушай боров, или ты мне сейчас показываешь выход из этой проклятой опочивальни, или я пробью его твоей свиной тушей.

Придушенный лагар, только пучил глаза, но не мог вымолвить и слова, лоя ртом остатки воздуха.

– Говори.... – Повторял лушар, не думая о том, что придушенный человек, не лучший докладчик.

– Ээ, да он у тебя совсем поплыл. Ты ж его раздавишь как таракана, прежде чем он сумеет тебе что-то ответить. Неужто уммийских вояк, не обучают искусству выбивания правды? – Посмеялся над бессильными попытками уммий-

ского воеводы, вошедший со своим сбродом пустынный.

Отпустив свою, уже бесполезную жертву, лушар зло обратился к насмешнику:

– Глупый варвар! Как ты посмел нарушить приказ великого лугаля Калама?! Всех слушников, ждет плаха палача! И зачинщиков среди ополченцев, и вас – варваров! Но я, еще могу спасти ваши безумные головы, если вы сейчас же подчинитесь мне, и я, замолвлю за вас слово перед государем! Уведи своих людей и помоги мне спасти от разграбления его имущество, и он быть может и простит тебе твою выходку!

– Увы, великий лушар знает, нельзя остановить бушующий пожар ветром. Лугалю Уммы, если он мнит себя лугалем Калама, впредь не стоит пренебрегать верными союзниками поддаваясь гордыне, и следовало бы унять свою скудость при дележе добычи. Пусть государь помнит: кто помог встать, всегда поможет и упасть.

При этих словах пустынного, черные люди накиннулись на гордого военачальника.

– А чтоб он, о том не забывал – продолжил свою речь Аш-Шу, – мы преподадим ему крепкий урок.

– Что ты задумал?! – В ужасе вскричал лушар, догадываясь, какая участь его ждет, когда разбойники начали его вязать. – Мы честно расплатились с тобой и отдали на разграбление весь нижний город!

– А ты посмотри, что получили мы с нищевродов. – И на недоумевающий взгляд лушара, пояснил. – Ничего! Ниче-

го, кроме моря крови и трупов! И это трупы, далеко не трупы одних голопузых. Сколько благородных воинов полегло, чтоб только твой государь мог гордиться, что взял священный город без боя!

– Кто ж мог знать, что смерды вдруг проявят такой норов? Но я передам повелителю твои слова, и он, я уверен, прислушается к ним! Но для того, тебе следует покориться мне, и остановить творящийся ужас!

– Ох, и наглец! – Посмеялся Аш-Шу, над смелостью обреченного воеводы. – Попался лис в силлок, да брешет. Гляди Магару, каким след быть настоящим воинам перед лицом смерти, когда они в руках врагов. Ох, воевода, если и участь свою так же вынесешь, назову в твою честь сына. Клянусь божественной волей!

Он дал знак, и воеводу одного из славных лимов Загесси, повели связанным как последнего вора. Но пустынный, отдал должное и его положению, гордому нраву и благородному происхождению, приказав вывести его в широкие просторы дворцовых приемов, где для него было приготовлено царское сиденье. Увидев, что его ожидает, лушар задергался, пытаясь вырваться из лап пустынников, но те, вцепившись в него словно хищники в несчастную жертву, не дали возможности даже дыхнуть полной грудью.

– Говорят, что пустынники не знают порядка и ступеней лестницы значимости благородных. Но досточтимый лугаль Уммы и всех земель необъятного Калама, надеюсь оценит,

скромные старания своих диких друзей, рожденных песками пустынь, за те почести, что мы оказываем его слугам.

Помогите наместнику Великого лугалья, взойти на престол священного Нибиру! – Торжественно возгласил повелитель пустынь, улыбаясь в ус.

И люди в черных одеждах, содрав с яростно сопротивляющегося наместника набедренник, взяли его под руки, и с легкостью подъяв, насадили его голый зад, на заостренный конец шеста, воткнутого и укрепленного в сиденье престола. Из глотки мужественного и сурового мужа, свыкшегося к испытаниям, вырвался вопль невыносимой боли и ужаса. Но вояка, не был бы воякой, если бы смиренно переносил страдания. Угрозы с кучей грязных проклятий, понеслись в ответ на смешки пустынников, весьма повеселив последних.

– Смотри-ка, как лается. Словно пес колодный. – Радовался Аш-Шу, восхищенный мужеством лушара. – Того и гляди, соскочит со своего шестка, да всех нас перекусает.

– Скажи-ка, как его имя? – Обратился он к лагару, уже пресмыкавшемуся перед своими невольными спасителями из лап воеводы, и награждавшего их самыми прелестными названиями.

– О, великий царь, имя этого ничтожного человека Ки-У-Ла. – Ответил услужливый сановник, не догадываясь, для чего вдруг понадобилось варвару, знать имя пытаемого ими человека.

– Какой родитель, так свое дитя наречет – "ничтожество",

"недоразумение"? – Поморщившись, выругался пустынный, убрав с лица довольную ухмылку. И прикрикнул на расслабившихся палачей. – А ну-ка, расшевелите его там, как бы он у вас не издох раньше времени! Да уберите, это отсюда.

Пустынные воины, привыкшие к беспрекословному послушанию, тут же бросились исполнять приказания, причиняя еще большие страдания мученику, и оттаскивая от ног своего господина пресмыкающееся существо, жаловавшегося на грубость к нему невежд, недостойных божественной воли его благороднейшего повелителя и великого царя Аш-Шу.

– И чего он такой тяжелый? Вроде не больше моей жёнушки – Удивлялся, тяжело вздохнув при воспоминании о зазнобе, один из подоспевших разбойников уносивших саванника, посмеявшегося прогневать нехорошим ответом их повелителя. – Такой же пышный и мягкотелый.

– Чито, жёнка нашлас...? Так чиги ждиёшь, если поскучалса? Вот тебе жёнка, а вот лёжка. Ийждуйтсесь. – Поддел новичка его собрат.

– Неее, – глупо улыбаясь, ответил тоскующий по дому муженек, – у моей все на месте, как бабам полагается, а это не баба..., хотя и не мужик завроде. Может он..., как его... – уду!

– А ты, провер. – Предложил худой пустынный, посмеиваясь над простоватостью новичка.

Бесхитростный селянин, не поняв шутки, тотчас последовал его совету. Чем несказанно порадовал присутствовавших, но только не самого лагара, отчаянно сопротивлявшегося и ругавшегося на тупую деревенщину благим матом, но притихшего, получив хорошего леща.

– Э, да у него тута, целые закрома припрятаны! – Поделился своим открытием деревенщина, вызвав взрыв хохота пустынников, понявших смысл слов по-своему.

Но их смех сменился удивлением, когда простодушный, вытащил из-под полы сановника, один за другим, туго набитые, увесистые мешочки. Кто-то почесав в затылке, присвистнул:

– Гляди-ка, а мы этого и не заметили, когда его обыскивали.

И гневом на посмевшего скрыть от них богатство, ставшее их по праву:

– За такоё, по закону божесьтньої воли, полагайтесь смерть!

– Что же решили, славные воины божественной воли, сделать со столь злобным ее нарушителем? – Спросил у своих последователей Аш-Шу.

– Содьрат с нього шкуру! – Был ему ответом возглас, приведший перепуганного нарушителя, бесплодно ползавшего червем перед разгневанными пустынниками, к неописуемому ужасу.

Видя незлое расположение предводителя лиходеев, ла-

гар священного города Энлиля, пополз к ногам повелителя с умоляющими причитаниями, в надежде вымолить у него прощение. И ему показалось, что это помогло, когда пустынный, надсмехаясь над приговором своих головорезов, посмеялся над их кровожадностью.

– Ох-хо-хо, вы еще его в котле сварите, да съеште. – Сказал он, приведя в замешательство ярых приверженцев его закона.

– Да пребудет в вечном здравии, великий и могущественный царь, мой славный повелитель, своим милосердием и справедливостью, он станет примером праведности для всех государей. – Вмиг оживя, шустрее заползал сановник, повторяя славословия, говоренные им уже не раз, только по отношению к другому государю. – И они, погрязшие в своей неверности, отринув темные заблуждения, с воодушевлением пойдут за светочем великого учения Энл... Его божественной воли.

– Верный последователь божественной воли, должно быть, припрятал божье, от посягательств на него, алкающих взоров вороватых каламцев. Чтобы никто не посмел наложить своих грязных лап на принадлежащее ему. Не так ли?

– Да-да, именно так! Ооо, всевидящая пронизательность и вещее провидение нашего справедливого царя и доброго повелителя, еще раз доказывает всяким безбожникам и невеждам, божественность его духа. – Пустился в привычное словоблудие сановник. – Мой господин, конечно же, знает,

что я хранил эти богатства для своего повелителя, веря, нет – зная! Что он придет в сиянии божественной воли, чтобы озарять ею народы, и найдет своего верного раба, преклоненно ожидающего своего господина и повелителя и хранившего его богатства от проклятых невежд поклоняющихся ложным богам.

– Красиво лопочет. Вот как должен славить господа, верный последователь божественной воли, а не изрыгать корявым косноязычием, как делают это наши подпаски. – Заметил Аш-Шу своему подручному, и уже громче, обратился к распластавшемуся лагару. – Я надеюсь, верный раб и последователь божественной воли, поделится с господином столь велеричивым языком, умеющим так красиво выразить свою преданность повелителю: дабы он мог преподать урок, маловерным последователям – погрязшим в невежестве, чтобы еще больше озарять мир божественной волей?

– О, повелитель, я посчитаю большой честью, служить моему господину. И я весь во власти моего милосердного владыки, как и мой язык.

– Я знал, что не ошибся в тебе. Встань. Я назначаю тебя своим поверенным, в делах с Лугальзагесси – истинным лугалем Калама. Мы с ним сейчас в ссоре, но я верю, что благодаря моему верному поверенному, мы сумеем преодолеть наши противоречия.

Когда новоназначенный сановник начал извиваться в благодарностях, его новый повелитель, приказал воинам вер-

нуть все отнятое у него золото. Непутевый селянин, с недоумением исполняя его волю, поднес новому поверенному мешки, тот сердито взглянув на своего обидчика, с силой рванул из ненавистных лап деревенщины свое золото.

– Как подносишь, поверенному своего повелителя?! – Нахмурил брови лис пустынь, грозно глянув на деревенщину.

Селянин дрожа в коленях, чуть их не расшиб, грохнувшись об пол, который к его счастью был устлан мягкими коврами. Не обращая на него внимания, Аш-Шу обратился к раздувшемуся от важности своего положения сановнику, с вопросом, все ли золото на месте. Получив утвердительный ответ, он подозвал своих самых лучших лиходеев, ходивших у него в личном окружении. Затем, на удивление спокойно спросил у провинившегося новичка:

– Где он держал припрятанное?

Несчастный простачок, от испуга не мог открыть рта, мыча показывая в подборюшье.

– Изъятое, следует вернуть туда, откуда его взяли.

Лиходеи, понимавшие приказ своего повелителя с полуслова, повели себя странно, и вместо того, чтобы с трепетом приподнести новоназначенному порученцу отнятое, задрали ему подол.

– Как вы смеете?!?! Я личный поверенный государя!!! – Завизжал оскорбленный сановник.

– Ничего-ничего, – успокоил его государь, – они просто готовят личного поверенного, к поручению для истинного

лугалья Калама.

Думая, что это какой-то из чудных обычаев, коих у варваров было до неприличия много, лагар стал терпеливо ждать, снося стыд от позорно задранного подола и не сопротивляясь подхватившим его под мышки молодцам. Пустынник, дернув веком, разрешил им сделать последний обряд, для завершения подготовки посланника. Непереносимая жгучая боль, объявшая низ живота, лишила несчастного посла, на некоторое время сознания. Но приведенный в чувство, бедолага был вынужден чувствовать всю полноту боли и издевательств, со стороны своих мучителей.

– Поднесите плату за верную службу: бывшему лагару энси священного Нибиру; бывшему лагару наместника Ур-Забобы; бывшему лагару наместника Лугальзагесси; а ныне, личному поверенному проводника божественной воли Аш-Шу! – Слышалось отзвуком в полутемных чертогах, торжественная речь подручного пустынного правителя.

Тяжелые мешки, столько висевшие у него в подбрюшьи, тяжелым грузом провисали теперь у него в утробе, в тысячу раз умножая страдания. Теперь-то, до них никто не мог добраться, своими падкими до чужого добра руками. Теперь это золото, всецело принадлежало ему, или он принадлежал этому золоту. Ибо претерпевая от него невыносимые муки, он сам теперь не мог избавиться от этого.

– Погодите! – Остановил Аш-Шу палачей, передав им свой нож, когда они сделали последний стежок и муки боли

прорывались из глотки несчастного. – Возьмите посуленное мне!

Нож пурусханской работы легко полоснул живую плоть, и, скользнув змеей, язык оказался в руках головореза. Палач с почтением поднес вырезанный "дар лагара, своему повелителю". Исполненная кровью, глотка, лишенная языка, издавала лишь клокотание; насаженный на кол воевода, так же, не имел больше сил для своих проклятий. Крики и стоны умирающих, перестали оглушать пустынного, и он мог спокойно продолжать наслаждаться разговором.

– Итак, следует отправить вестника с сообщением Лугальзагесси, об измене его воеводы в сговоре с местным главным советником, и о переходе его с десятком уммийских воинов на сторону врага. Сообщить о порушении им, нашего с государем договора, с оговоренной платой за службу моим воинам. И пусть он, не беспокоится о каре изменникам и заговорщикам. Мы как его верные друзья и союзники, уже о том позаботились.

– Что Магару, живот прихватило? – Заметил Аш-Шу, обеспокоенность и сомнение в лице подручного.

– Не прогневайся повелитель, но я боюсь, что Лугальзагесси не поверит, что мы не ведаем о том, кто стоит за порушением договора, и не замедлит к возмездию. – Склонившись в поклоне, отвечал миролюбивый Магару.

Уважая мнение своего верного последователя, и зная его искреннее сожаление о противоречии ему, пустынный его

успокоил:

– Не нами нарушен уговор, Магару, и не нам бояться возмездия за его порушение. Пусть Загеса боится гнева своего господа, коим он клялся платить за наш союз с ним, коим клялся разделять с нами плоды побед. Вот мы и оставляем наше послание ему, чтобы не забывал впредь, что уготовано клятвопреступникам. Пусть помнит об этом, прежде чем снова захочет обмануть нас. Пусть и другим будет наука: прежде чем крутить хвосты, нужно сена нагрести.

– Увы, Загеса не так мудр. Он все еще полагается на когти и кроличьи лапки, доставшиеся от батюшки, и поливает себя дурманом. Боюсь, его скудный разум мало что удержит в памяти. Для того, чтобы этот урок пошел ему впрок, нужно ему туда его вбить.

Слова мудрого советника, привели Аш-Шу в некоторое замешательство. Чтобы не выдавать своих смятений, он разрешил говорить подошедшим кингалиям ополченцев.

– О, повелитель, воины не знают, что делать с пленными. Они бы их побили сами, но вовремя подоспели ваши ребята и не позволили совершиться самосуду.

– Разве насилие в городе, кто-то остановил??? – Удивился Аш-Шу.

– К несчастью, наши люди слишком злы и утомлены долгим ожиданием, чтобы кто-то мог их удержать от этого. Но они, взрослые на почитании лучших людей, все же понимают последствия причинения вреда вельможам, даже если это

враги. Нами вызволен совет старейшин Нибиру. И мы передаем их на суд досточтимого царя пустынь, в надежде, что решение старшего среди нас, каким бы оно ни было, разрешит этот трудный вопрос.

– Что ты, говорил, Магару? Вбить? Что ж, если наш царек столь недалек, вобьем ему памятку в голову. – Пустынник, отпустив кингалей, благодарил божественное провидение за то, что вовремя послали ему это озарение. – Сколько в совете мест? Десять?

– Двенадцать.

– Вот и раздобудьте двенадцать гвоздей.

– Не гневайся господин, но моему разуму не дано постичь мыслей творцов неба. Как это поможет укрепить память лугаля? Сомневаюсь, что смерть нибирийских сановников, тронет сердца уммийцев.

– Потому, ты просто человек Магару, смертный в своем духе. И не пытайся постичь непостижимое, а только слушай волю неба. Где уммийцы?

– Думаю, вскоре будут здесь. Хорошо бы покинуть город вовремя.

– Об этом не беспокойся, наши верные люди с нами, а сброд мы всегда сможем набрать новый. Где стража нашего энси, который восседает на престоле с нашей помощью?

– В яме, ждут своей участи. Но их только пятеро, остальные пали в сражении.

– А где их тела?

– Думаю, так и лежат где их застигла смерть.

– Соберите то, что еще осталось от их вооружений и доспехов.

– А как же трупы?

– А трупы. Те, что поцелее, несите сюда, а остальные....

Что ж, придется видимо, кому-то из стражей города побыть уммийцем. Пусть изображают гордость, оказанным им почетом. Изображали же они радость от нашего прихода.

– А как быть с сановниками?

– Да гоните их прочь! Если им посчастливиться, может быть переживут сегодняшний день.

Насмерть перепуганный селянин, дрожа всем телом в ожидании своей участи, все еще стоял на коленях. Проходивший мимо воин, из личной стражи Аш-Шу, небрежно буркнул согбенному новобранцу:

– Что захолонул? Повелитель любит хорошую шутку.

– Радуйтесь, вам выпала великая честь, заседать в совете Нибиру. – Радушно встретил уммийцев Аш-Шу, когда привели пленников.

– Нет радости в смерти, для тешения честолюбия дурака. – Мрачно возразил один из пленных. – Лучше отпусти нас и сам убейся, этим ты окажешь нам великую честь.

– Я вижу, воины Недоразумения, столь же заносчивы как их са-каль. А другие, столь же дерзки? – Аш-Шу уперся глазами в уммийцев.

Не выдерживая прожигающего взгляда пустынного, каждый из воинов, даже мрачный смельчак, опускал глаза, когда тот встречался с ними. И только один, самый молодой, глядел смело и даже весело. Удивленный странным поведением, пустынный еще больше удивился, когда парень с ним заговорил:

– Отчего великий лугаль пустынь, называет нашего са-ка-ля недоразумением?

Оторопев от наглости, Аш-Шу все же ответил:

– Оттого, что это его имя.

– Великий лугаль, это имя дали ему родители, чтобы оградить от козней чародеев.

– Отчего, ты называешь меня великим?

– Я восхищаюсь тобой, великий государь.

– Если надеешься выслужить себе помилование, не старайся, это тебе не поможет.

– Я знаю. Но, я все равно восхищаюсь тобой. Я буду счастлив, умереть для тебя.

– С чего это вдруг? – С неприятием спросил Аш-Шу, приехавшись к похвалам ради милости.

– С детства я слышу сказки, о вольном воителе пустынь, разворошившем гнездо разврата, в который превратился Ка-лам; не боящемуся ни царей, ни богов, но которого боится сам великий лугаль Киша, и от чьих дерзких набегов предпочитает откупаться, чем воевать. А теперь, не зазорно и нашему лугалю вступить с ним в союз. Сколько раз я грезил,

что встречу с тобой и вступлю в твоё братство света, чтоб бороться против сил тьмы и быть тебе хоть, чем-нибудь полезен. И вот настал тот день, и я рад, что моя смерть не будет напрасной, но поможет к воссиянию твоей правды и приведёт к тебе ещё больше ныне заблудших душ.

– Мне нравится твоё речё, и я вижу искренность в твоих глазах. Но увы, это не поможет. Тебе всё равно придётся умереть.

– Я знаю. Я рад. Я горд. – С радостным воодушевлением признался молодой уммиец.

Подивившись и сожалея, о таком преданном последователе, вдруг появившемся среди тех, кто его должен ненавидеть, Аш-Шу уже собирался оставить приговоренных с их судьбой, как вспомнилось.

– Парень. – Оборотился он к уммийцу.

– Да, мой господин. – Глаза парня, всё так же выражали радостную готовность, несмотря на окончательный приговор пустычника.

– Что ты хотел сказать, говоря, что имя ему дали, чтобы оградить от козней чародеев?

– Это имя для чужаков, а для нас он всегда был Адамен. Так прозвали его за доблесть в бою, ибо он не ведал поражений.

– Адамен? Ты говоришь правду, боец???

– Адамен. Почему, это удивляет господина? У наших воинов, второе имя в обыденности. Многие не любят своих до-

машних имен, из-за простоты или дурного звучания, заслуживая новые прозвища от товарищей и кингалей, а порой и от врагов. А наш са-каль, заслужил его доблестью в бою. Разве у воинов пустынь не так?

– Так. Об этом, я даже и не подумал. – Пустынник оживясь, не скрывал своей радости, скалясь в бороду. – А ведь и вправду, такому доброму воину и лушару славного лима, не пристало носить недостойное имя как какому-то деревенщине.

Молодой пленник, в ответ лишь хлопал глазами, все так же невинно улыбаясь.

– Я вижу, ты уже собрался. Не торопись умирать, если хочешь это сделать для меня. Ты всегда успеешь это сделать, а я верными людьми дорожу. Хочешь служить мне?

– Ооо, господин, я не смел даже мечтать об этом. – Коленопреклоненно, дрожащим от волнения голосом, произнес пораженный неожиданной честью и внезапной переменой, парень. – Это великая честь для меня. Я готов всегда служить моему славному господину и, если только потребуется – умереть за него.

– Хорошо. Как звать тебя?

– Ус-а-Ма, мой господин.

Аш-Шу велел развязать его, и принять в свою личную стражу, вызвав удивление приближенных. Однако никто из них не стал возражать, зная, что действиями их вождя движет высшая сила.

– Магару, – обратился он к подручному – уже выбрали счастливых из городской стражи, что удостоены чести заменить уммийцев?

– Да.

– Остальные?

– Приняты в сброд новобранцев.

– Придется видно, еще одной счастливой голове из их рядов, подставиться. – Пошутил пустынный.

Чаля последним плотом к берегу, десятник, с сожалением вспоминал о судьбе своих друзей и верных соратников, павших защищая чужих для себя людей. Но оглядев хмурые лица детей, оставшихся без попечения родителей, он засове­стился, подумав, что бы ему сказала, на сей счет его старая товарка, не пожалевшая своей жизни ради них, несмотря на то, что могла спокойно отсидеться за стенами. Стерев следы нахлынувших чувств, он улыбнувшись, ободряюще кивнул чете огромных глаз, с любопытством разглядывавших, как дядя с красивыми бляхами на перевязях, правит их маленькое суденышко. Поругавшись с замешкавшимися причальщиками, десятник сошел на берег со своими маленькими плавщиками.

Глядя на то, сколько людей они спасли от смерти и рабства, десятник с гордостью подумал, что все же не зря погибли его товарищи, и тысячу раз была права корчмарка, когда подбила его на измену. Предать предавших не преда-

тельство, а справедливость, особенно если на кону жизни людей. Дождавшись пока все соберутся, получив дозволение старост, он обратился к людям:

– Досточтимые граждане славного Нибиру! Вот и нет у нас дома: нашего любимого города, священного, славного в землях. Разрушен не нашим предательством, но тех, кто свое благополучие возвысил выше совести и жизни других. Вам ли, сожалеть теперь о них? Тем, кого они не ставили, ни в горсть ячменя. Давайте лучше вспомним о том, что все вы свободны теперь: от их поборов и обязательств перед ними, и от поборов тех, кто вместе с чужаком, пришел завоевывать вас как враг. И вместе подумаем, как быть дальше, что делать!

– Так, что нам делать?! – Послышались возмущенные голоса, тех, кто отсиделся в сторонке, пока другие умирали за них на валах. – Вы своими самовольствами, только раззадорили чужака! А теперь еще, на нас точат зубы и люди Загесси!

– Вам ли, трусливым шакалам судить нас?! Ваше дело теперь, сидеть тихо и помалкивать! Бабы, и те храбрей вас! – Тут же осадили их защитники, не побоявшиеся мечей пустынников, и ропшущие пугливо втянули шеи; а дружинники стали внимательно выискивать глазами недовольных, опасаясь возможных распрей.

Дождавшись, пока волнение уложится, десятник продолжил:

– Я вижу, вы все понимаете, что путь домой нам теперь заказан! Хотя мы и выстояли теперь. Это ненадолго. Чужаки никуда не денутся и придут снова. Придут и унукцы, ненавидящие вас лишь за то, что Нибиру предпочел Унуку Киш, подпав под власть Ур-Забабы. Думаю, вы догадываетесь, что сейчас творится с городом и теми, кто был за стенами, и что ждало вас. А без подмоги, нам не выдержать новой напасти.

"Идем в Киш!!" – Послышались голоса, и кто-то уже собрался двигаться в ту сторону. Но десятник, подняв ладонь, в знак того, что еще не закончил, провел рукой по своим людям.

– Смотрите! Здесь дружинники, дважды предавшие ради вас! Восставшие против своих господ, своего военачальника – ставившего долг, выше человеческих жизней. Предавшие лучших, ради худших. Зачем же они сделали это?! Ведь они могли спокойно отсидеться за стенами, охраняя покой лучших, пока вас убивали бы и уводили в плен. Так зачем они сделали это?!... А я вам скажу – зачем. Они могли отсидеться за стенами, но, не поколебавшись, заняли сторону худших, ибо знали, кто в Нибиру действительно – лучший...! Теперь же этих людей ждет дома кара: за то, что богачи Нибиру, надумали сдать город без боя; за то, что вопреки приказу, не наплевали на оставленных за пределами стен.

Я знаю, вы горюете о простых работягах: ремесленниках и общинниках. Но, разве они подумали о вас, когда закрывали перед вами ворота и оставляли один на один со страш-

ным врагом, безжалостным и беспощадным? Разве не они, первыми предали вас?!

Тут из толпы вышел долговязый человек, руководивший защитой после смерти великанши, и живо размахивая руками, начал уверять, что не сожалеет об оставленной жизни, полной горести и страданий. Что работяги внутреннего города, всегда смотрели на них свысока, так как считались полноправными гражданами, и их никогда не волновала судьба жителей бедных пределов, претерпевавших нужду и побои. И потому и им, особенно после их подлого предательства, нет дела до их судеб.

Благосклонно выслушав одного из негласных предводителей общинников, и поблагодарив за понимание, десятник продолжил свою речь, стараясь обрисовать им, их незавидное будущее, если они вздумают податься в Киш. Изможденные и угрюмые после кровавой бойни, люди слушали не перебивая. Помалкивали даже те из старейшин, что когда-то яростно противились тому, чтобы не уполномоченные энси военные, распоряжались у них в пределах, заставляя людей – вооружаться и готовится к обороне, внося ненужную смуту. И смиренно слушали, напуганные внезапной правотой испитой бабы.

– Есть два пути: идти в Киш за помощью к царю – обещавшему защиту, к братьям – обещавшим приют; либо бродяжничать, добывая хлеб разбоем и наймом в войнах! Что ждет вас в Кише?! Слово государя как ветер – сказано, уле-

тело; как лед – крепко, пока не припекло! Ну, а люди, переменчивы как и погода. Может у кого-то там, есть родные или близкие, что радостно встретят и поделятся кровом. Тому радость. А если – нет? Вас ждет незавидная судьба закупов, продающих себя и свою семью, как скотину. Многие из вас уже познали нелегкую судьбу, когда худые годы недорода, сняли свою черную жатву. Многие семьи недосчитались своих кормильцев, когда заживевшие соседи, вопреки обычаям предков, не делились припрятанным, но сами еще больше жирели, давая в рост. Многим тогда, за пригоршню зерен, пришлось отдать в безвозмездный найм своих детей. Я знаю, что перейдя под власть Киша, вы надеялись, что хоть там еще чтят старые обычаи. Но вы обманулись, там – то же что и здесь. И самое лучшее, что вас ожидает, это гнуть спину на какого-нибудь богатого хозяина. Это я говорю вам как кишец. Ведь я и сам, как и мои воины, был когда-то таким же как вы – простым работягой, но голод и нужда, заставили меня взяться за копые воина. Кто хочет этого, идите. Оставаться опасно, да и негде. Но и идти в Киш бессмысленно. Тамошние богачи и чиновники, столь же вороваты и скупы, а простые люди от этого неприветливы и злобны! Потому и не найти вам там желаемого приюта!

– Верно! В Кише нам делать нечего, идем в Лагаш! Говорят там справедливый лугаль! – Крикнул кто-то.

"Праавильно!", "Он, верно, говорит!", "В Лагаааш!!!" – Послышались со всех сторон крики поддержки.

Но десятник, не проявляя общего воодушевления, выжидал, давая понять, что хочет говорить. Дождавшись пока толпа стихнет, десятник начал:

– Лагаш это конечно хорошо. Но как вы туда попадете?! Как пройдете сквозь земли тех, кто хотел вас только что поработить и уничтожить?!

– Можно на плотах по Идигне. – Предположил кто-то осторожно.

– По Идигне?! Хорошо, можно и по Идигне! Но и до Идигны путь не близок!

– Зато по землям Киша!

– А вы думаете, что у кишцев не возникнут вопросы, отчего по их земле ходят толпы бродяг?! Вооруженных бродяг!

По рядам прошелся недовольный гул.

– Ладно. Допустим, вы дошли до Идигны. Допустим, вы связали плоты. Но до переправы, вас не допустят державные заставы! И тогда ни я, никто либо из моих людей, не беремся ручаться за ваши жизни! А вы уверены, что все эти рассказы о справедливом лугале, не байки балаболов?! А может, вы придете туда, а там, то же, что здесь! ...

По взволнованным лицам, поняв, что смысл его слов достиг сознания людей, он продолжил:

– Может хватит?! Может хватит, надеяться на справедливого лугаля?! Может, пора самим решать свою судьбу?! ...

Оглядев толпу, десятник понял: они только и ждут, чего-то от него, надеясь, что уж он-то знает, что делать. Но, он

лишь тяжело вздохнул, от мысли, что невольно толкает людей на путь полный опасностей.

4. Возвращение.

Сойдя на берег, скитальцы разъехавшись с лагашцами, отправившись к Кишу, снова покатали на своем возке, по дороге к Нибиру, спеша поскорее вернуться к своим землякам, которые должно быть потеряли своих любимцев, чтобы скорей порадовать их новыми шутками, почерпнутыми на чужбине, и поделиться впечатлениями об увиденном. Аш тоже спешил, обеспокоенный тем, что учитель не нагнал их как обещал, и никакие уговоры и увещевания – дожждаться вестей, не смогли остановить его порыва. И бессильно вздохнув, Пузур был вынужден согласиться с решением юноши, вняв заверениям, что под тряпьем, в запыленном бродяге не признают беглого послушника.

– Стой! – Окрик, заставившийся встрепенуться даже ослов, показал, что их опасения были не напрасны. Исполняя волю кишского стражника, Пузур из-за всех сил потянул вожжи на себя, останавливая перепуганных ослов, да, и здоровенный страж, ухватившись за узду, не дал им сдвинуться с места.

Главный из стражей, подойдя к повозке, отчеканил, то, что должно быть, повторял не раз:

– Именем единого бога и великого единожержца!

Узнав в стражнике, старого знакомого, Пузур попытал-

ся успокоить чересчур прилежное рвение вояки, дружеским приветствием:

– Приветствую, благородный сагду!

– И ты будь здоров. – Буркнул в ответ стражник, тоже узнавший возницу и его седоков.

– Что за переполох? Раньше мы спокойно проезжали. – Обеспокоенно сетовал Пузур, когда стражи начали заглядывать в повозку.

– Всем прибывающим во владения великого единодержца, следует внести пошлину за въезд.

– Что за новость? Мы о таком и слыхом не слыхали. – Доставая из кошны серебряник, ворчал скоморох.

– За каждого.

– За каждого???! Да это грабеж! – Возмутился Пузур, но все-же отсыпал еще четыре ги, опасаясь худшего.

Меж тем, стражники заглядывали в возок, чтоб убедиться, что у приезжих нет на уме ничего враждебного, а заодно посчитать седоков. Старший стражник, немного знакомый с общинкой Пузура, поздоровался с ними, и уже хотел отойти, но задержал взгляд на молодом эштароте. Растерянному гальнару, оставалось только перепугано ожидать печального исхода. Но стражник, вглядевшись подслеповатыми глазами, повел себя странно.

– Ааа, это ты ум-ма... – потянул он, качая головой, – а я не признал сначала... Здравствуй.

Получив в ответ кивок, начальник стражи, начал вспоми-

нать, про припарки и зелья, что подняли его на ноги, но во время нашедшийся Пузур, поспешно, пока стражник не догадался, попросил его, зря не беспокоить знахарку, сославшись на усталость с дороги.

– Понимаю.

– Скажи лучше, с чего такой переполох, что и прибывших обирают?

– Скажи спасибо, что вы кишцы, и я об том ведаю. С чужеземцев и плата выше. А если б, вы были унукцами скажем, то лучше б вам здесь совсем не появляться.

– А, что так?

– Разве вы не слышали, что вероломные помыслы Лугальзагесси, привели наши города к войне?!

– Ну, слышали... краем уха.

Стражник недовольно напыжился, но ничего не сказал, лишь попытав, куда ездоки намерены отправиться дальше.

– Как куда? В Нибиру. После долгой дороги, принести дары и отдать свои почести всемилостивейшему Энлилю, покровительствующему нашему благословленному лугалю Ур-Забаве, да длятся вечно его годы. – Удивившись вопросу, ответил гальнар.

– Сворачивайте свой возок. Туда хода нет.

Не ожидавший такого оборота, скоморох вскинул бровями:

– Что значит – сворачивайте?

– Ну да, вы ж наверно, не слышали. – В голосе стража

слышалась обида.

– О чем, не слышали?! Что случилось?! – Слова земляка, заставили учащенно забиться сердце Пузура.

Стражник ответил не сразу, но пережидая, посверлил глазами, будто испытывая взглядом, потом выронил, тяжело как свинец:

– Нибиру пал.

– Каак...?! – В ужасе, то ли прошептал, то ли вскрикнул Пузур.

Засидевшись за раскладом, и поглощенный подготовкой очередной мести, Азуф не заметил как наступило утро и пришла пора встречать новый день. А он еще и не ложился. Случалось и раньше, что он забывал о сне, но тому были куда более приятные причины. Не одна ветреница, одаривала его сладострастной улыбкой, восхищенная неутомимостью киурийского льва, блаженно вспоминая бурные ночи; не одна порочница истеклась желанием, грезя о его крепких объятиях. Азуф горько усмехнулся. Узнав о судьбе Нибиру и об участии ее лучших жителей, которым он поклялся в безопасности, он совершенно потерял покой: в нем зашевелилось, чувство похожее на совесть. Да и ночи в последние дни, перестали радовать успехами с прелестницами. В другое время, он бы обратился с этим недугом к старому средству, но оно иссякло, а тот единственный человек, который его когда-то для него готовил, и мог бы помочь и теперь, пре-

данный им, лежит где-то под стенами разрушенного города. Впрочем, вряд ли оно бы сейчас помогло; настолько он был подавлен.

Он изменился и внешне, осунувшись и потеряв былую подтянутость. Хотя никто и не мог сказать, что он утратил хватку и уверенность в себе. Напротив, в последнее время в нем прибавилось и напора и боевитости, и не многие решались перечить ему. Ужом обвив подножие престола, он строго следил за тем, чтобы никто не поднес лугалю что-то неуютное его умыслам, будь то хоть сам великий лагар. Лишь удостоверившись в том, что у просителя нет худого для него, он не препятствовал их встрече. Казалось, под неусыпным взором он держал все, что творилось в рассыпающихся его старанием землях Единодержия, и без его ведома, не проскочила бы и мышь. Но увы, советник Киша не мог влиять на государя настолько, чтобы совершенно управлять его мыслями. Ур-Забаба был слишком подозрителен для этого, и казнил всякого, кто по его мнению пытался это делать. Потому, личный чашеносец великого лугалья был предельно осторожен, поворачивая все так, чтоб и сам единодержец не догадывался, что идет чьим-то проторенным руслом. Азуф понимал, что это путь к разрушению, но он знал также, что только так он может ухватить удачу, ибо только путем разрушения и того, что когда-то создавал сам, государь шел не опасаясь измены.

Отовсюду, на ногах легкокрылых гонцов и их резвых кун-

галов, запряженных в многобежные колесницы, к нему стекались вести о том, что творится в обитаемых землях и за его пределами. И первым из всех в Кише, узнав о падении Нибиру, он был потрясен до глубины. Лично готовивший заговор, и склонявший его лучших людей к измене, через них влияя и на мнение горожан, он был уверен, что Лугальзагесси, обязанный ему всем, послушает его и пощадит город и его жителей. И потому, он был подавлен теперь и разбит в сердце; столь неожиданным для него было это известие. Ему было жаль горожан, ему было жаль города, ему было жаль поверженные святыни и разоренные храмы; но больше, его одолевало чувство стыда, негодования и бессильной злобы, от того, что им воспользовались и бросили как ненужную ветошь. И кто?! – Его ставленник, которого он подобрал где-то в глуши болот, какого-то захолустного городка. Ну, ничего. Как он его поднял, так он его и уронит. Союз городов Юга не прочен, и держится волей градоправителей, объединившихся против единого врага не без его помощи, и может легко рухнуть, как обрушается снег в горах от нечаянного шума. У него еще есть и сила и влияние, он может способствовать этому, а замену лугалию он легко найдет среди энси соседних городов. Нашел же он этого ведьменьша, когда старый энси Унука отказался подчиниться его воле и восстать против власти Киша. И если Загеса рассчитывает на своего великого соседа, то напрасно. Ним сейчас даже не в состоянии, самостоятельно вытащить заносу из своей задницы, в виде за-

хиревшего Лагаша, что уж говорить о далеком и сильном государстве Киша. Нибирийцы, только и вступили в заговор, оттого, что заручились его поддержкой, а другого, такого же влиятельного мужа, в Каламе, ныне разделенном благодаря его стараниям, им не найти....

– Господин. – Еле слышно, чтоб не нарушать спокойствия, обратился к нему вошедший слуга, учтиво склонившись в поклоне. – Прибыл торговец из Нима.

– Нима? Ну-ка давай, зови его. – Оживился Азуф, ожидая увидеть нимийца.

Но вместо черного соглядатая, в проем просунулась, смущенная рожа тайного посланника Лугальзагесси.

– Ааа, это ты! ... Ну что?! Твой государь, все же решился прислать гонца, чтобы сообщить о подлой измене?! И что же ты? Не боишься, стать ради него, жертвой на заклятие??? – Встретил он тайного посланника, не успевшего, приветствовать его как подобает.

Посланник, в ответ лишь скорбно склонил голову:

– Досточтимому господину, уже донесли печальную весть о разграблении города?

– Ха-ха-ха, твой вероломный господин, прислал тебя, чтоб ты посмотрел и рассказал ему, о том, как меня добивает эта весть; а он бы посмеялся? Не выйдет. Он решил, что он теперь власть, и я не смогу ничего ему сделать. Однако он забывает, что то, что легко дается, так же легко уходит. И в моих силах еще, раздавить даже такого вонючего клопа....

– Оо, господина верно неправильно известили. – Заспешил опровергнуть страшные подозрения царедворца, напуганный посланник. – Мой государь не причастен к разграблению города, то, все самовольства черни, повинностью приданных городами в его ополчение. Их зачинщики уже выявлены и казнены, остальные тоже примерно наказаны. Но увы, главный зачинщик и разбойник всего этого, ушел из города со своим сбродом, еще до того как подоспело наше войско.

– Уфф... Ловко... И кто ж, такой смелый? – Без злобы, скорее с восхищением произнес Азуф, после непродолжительного молчания, осознавая слова посланника.

– То, не из наших. Дикий пустынный, грабящий торговые возы и деревни. Лушар великого лугалья, неосмотрительно нанял его для своего похода, за что и поплатился жестокой и позорной смертью.

– Расскажи о нем. Мне надо все знать о человеке, который посмел пойти против самого Лугальзагесси, и может порушить все наши замыслы.

– Досточтимый господин Азуф, может о том не беспокоится. Ненависть Аш-Шу к вашему повелителю столь велика, что он ради нее, пошел на союз с нами, несмотря на взаимную неприязнь. Да и ваш правитель, точит на него зуб, за то, что он вытворял в его... в ваших землях.

– Ты сказал, его зовут Аш?

– Да, господин. Аш-Шу.

– Хм. – Азуф в раздумье прикусил губу, услышав, что-то

знакомое. – Ладно, ступай. На гостинном дворе, тебя хорошо приветят. Я распоряжусь.

На мгновенье у чашника екнуло в сердце, но опытный царедворец умел скрывать чувства и управлять собой. Пока посланник раскланивался в благодарностях, он уже сумел обратиться с мыслями.

– Погоди. Он молод? Этот твой разбойник. – Спросил он, пока лжеторговец не успел уйти.

– Нет, господин. Он еще не стар, но серебро уже коснулось его бороды.

– Хорошо, ступай.

Вздыхнув с облегчением, изможденный вершитель судеб был счастлив, оттого что, наконец, может спокойно отдохнуть, и окунулся в глубины сна.

– Господин... Господин. – Доносился откуда-то издали, робкий, но навязчивый голос.

Разодрав глаза, Азуф увидел над собой, чье-то лицо. Окончательно отойдя ото сна, он с неудовольствием признал в нем своего домоправителя.

– Ну, что еще? – Недовольно буркнул чашник, прикинув про себя, что не проспал и часа.

– Приходил посыльный. Государь срочно созывает совет.

Несмотря на то, что власть не желала распространяться о том, что случилось с Нибиру, весь Киш уже гудел о том,

что случилось со священным пристанищем верховного бога. Слухи до людей доходили быстрее царских указов. Каждый день, с юга прибывали все новые толпы беженцев, из окрестностей близких к Нибиру, и рассказывали ужасы про жестокость южан к жителям покоренного города. Лишь поняв бессмысленность и безнадежность закрывать всем рты, власть перестала это делать, найдя в слухах для себя выгоду. И напротив, раздувая из них еще больше страхов, чтобы держать людей в еще большем повиновении. Беженцев же, недолго думая отправили возводить великий дом земли и неба, строящийся во славу великого Ана и сына его Энлиля.

Элилу, как и все нибирийцы пребывающие в Кише, была встревожена доходившими вестями с родины. Поглаживая округлившийся живот, градоначальша несчастного города, только намеревавшаяся вместе с мужем, влиться в вельможные пределы средоточия мира, с тревогой думала о том, что теперь, когда ее города больше нет в подданстве Киша, путь в свет для нее будет заказан. Вспомнив, в связи с случившимся, и о родителях оставленных в Нибиру, она впервые, по-настоящему обеспокоилась о родных людях, наделивших ее, кроме обеспеченности и благородством крови, еще и взбалмошным и самовлюбленным нравом. К счастью для нее и нарождавшейся в ней жизни, они были столь же увертливы, как и их дочь, и были одними из первых в рядах беженцев, успев предупредить о своем скором прибытии, еще до того как стало известно о постигшей город беде, и ненужное

волнение, не успело коснуться беременности. К прочему, в отличие от других, они успели прихватить кое-что из своих сокровищниц, для сытой и безбедной жизни в столице, что также, не могло не порадовать их дитя.

Устав сидеть взаперти в гостевом доме, но в то же время, опасаясь еще выходить в свет, чтобы избежать косых взглядов столичной знати, как на жену градоначальника, не удержавшего священней Нибиру, Элилу захотела прогуляться по местному торгу и приказала прислуге собирать себя. Выехав в город на носилках, несомых сильными рабами, она с проворством шаловливой девчонки, ловко соскочила с них, как только они оказались у торговых рядов. С чувством женщины совершившей гражданский подвиг, она напирала в толпу, гордо выпячивая пузо, и люди с удивлением расступались перед странной иногородкой. Служанка сопровождавшая ее, суетливо семенила за ней, неся корзину для возможных покупок, стараясь не отставать и прислушиваясь к каждому пожеланию хозяйки. А большие, сильные рабы, угодливым оскалом, давали понять, что обижать госпожу не безопасно.

Устав бродить по торгу, и не замечая на себе восхищенных и благоговейных взоров, так как это было дома, но с обидой заметив, что всего лишь привлекает вожделенные взгляды ненасытных до женщин торговцев, она с обидой поняла, что не добьется здесь того внимания, которое обращала на себя в Нибиру. Насупившись и прикрыв выпирающее

достояние, Элилу больше не гордилась своим положением, во всем виня уродующую беременность. Прикрикнув на запуганных рабов, она возлегла на подушки и велела возвращаться.

Мокрая от слез, юная гашан терзалась мыслью, что вот теперь, – беременная, она больше никогда не привлечет достойных мужей, а женщины, не будут больше глядеть ей вслед с восхищением и завистью. Быв в своем городе царицей, она перестала ей быть, как только вступила на столичную землю Киша, где из таких как она "цариц", состоял весь двор, злых и завидующих друг другу дур. Теперь же, после падения Нибиру, ее положение в круге своенравной единодержавицы, и вовсе оказалось в подвешенном состоянии. Узнав о судьбе ее города, все эти разукрашенные курицы, выражали ей свое сочувствие, но она то знала, что за этой личиной соболезнования, скрываются злорадные ухмылки высокомерных гашан. А еще, эта нежданная беременность. Она даже не знала, от кого понесла этого ребенка, от мужа; или от одного из своих воздыхателей из охраны, заменявших ей ее пятника. С ненавистью взглянув на бездушный торг, обиженная женщина задернула занавеску.

Государь метал искры по рядам, переводя грозный взгляд с одного на другого: с вельможи на вельможу, с военачальника на военачальника. Не зная кого винить: чиновников недосмотревших за "вероломными" нибирийцами, или вое-

вод ответственных за охрану рубежей. Энси поверженного города Мес-Э, более всех склонный ожидать наказания, сидел бледный от страха. Меж тем, перепуганные сановники, старались обвинять друг друга, чтобы только отвести от себя гнев государя. Друг ополчался на друга, брат вставал против брата, а старые соседи, схватившись за грудки, готовы были убить друг друга. Азуф внимательно следя за тем, чтобы никто из присутствовавших на совете, как-то связанных с заговором или возможных его свидетелей, не успел раскрыть подозрительных мыслей, боялся как бы в порыве отчаяния, градоначальник не выложил все, губя вместе с заговорщиками и его. И потому, дождавшись пока единодержец остынет, осмелился попросить слова.

Он говорил о том, что пока они тут ссорятся и возлагают поклепы друг на друга, их враг собравшись с силами где-то там у себя в логове, готовит новое нападение. Что они окружены врагами, такие как Пурусха, захватившая вольный Йаримут, и конечно Ним, черным чародейством отвернувший от кишцев братьев. И сейчас как никогда, они должны действовать сообща, чтобы противостоять этому заговору. Его тут же, обрадованно поддержали самые смекалистые сановники, сразу же предположившие, что всему виной богохульники и сторонники старого почитания богов, а также всякие уличные шуты, распространяющие непотребные песни о власти, и просто люди ропщущие на поборы. И многоголосые выкрики, видя как благосклонно это принимает по-

велитель, подхватили обвинения, вылившись в поток одобрений запретов вся и всего. Тут же, кто-то внес предложение, выбить закон ужесточающий наказание: за кощунство, пестрое одеяние и пренебрежение новым уставам; а также за недостаточно громкое величание повелителя. Еще кто-то придумал, внимательней следить за иноземными торговцами, и хватать всех подозрительных личностей, стучащихся к ним. Под одобрительный гул, и это предложение было встречено с воодушевлением. Казалось, Азуфа это должно было расстроить, но его это не смутило. Он был рад, что наконец-то избавится от излишней опеки нимийца, привязавшейся к нему случайным единомыслием с врагом, и теперь грозившей перерасти в зависимость от Нима. Вздохнув с облегчением, он осознал, что желая просто отвести опасность разоблачения, где-то внутри добивался именно этого.

Приняв еще ряд бессмысленных, но очень важных для своей мнимой значимости законов, страшно довольные собой, заседающие разошлись по домам.

– Я говорилл...! Я говорилл...! – Всхлипывая, шипел чуть не плача, трясясь от страха, градоначальник поверженного города. – Но ты мне обещалл... Ты обманул меня... Ты обещал... Ты говорил, что город не пострадает. Что прежде, чем все случится, я уже буду недосыгаем. И где все этоо?! Мой город разрушен, государь в гневе; а я все еще энси того чего уже нет, и все еще на земле единодержца. Нет. Я под самым

его носом, и под надзором галла и его соглядатаев.

Поймав и отведя чашника в угол, подальше от любопытных глаз, Мес-Э хватался за него, как утопающий за соломинку. Выступавшие на лысом темени испарины, стекая по лбу заливали лицо, раскрасневшееся от душевных страданий. Отстраняясь от липких рук, Азуф встряхнул, удержав сползающего сановника, чтоб успокоить.

– Досточтимому Мес-Э, следовало бы вести себя подобающе, дабы никто не догадался, что он изменник, виновный в потере священного города.

– Изменник?! – Зашипел от негодования сановник. – Да ты же сам говорил, что это не предательство!

– Значит, ты меня плохо слушал. Я говорил про себя: это я – не изменник.

– Как...? Как?! Мы вместе это делали, значит и я не изменник!

– Ты плохо усвоил урок. Я разливал, и делал это опрятно; вы же, подавали, да так неуклюже, что и питье расплескали и сами забрызгались. Теперь отмывайтесь как хотите.

– Гляди же, я не буду молчать если меня начнут выпытывать. – Угрожающе пообещал, наместник без места. – Все расскажу, про то, кто меня этому надоумил.

– И готов, достойно встретить долгую и мучительную смерть? Жаль, что смерть такого честного человека будет напрасной. Я говорил: разливаю здесь я. Тебе не поверят и со мной ничего не сделают. Все решат, что ты несешь поклеп,

чтоб только спасти свою шкуру, или нарочно очерняешь верного слугу единоподержца, чтобы и после смерти навредить Великому Единоподержцу. Самое страшное, что меня ждет, это управлять каким-нибудь захудалым городишкой наших необъятных земель.

После услышанного, Мес-Э совсем пал духом. С напускным сочувствием оглядев притихшего наместника, Азуф разжал ладони, и отпустив полы его нарочито-пышного плаща, успокоил перепуганного энси:

– Что, страшно? ... Храбрый гир, так трясется за свою жизнь. А вот зря. Ему же, ведь тоже ничего не угрожает. Доблестный урса, со страху должно быть и не слышал, как все на Совете, дружно назначили виноватыми недовольных: тех, что еще баламутят народ на площадях. Так что, все вельможи и лучшие люди вне подозрения, и твое наказание не будет слишком строгим. Я же, замолвлю за тебя словечко перед государем, и тебя не отправят в глушь, но в самую гущу битвы на передовую. Ты еще помнишь, как держать меч и копье?

– Хочешь от меня избавиться, как от свидетеля твоего заговора? – Выразил свою догадку, помрачневший энси.

– Как же ты несправедлив ко мне, досточтимый энси. Мне это обидно. Разве по твоему мнению, я столь простодушен, что не найду для этого более изощренный способ? Нет. Я отправлю тебя на передовую, потому, что это близко от владений Загесса, и ты в любое время, можешь не только перебраться в его войско, где мало кто знает о нас, но и пере-

ти границу его владений. И в конце концов, встретишься с ним лично.

– Как?! Как я встречу с ним?! Или ты предлагаешь, мне бежать туда как последнему вору?! Я не смогу унести с собой богатства, да и с мошной на войне не потаскаешься. А как я получу обещанную тобой награду?! Первый же разъезд, ограбит и отправит меня куда подальше, а то и...! – Градоначальник запнулся, боясь произнести страшное слово.

– О том не бойся. У меня везде свои люди. Они помогут тебе, и отведут куда положено. А чтоб тебе не пришлось доказывать кто ты, я дам тебе отпечаток своей печати. С ней тебе всегда помогут.

– А как же Элилу? – Спросил Мес-Э, придя в себя после перерыва нескрываемой радости, внезапно вспомнив о любимой жене.

– Если жена тебе дороже головы, ты можешь остаться или взять ее с собой. Но ваши шевеления, не минуют внимания тайной стражи. И тогда, и сам господь наш Энлиль не сможет тебе помочь.

Вздыхнув, Мес-Э вынужден был согласиться, что другого выхода нет.

Дав омыть свои ноги, Азуф отослал слуг, собираясь, наконец, отдохнуть после утомительного вечера. По окончании совещания, ему в отличие от других советников, еще долго пришлось выслушивать жалобы престарелого лугалья

на неблагодарных подданных, выполняя обязанности и подливая государю сладкий дин. Лишь только дождавшись, когда обиженный повелитель уснет, "верный" чашеносец покинул его опочивальню. Теперь-то и его дожидалась теплая постель, готовясь принять в свои нежные объятия. Но при входе, ему показалось что-то в глуби темных покоев.

– Эй, кто там?! Принесите огня! – Закричал он слугам, напуганный подозрительным шевелением.

– Тише, пожалуйста, добрый господин. – Послышался шепот из темного угла. – Это друг.

Вглядевшись, Азуф узнал в незваном госте, жилистого подручного лугаля нищих.

– Амар? – Тихо окликнул он незваного гостя, чтобы удостовериться

– Да, саар саги, это всего лишь нищий Амар.

– Здравствуй Амар. Ну, какой же, ты нищий? – Смог начать разговор саар саги. – Я знаю, что нам не досуг встречаться на людях. Но все же, отчего ты не предупредил меня через моего верного человека, а приходишь ко мне как лузук или лугашум?

– Тебе ли не знать, что я и есть вор. А теперь и душегубец. Но Амар больше не будет ходить ни под чьей рукой. Да саар саги, лугаля нищих нет больше надо мной. Теперь я решаю, саар саги. – Тут только, приметливый глаз сановника, заметил свежие резаные рубцы, на груди молодого вора.

– Не называй меня так. – Поморщился Азуф, от много-

кратного повторения ненавистного прислужного звания. Его недоброжелатели в государевом совете, никогда не упускали возможности кольнуть его этим, выделяя его прислужное наименование в должности советника.

– А как мне называть доброго господина?

– Называй тогда уж верховным советником.

– Хорошо саар саг-ки.

– Хотя нет, место верховного пока занято. Тогда лучше... саар саг-у! Да – твердый; несокрушаемый!

– Да будет так, саар саг-у.

Добившись желаемого, Азуф пожелал узнать причину, побудившую головореза явиться к нему тайно, среди ночи.

– Несгибаемый советник знает уже, что город великого бога ветров захвачен южанами и теперь там гуляет ветер да хозяйничают унукцы? – Издалека начал жилистый вор. – Знает, что совместно с унукцами, город брали пустынные воины?

– Да, я наслышан о наглеце, вступившем в союз с Лугальзагесси, но посмеавшем пойти против его воли и взять сдавшийся город приступом. Кажется, его зовут Аш?

– Да, Аш-Шу. А донесли ли несокрушаемому, что всему виной жадность самого Загесси, пренебрегшего своим союзом и отказом в праве на справедливое разделение победы, не расплатившись по совести?

– Я всегда говорил, что жадность его погубит. Надеюсь, он не нарушит наших договоренностей, и насытиться получен-

ным. – Вслух размышлял саги и тут же спросил. – Но, что тебе до того?

– Знай же, что мы – жители нищих пределов, остались теперь без своего дома, а стадо платившие нам подать, воспротивилось и ополчилось против своих пастырей. Потому-то и мы теперь, были вынуждены вступить в полчища Аш-Шу свободным лимом.

– Так выходит ты меня обманул, и ты, как и прежде ходишь в подручных. Только теперь, у какого-то бродяги. – При этих словах Азуфа, нибирийского вора передернуло от обиды.

– Да будет тебе известно, саар саги, что еще Тарак, принял над собой старшинство лугаля пустынных разбойников, когда те обступив город, разъезжали на своих колесницах, потрясая оружием. – Зло прищурившись, Амар нарочно подчеркнул должность чашеносца, зная, что тому это не нравится. – Не твои ли усилия привели к тому, что мы должны странствовать как бродяги?

– Сколько гнева, у нашего урса. – Смешно надув губы, поддел лугаля воров Азуф. Заметив про себя, что чем меньше человек, тем болезненнее он переносит шутки над собой. – Не сердись, я зря посмеялся. Если бы я знал, что это так тебя заденет, я бы поостерегся шутить.

Совсем как государь, жестоко карающий за любые шутки о себе. Лично он сам, относился бы к этому терпимее. Впрочем, давать подданным слишком много воли, тоже опасно.

"Как это просто – удержать власть, если у тебя есть сила и право на нее, но как некоторые умудряются упустить протекающую в их руки власть, бесславно, без боя отдавая ее, не имея даже явной угрозы извне". – Подумал он, вспомнив старого энси Унука, потерявшего власть из-за своей слабости, из-за боязни досужих обвинений.

– Так вот саар саг-у. – Продолжил Амар, а Азуф посмеялся про себя, подметив, что удовлетворенный извинением, самозванный лугаль воров, снова называет его как условились. – Предводитель этих бродяг, просил меня побыть его посланником к тебе, потому, что я хорошо знаком с козлобородым. Прости, но так ты известен в народе.

Советник-тиночерпий, смешно потряс козлиной бородкой, и сказал:

– Я это знаю. И пусть, о том, кто скрывается под прозвищем козлобородого, знают только избранные. Надеюсь, ты никому не сказал кто я, ни кому-то из своих, ни этому дикарю?

– Нет, саар сагу.

– Хорошо. Я сам, кому сочту нужным, откроюсь. Продолжай.

– И этот дикарь, просил меня быть посредником между вами. – Азуф снова мысленно посмеялся, над старанием Амара казаться независимым. – Слушай же, вот его слова: "Пусть великий малики, известный в народе как – Козлобород, знает, что великий лугаль пустынь, известный как – За-

ветная звезда, не враг ему, и кровь, пролитая вопреки его желанию, не есть кровь невинных, но отступников божьей воли. Мы наслышаны о могуществе малики, и потому хотим объединить наши силы в борьбе против врага человеческого, этого богомерзкого зверя, возомнившего себя избранником божьим. Пусть же малики, не держит зла на повелителя пустынь, ибо сын кудесника, именующий себя Лугальзагесси, наказан нами за коварство нрава, и мы призываем и малики, присмотрится к своему посаднику, ибо и самый верный пес кусает кормящую руку".

Слова послания пустынного, заставили Азуфа призадуматься. То чего он опасался, и чего, по заверениям тайного посланника Загесси, казалось, не случилось, снова забрезжило на небосклоне.

– Насколько, можно верить словам дикаря? Насколько они правдивы?

– Аш-Шу хоть и дикарь, но человек честный и благородный.

"А холопье-то, взяло вверх". – Подумал Азуф. – "И чем он тебя склонил?". А вслух спросил:

– Ты думаешь, я легко поверю словам дикаря, разрушившего сдавшийся город?

– Добрый господин, я сам могу подтвердить эти слова. Я сам слышал, как Лугальзагесси с черным чужаком обсуждали это втайне.

– Как же ты услышал, если разговор велся втайне? – С

недоверием спросил саар саги, криво усмехаясь краем рта.

– Саар сагу, зря считает меня выдумщиком. По пове... по просьбе пустытника, я как знающий все тропы окрест Нибиру, незаметно пробрался в стан Лугальзагесси. И я сам, своими ушами слышал, как лугаль уговаривал черного чужеземца помочь ему против тебя равновеликий.

– И что чужеземец?

– Об этом несокрушимый советник, может не беспокоится. Чужеземец отказал ему.

– Но и не упредил меня об его измене. – Мрачно подытожил чашеносец. – Спасибо Амар, что ты это сделал.

Склонившись в горделивом поклоне, Амар, совершенно уверенный, что Азуф теперь будет враждовать с Лугальзагесси, спросил, как им взаимодействовать с хитрым чужеземцем.

– Все будет как прежде. О коварстве нимийцев известно, и я всегда держал с ними ухо остро. Теперь будем лишь еще внимательней. И передай своему пове... союзнику, что я готов вступить с ним в союз.

5. Распутье.

Горюя о судьбах, так полюбившихся им жителей нижних пределов Нибиру, скоморохи сознавали, что больше чем в Кише, в столь тяжелое время им нигде сейчас подавать не будут. Только граждане Киша, могли себе позволить роскошествовать, когда остальные жители владений Ур-Забабы,

из-за войн обложенные двойными поборами, влачили жалкое существование. Неудивительно, что со всех сторон Единодержия, люди стремились всеми правдами и неправдами, непременно закрепиться в столице. Обеспеченные люди со связями в этом более-менее преуспевали, бедным же, оставалось только мечтать попасть на работы по возведению божественного дома. Если для кладки стен или домов лучших людей, можно было пригнать рабов, то в возведении священного сооружения, мог принимать участие только свой, черноголовый каламец, верный последователь господина вселенского вседержителя. Но и тут было все покрыто мраком безвестности, помешанном на жиже лжи, воровства и мздоимства. Так, на строительстве почему-то оказывались в основном киурийцы или пустынники, плохо знавшие язык эмеги, но отлично пробивавшиеся до самых верхов. Принеся с собой и свои обычаи, они пугали местных насельников, какой-то первобытной нахрапистостью и сплоченностью, давно утраченной у потомков создателей Калама.

И Пузур, уже направил вожжи в сторону севера, но упрямство юного эштарота, заставило скоморохов на время забыть о столичных площадях. Аш рвался в Нибиру, пусть в разрушенный, но все еще живой и населенный кем-то, ведь там все еще оставался его друг и учитель, заменивший ему родителя. Там оставались его братья и сестры, по служению прекрасной богине Инанне, наставники и наставницы, хотя их судьбы его волновали не сильно, не так как судьба абгала.

– Пузур, когда ты уходил, тебя ведь никто не мог удержать. Пойми и ты меня. – Взывал юноша, к чувствам гальнара.

Смутившись, Пузур замялся, но тут встрепенулась как встревоженная наседка, сама Эги, отчего-то, обидевшись на слова Аша:

– Да пусть уходит, если хочет! Что ты его уговариваешь?! Какой выискался.

После того как побывала в руках разбойников и похозяичничала в жилище старика, Эги стала еще раздражительней и злей. Еще больше злилась она, на их спасителя, считая главным виновником свалившихся на них бед, то и дело, поругивая и ворча.

– Что ты говоришь такое?! – В ужасе вскричала Нин. – Он же, один из нас! Не уходи Аш, мы у людей поспрашиваем про твоего учителя. Люди знают.

– Нин, я догоню вас! Как только найду абгала, тут же отправлюсь к вам в Киш. Я клянусь, что так будет. – В порыве нахлынувших чувств, поклялся юноша. – Вы не успеете даже отдохнуть от меня.

– Разве не видишь, как рвется он в свое уютное гнездышко? А и правда, что соломенная постель, против пуховой перины? Он ведь, не чета нам – простым людям. Привык жить взаперти, в окружении юных распутниц. А ты и размечталась.

– О чем ты? – Смутившись, словно пойманная за руку, попыталась защититься Нин. – Ни о чем, я не размечталась.

Просто, нельзя же так...

– А то, я не вижу, как ты вокруг него крутишься. Только и не мечтай. У него там своя зазноба есть.

– Откуда ты знаешь?! – Невольно выдала себя девочка, поддавшись чувству ревности.

Чтобы поскорей закончить неприятный разговор, в спор вмешался Пузур, попытавшись уговорить супругу:

– Ну, вокруг кого ей еще крутиться? Не вокруг же нас – стариков. Да и на парня зря накинулась. Это же правильно, что он беспокоится о своем воспитателе. Худо, что о своей голове не думает. Ну, коли так: пусть идет, раз решил.

– Каак??! – Чуть не заплакала Нин, поняв, что Пузур ей больше не помощник, взмолясь к угрюмому Гиру. – Гиир, ну хоть ты скажи!

– А что я скажу? У него своя голова на плечах.

Не сумев уговорить юношу, Пузур вынес свое решение, что если до утра Аш останется тверд в своем намерении, то так тому и быть.

Конец расставания, был столь же душевен, как вздорно его начало. Поверив в искренность слов и уверенности взгляда, и Нин успокоилась, взяв однако слово, что он будет беречься.

– Что со мной может случиться? Я же уже побывал там, и меня оттуда выгнали. – Как будто в шутку сказал Аш, заверив однако: – Конечно, я буду беречься, зная, что меня ждут; что у меня есть дом.

Он с легким сердцем зашагал в сторону Нибиру, а скоморохи глядя ему вслед, провожали с сожалением. Даже и Эги, отошедшая от гнева, благословляла его от опасности.

Вернувшиеся скитальцы, с удручением замечали, как изменился их родной край, с тех пор как они его покинули, отправившись в далекий путь. Прошло совсем немного времени, а скоморохи не узнавали, в мрачных и серых лицах, прежних своих земляков, верящих в чудо и радовавшихся их появлениям как дети. Если раньше люди одаривали их мерами зерна, а кто побогаче не скупился и на серебряники, то теперь было непросто выпросить и засохшего кусочка. А показывать проделки плутоватого бедняка, стало опасно, ибо, только прослышав о том, что где-то хулят власть, стражи тут же бросали все силы на поимку хулителей, и те не отделались бы простыми побоями. И подвиг Бильгамеса – древнего правителя Унука, где богоравный побеждал древнего царя Киша, упоминать строго воспрещалось. Другие скоморохи, давно нашли ему замену, воспевая деяния кишских урсов, с легкостью присваивая им подвиги славного унукца, или просто называя его древним царем Киша; но скитальцы Пузура, слишком чтит древние сказания, чтобы ради серебряников, красть прославленные деяния у любимого удальца. Их спасали, их чудесные умения в ловкости и силе, пользовавшиеся у людей неизменным успехом, и песни, которых у скитальцев, побывавших на дальних окраинах, прибавилось.

Но особую любовь, у людей снискала Нин, исполнявшая песни юного эштарота. Не содержащие ничего богохульного и направленного против власти, они тем не менее, заставляли задуматься о несправедливости мира, а их напевы, вышибали скупую слезу и у самого черствосердного. Нин все время выговаривала своих друзей, сетовавших на скупость людей, за уныние. И, несмотря на то, что они не могли поделиться с людьми всем тем, что они почерпнули в своих странствиях, предлагала их повторять и заучивать, чтоб не забыть. «Как вы можете жаловаться на то, что нам мало подают, когда люди сами едва могут наполнить свои желудки?» – Возмущалась она. «Ничего, когда Аш будет с нами, он обязательно, что-нибудь придумает. Он великий выдумщик». – Подбодряла она их. А ее старшие товарищи, со стыдом думали, что это они сейчас, должны были подбадривать ее. Это было особенно горько, оттого, что они догадывались как Нин относится к храмовому послушнику и понимали, что так она больше подбадривает себя. При том, никто из них не верил, что Аш вернется, если даже ничего с ним не случится.

По-старушечьи ковыляя, опираясь на посох, Аш с удовлетворением заметил, что годы проведенные в стенах храма, были все же не напрасны. Жизнь послушника дарительницы женской плодовитости, и ежедневные повторения женских повадок и движений, дали свои плоды. Да так, что не будь он защищен клятвенным словом верховной жрицы и частым

отлучениям у абгала, он подобно другим послушникам-гала, забыв все мужские привычки, уже бы и не помнил, что был рожден когда-то мальчиком. Да и особое положение эштарота, обязывало оттачивать и мужские навыки, дабы показывать несчастье мужа Инанны-Эштар, или обоеполое воплощение самой богини, в гневе поражающую врагов оружием. Тяготившийся таким положением, он находил этому и свои преимущества, ведь теперь это помогало ему проникать в самые заповедные места, не вызывая подозрения или ненужного внимания. Никто из встречающихся ему людей – простых прохожих или внимательных стражей, не заподозрил в дряхлой нищенке, мужа годного к битвам, вполне могшего оказаться и соглядатаем Киша.

– Куда прешь, старая?! – Прикрикнул на него стражник, отталкивая древком копья, когда он попытался проникнуть в верхний город. – Не знаешь, что бродягам сюда ход заказан?!

– Мне бы в храме помолиться, милоч. – Прокряхтел Аш, подражая Ама, повторив ее ужимки и умоляюще глядя в глаза привратнику, протягивая серебряник. – Внушка на сносках, боюсь как-бы дурно не вышло. Где как не в доме самой Инанны, выпросить помощи для благополучных родов?

– Откуда у тебя ги? – Недовольно проворчал привратник, разглядывая серебряник. – Украла небось? ... Признавайся, кого ограбила?!

– Что ты милоч, Энлиль тебя береги. Как я – старая, ограбить кого-то б смогла? Миилоостью божьей живеем.

– Да кто вас старых знает. Ладно, проходи. – Милостиво разрешил стражник, засовывая ги в шубату.

Поблагодарив и кланяясь, Аш поспешно отковылял, усмехаясь, что привратник его не узнал. Сам эштарот, сразу приметил, одного из тех, кто так усердно его избивал, служа единокорью; а теперь, столь же усердно прислуживая новым хозяевам. Аш хорошо помнил, что именно этот стражник, старался попасть ему непременно по лицу: а стало быть, не мог не узнать в нем сейчас мятежного эштарота, не будь он измазан болотной слизью, сделавшей кожу смуглой и стянувшей в морщины. Радуюсь, что его хитрость удалась и оказалась столь искусно исполнена, Аш поспешил к родному храму.

По дороге к храму, эштарот обратил внимание на то, как мрачно стало вокруг. Кругом не было ни души, и лишь величественные здания, потрепанные безумием торжествующего победителя, нависали над ним посеревшими стенами, и зияя рваными ранами, угрюмо смотрели на одинокого прохожего, будто желая прогнать незваного гостя, опасаясь, что и он пришел чинить им боль разрушений. И пыльная площадь, терпевшая на себе прах никем не убираемого пепла, гоняемого понурыми внуками Энлиля, да и само небо, нависавшее налитым свинцом, будто скорбели о былом великолепии преданного города. Пройдя через весь город, добираясь до его сердцевины, он уже видел, что оставило после себя ве-

селье победителей, но здесь, в обиталище богов, город хоть почти не тронут, но оттого даже более мрачен в своем одиночестве.

Тихо постучавшись в высокие двери и не дождавшись ответа, Аш постучал настойчивей, и еще и еще, пока не услышал скрип сдвигаемых засовов. В двери показалось сонное лицо привратника. Им оказался любимчик вельмож и ротозеев Иммал-иги, прозываемый также своими почитателями – Лугаль-гала. Это удивило его, но вспомнив, о том, что случилось с городом, он смекнул, что должно быть, всех рабов перебили или забрали новые хозяева, послушники и послушницы же, были разобраны для утех. А самого Иммал-иги не тронули, вероятно, оттого что кто-то из высших покровителей успел за него вступиться. Нахмутив брови, и с пренебрежением пройдясь волооким взором по лохмотьям нищенки, посмевавшей стучаться в столь позднее время, гала прикрикнув на нее, за то, что она мешает жрицам и послушникам возносить молитвы великой заступнице, хотел закрыть тяжелые двери. Аш, спешно скинул с головы накидку и выпрямившись стройностью стана, схватился за дверь и заорал:

– Эй, Кунга, это я – Аш!

Круглые, всегда будто удивленные глаза Иммал-иги, стали еще больше от изумления. В стенах храма, за глаза все его называли ослом. Давний завистник Аша. Хотя сам Аш будучи здесь, и не думал с ним тягаться, думая лишь о том,

как-бы поскорее покинуть это место. Недоуменно заморгав большими, подкрашенными веками, гала едва вымолвил:

– Паучок???

– Да-да, это я. Живой, как видишь. Светлейшая Эн-Нин-Ан здесь? Я хочу ее видеть. Только не лги, что ее нет. – Почувствовав подвох, предупредительно схватил он крепкой рукой, раздетого в пух уду, за красиво убранныю бахромой накидку. – Ты меня знаешь, я этого не спущу.

– Что ты, что ты? Я даже и не думал. – Испуганно зашебетал Кунга. – Пойдем, я отведу тебя.

– Ты думаешь, мне память отшибли?

– Я посвечу.

– Так оставь мне огонь.

Помявшись, гала промямлил, что светлейшая приказала беречь масло, так как времена наступили тяжкие, а прихожан все меньше.

– А что, светильники в проходах убрали? ... Ладно, позволь хоть смыть пыль дорог. – Выдохнул Аш, не пробив упрямство молодого скопца.

Войдя в полумрак здания, Аш убедился, что Иммал-иги не врал. Следуя за виляющим задом долгоногого певчего, он с опаской поглядывал по сторонам, опасаясь вдруг нарваться на засаду, хотя и знал, что новой власти до него нет дела.

Великая жрица Великой Госпожи, стоя на коленях, шептала молитву. Спинай почуяв присутствие, жрица не оборачиваясь, поприветствовала его:

– Здравствуй Аш-тур. Я знала, что ты вернешься к нам. Избранник Великой Госпожи, не может сгинуть без следа.

Аш изумился, как она, так легко его распознала.

– Я вырастила тебя как сына, хоть ты этого никогда не ценил. И ты думаешь, за эти годы, что ты с нами, я не успела запомнить стук твоих шагов и шелест движений? – Сказала жрица, оставив, наконец, свои моления.

– Верный послух благости Госпожи неба, счастлив снова быть в ее прекрасной обители, и рад видеть ее добрую настоятельницу, светлейшую Эн-Нин-Ан во здравии. – Проглатывая звуки, поздоровался Аш, преклоняясь.

Его всегда здесь, одолевала робость перед старшими, хоть он и старался держаться независимо. Осмелев на воле, он думал, что избавился от нее, но стоило ему только войти в стены храма, как прежняя неуверенность поселилась в нем снова, предательски выдавая себя в отведенном взгляде и в тихом голосе.

– И я рада, вновь увидеть тебя, мой мальчик. – Ответила она на приветствие, подойдя к нему.

Разглядев ее лучше, Аш поразился, насколько она изменилась, не узнавая в этой усталой женщине строгую наставницу. В ее глазах не было прежнего пламени жизни, перемешанного с холодностью взора. В них теперь холодились тихая печаль, и теплился огонь человеческой любви, и набежавшие от нечаянной радости морщины, собрались в расправленные крылья. Перестав пользоваться накладными волосами, она

перестала стричь свои, и начинающаяся проседь выдавала ее старение.

– Дай, я посмотрю на тебя. – Сказала она, привлекая его к свету. И осмотрев, оценила. – Да, ты возмужал за время скитаний. Надеюсь, ты все же не забыл мои уроки?

– Мне не забыть те знания и навыки, что я получил у наставников и у светлейшей Эн-Нин-Ан. – Поклоняясь, с искренним уважением поблагодарил Аш наставницу. – Они мне не раз помогли в моем скитании.

– Отрадно это слышать от упрямяца, что считал постыдным само пребывание у нас.

Эти слова, несколько охладили пыл эштарота, и, выпрямившись, он ответил проявляя достоинство:

– Да простит меня великая жрица, но хоть я благодарен строгим наставникам и добрым жрицам за науку, я никогда не переменю своего мнения относительно моего пребывания здесь; и считаю его принужденным заточением, для вольного человека постыдного. Да простит меня светлейшая, за дерзость слов.

– Я вижу, ты возмужал не только телом, но и разумом. – Оценила подобающий ответ жрица. – Я всегда ценила тебя за твое вольнолюбие, хотя пребывание у нас лишает воли, особенно мальчиков. Ты продолжал смотреть волком, даже тогда, когда тебя опаивали зельем подавляющим силу. Ты так и не стал настоящим гала, ты стал лучше. Все твои сверстники-мальчишки, давно стали подобны валухам и смиренно сле-

дуют за пастырями. И только ты, переполняемый юношеской страстью, противился нашим пожеланиям, что казалось, тебя не брали никакие снадобья. И мужал, возрастая отроком, будто в тебя не влагали как в других, иной особенности, лишь по мере надобности являя эту сущность. И сущность эта – совершенна. Такое случается очень редко, раз в сотню, а может в тысячу лет. Лишь анунаки, или даже сами первородные, имеют такие свойства. Это свойство, подобно свойству самой Властительницы, только иное. Не сведущий и не распознает эту твою особенность. Я всегда знала, что она сама избрала тебя, как только увидела: когда диким, пугливым волчонком, не умеющим даже сказать по-нашему, тебя привел к нам старый абгал. Я тогда уже поняла, что неспроста ты переступил порог нашего пристанища, и тебе уготована судьба служить Великой заступнице.

Аш слушал внимательно, из учтивости не перебивая наставницы, но по мере ее откровений, он вникал в ее слова. С ужасом понимая, какая участь ему была уготована и какая постигла. А Эн-Нин-Ан все говорила:

– Потому мы и держали тебя отдельно от остальных воспитанников, что послушницы воспылали к тебе страстью, вопреки нашим предчертаньям – не сходиться жрицам и послушницам с гала. А послушники завидовали что, приобретя новую, ты не утратил прежней особенности, которой лишены они. Гладколицые ишибы, предлагали решить эту загвоздку, старым, проверенным способом, так же как пастухи

разрешают природу ретивых агнцев. Но я не дала этому случиться, ибо священной клятвы не обманешь, и сама я прикипела к тебе душой. И я объявила тебя выбором небесной царицы своим возлюбленным, узрев в том, явление божественного чуда самой Инанны, знак нам – ее служителям, как предупреждение о скором нисхождении воли богов.

"Что она от меня хочет?" – Мелькнуло в голове эштарота. И на всякий случай, он выказал свою признательность, чтоб, наконец, старая успокоилась. На что получил гневную отповедь, заставившую его втянуть шею от неловкости:

– Глупый мальчишка, думаешь я для того это говорю, чтоб ты мне поклоны бил?!

И продолжила, так же спокойно, как начала:

– Ты видел уже Иммал-иги? Из послушников он здесь только и остался, в надежде в скором времени принять сан ишиба, чтоб быть на равных с нами и вещать от имени Инанны. Ведь скоро сюда прибывает сам Лугальзагесси, чтоб принять помазание на царствование над всем Каламом. И наш ослик уже вовсю суетится, чтоб выслужиться перед новым государем. Вот и бегаёт теперь в дом неба и земли жестокосердного Энлиля, где тамошние жрецы, готовят жертвенник и престол к священнодействию.

– Но, ведь город пуст и порушен! – Не удержался Аш, пораженный лицемерием завоевателей. Узнавая пылкий нрав своего любимца, жрица усмехнулась, одновременно радуясь этому и потешаясь над незадачливыми унукцами.

– Пусть это не заботит, ни тебя, ни меня. Пускай о том их головы трещат. Для столь могущественного воинства, это не будет трудным. Но, уж думаю, их повелитель, не собирается проводить свое торжество, в мертвой тиши среди развалин. Наместник уже отдал повеление, оставшимся глиномесам и ваятелям. А народ, – наставница тяжело вздохнула, – народ всегда можно новый нагнать. Не сомневаюсь, что людей с юга сюда уже сгоняют. А среди них и строители найдутся, да и умельцев хватает.... Опустела наша обитель: покинули свои гнезда, прекрасные вестницы ее; поманили их обещания о лучшей доле в ее пристанище в Унуке, а с ними потянулись и глупые послушники-гала. Нет с нами и доброго уду, что обучал тебя премудростям песнопения. Принял он смиренно гнев Мес-Э, за надругательственные песни против государя.

У Аша, зашевелились волосы от этих слов, он осознал, что его необдуманная дерзость, коснулась не только его, но и людей соприкасавшихся с ним. Бедный, добрый уду, как терпелив был он с ним, обучая игре на за-ми, когда он отказывался повторять его уроки, как смиренно переносил все его выходки, заставив взяться за обучение, невольно затрагивая струны его совести. И ушел так же смиренно и тихо как жил, ни разу не упрекнув нехорошим словом ученика из-за которого погибал.

– Я знаю, для чего ты вернулся. Судьба абгала, твоего мудрого учителя, беспокоит твое сердце. Увы, но и я не сумею его успокоить, слишком замысловаты его пути, мне не разо-

брать их. Я слышала, он еще оставался в Нибиру, когда отправил тебя дорогами странствий, но уже вскоре, я не застала его в его клетки. Наверно, про него известно Азуфу. К нему он обращался, чтобы вызволить тебя. и Азуф помог.

– Козлобородый?? – Догадался Аш, вспомнив разговоры о могущественном и таинственном человеке.

– А ведь и правда, у него лишь на подбородке борода, щеки же, будто и он из уду, и щетины не знали;. Как ты ловко подметил. – Рассмеялась жрица. – Ты знаешь его?

– Нет. Учитель рассказывал.

– Значит, завтра я отправлю жрицу к нему в Киш. Божественных прислужниц, слава богам, пока еще пропускают через заставы. Она разузнает у него про абгала.

– В Киш???

– А где еще искать чашника Ур-Забабы? Он отбыл туда, незадолго до прихода унукцев. И думаю, возвращаться пока не собирается.... Как??! А ты не знал? – Осеклась наставница, поняв, что сболтнула лишнего.

– Значит, мне надо срочно обратно. – Засобирался Аш, чувствуя подвох.

Эн-Нин-Ан, как-то сразу оживилась, беспокоясь, что снова потеряет любимца богини:

– Погоди, тебе слишком опасно теперь. И если тебе повезло, что тебя не раскрыли и не повязали, это не значит, что в этот раз этого не случится. Я же пообещала, что отправлю посыльных.

– Нет, я должен сам. Меня там... – Аш прикусил язык, но было поздно.

– Тебя там, ждет кто-то? Аш-тур, ты посвящен самой Инанне-Эштар, а она пренебрежения не терпит. Гляди, не гневи нашу госпожу, это плохо кончится.

Ничего не ответив, набросив на голову накидку, Аш молча встал, чтобы уйти, но по хлопку наставницы, перед ним выросли два здоровенных уду и схватили так, что нельзя шевельнуться.

– Ты думал, мы тебя снова отпустим, после всего? – С прежним бесстрашием сказала наставница. – Ты посвящен Инанне, и твой дом здесь, в ее обители у нас. Где это видано, чтобы жених покидал свою невесту?

6. Всевышней волей.

– Стоой!!! – От громогласного крика ослы застыли от страха, и колеса со скрипом увязли в выбоине, отчего возок, с находившимися в нем седоками, накренившись, тут же завалился на бок. – Именем великого лугалья!

Пузур соскочив с передка, испуганно, вперевалку заспешил к ополченцам, боясь их прогневить, хотя они стояли тут же рядом. Старший из них, обратился к нему, важно выпячивая пузо:

– Наш великий лугаль, единодержец четырех сторон обитаемого мира, призывает всех мужей способных держать оружие, вступить в великое ополчение, против ополчивших-

ся на нас ведьменьских полчищ. Пойдешь с нами. Есть еще мужи?

Услышавшая разговор мужа с военными, Эги вцепилась в мужа, набросившись на дружинников, как гиена на провинившихся самцов:

– Э-э-э! Куда это вы, моего мужа потащили?! Иш чего удумали, уже и стариков хватаете! Не видите разве, что он стар и немощен!

– Повеление великого лугаля. – Повторил опешивший десятник, но уже не так уверенно.

– Наш великий лугаль и многославный единоподержец, и без него справится! Или вы сомневаетесь в силе нашего государя, и думаете, будто он уже и немощных в вояки берет?

Не зная, что ответить, старший предусмотрительно смолчал, начав со своими людьми осмотр повозки.

– Ну вот, я вижу настоящего бойца, да какого. – Обрадовался десятник, искавший повода, чтоб оправдать свои действия. – Ну как великан, пойдешь в воинство великого лугаля?

– Он не понимает.

– Я не тебя девочка, спрашиваю. Ну чего мычишь? Отвечай, когда тебя спрашивают.

В ответ, Хувава лишь приветливо скалился.

– Эээ, – снова вмешалась Эги, вызвав раздражение на лице десятника, – вы чего это?! Совсем ополоумели изверги – блаженных в войско?! Где это видано?!

– Да какой он блаженный? Вполне годный для битвы боец.

Правда ведь, урса?

– Ху-ава-ва, ху-ава-ва.

– Дайте ему оружие... Нет, погодите, ... дайте лучше оглоблю. Каков урса. Красавец.

– Ху-ава-ва, ху-ава-ва.

– Ну-ка покажи, на что ты способен удалец! Вот так, так-так, молодец. Еще-еще. Поглядите на этого молодца, всем бойцам, боец! Э-э-ээ, осторожней-осторожней! Осторожней!!... Ааа...!!! Кто-нибудь, остановите его!!! Заберите у него дубину!! Чего стоите?!!!

Но никто из его вояк не спешил подставляться под оглоблю, и только подсуетившиеся подруги великана, смогли спасти головы воякам, попрятавшимся от разошедшегося в радостном буйстве Хуававы, возгордившегося от похвалы.

– Ну их, эти бродяги все полоумные. Забирайте ослов и уходим отсюда.

– Господин, за что ж ослов забираете? – Плаксиво потянул Пузур, заискивающе заглядывая в глаза предводителю дружинников.

– Ослы пойдут, на нужды войска великого лугалья. Вы же не можете воевать. Пусть хоть ваши ослы, послужат общему делу.

– Они ж не годны для войны, они совсем паршивые. – Продолжал ныть Пузур.

А десятник предупредительно нахмурил брови, давая по-

нять, что не шутит:

– И жену свою придержи, а то мы ее как смутьянку повежем. Отвязывай!

– Ха, да тут еще один прячется! – Раздался победный возглас, одного из ополченцев.

Обступившие возок ополченцы, загляделись на заспанное лицо Ги́ра, когда он ничего не понимающий, вылезал из вороха сена.

– Что такое? Что случилось? – Просипел он, протирая глаза.

– Кир-Угу! Кир-Угу! – Вскричал один из ополченцев. – Братцы, это же Кир-Угу! Помните, я про него рассказывал?! Здорово Кир-Угу – дружище!

– Аа? Здорово. Что случилось?

– Ха-ха, узнаю нашего невозмутимого Кира. Пошли-пошли, я тебе все объясню. – Отвел он Ги́ра в сторонку, где они о чем-то заговорили.

Скоморохи стояли понури́в головы, не решаясь перечить грозным воякам, уводившим их ослов, и ждали своего товарища. Теперь им предстояло, как-то обходиться, без их верных, упрямых друзей. Тут же, с виноватым видом стоял и Хувава, расстроенный оттого что те, кто его вначале расхваливал, затем отчего-то рассердились и ругались на него. По-детски насупив губы, выпячивая нижнюю, он чуть не плакал, обиженно лепеча под нос.

Наконец, Ги́р перестав беседовать со старым приятелем,

направился в их сторону, но вопреки ожиданиям, не сел как прежде на облучок, но остановился в некотором расстоянии перед ними. Это их насторожило, и их опасения подтвердились.

– Пузур, я уйду. Говорят, лугаль собирает ополчение.

Пузур давно ожидавший подобное от бывшего воина, понимающе кивнул, Эги тоже смолчала, и только слабый отклик отчаяния Нин, дал понять, насколько тяжело для них предстоящее расставание.

– Нет!

Увидев ее перекошенное лицо, Гир виновато опустил глаза.

– Гир, ты же это не всерьез?! Ты же пошутил?!

Коснувшись ее предплечий, Гир пытается убедить в правильности своего шага, заглядывая ей в глаза, от волнения, ставшие еще больше:

– Нин, милая Нин. Послушай своего преданного, своего любящего и несчастного Гира. Вот я перед тобой, полный ожидания твоего слова. Для себя я решил, но твое слово может изменить все. Я воин. И как воин, я не могу быть в стороне, когда родная земля подвергается опасности. У меня – в моем родном краю, осталась моя родова, моя бедная жена....

– Но она тебя предала, она давно с другим...! Ой. Прости.

– Меня нет рядом с ними, но я могу и хочу им помочь. – Будто не заметив, своего нечаянного осрамления и раскаянного смущения девушки, ответил Гир. – Не важно, вижу я

их или нет, даже не зная как они, и живы ли вообще... , меня все еще заботит их судьба. Я не мог им помочь, хотя Пузур свидетель, я никогда не забывал о них, но теперь даже мои ничтожные усилия, может быть, помогут сдержать силы несущие им смерть и мучение.

– Пусть лугали воюют друг с другом. Зачем простолоюдину их война?

– Воюют лугали и их дружины, а страдают простолоудины. Ты же видела, что творится на землях Загесси; ты же слышала, что стало с Нибиру. Ты же не хочешь, чтоб и сюда это пришло?

Нин испуганно замотала головой.

– Ну, вот видишь?

– Но тебя там убьют.

– Что ты как плакальщица, хоронишь меня раньше времени? – Рассмеялся Гир. – Вот увидишь, я еще приду с победой. И мы с тобой еще покажем Кишу, то, чего не видели и придворные игрецы; ты не успеешь соскучиться, и я уже буду с вами.

– Аш, тоже так говорил.

Поняв что шутка не нашла отклика, Гир решил, что время скрытности прошло:

– Аш обязательно вернется, и вы будете вместе. Ну, а я... Ты же не любишь меня... А, я буду помнить, что у меня есть дом. Пусть на колесах, но мой родной дом. И семья. Вы же все стали моей семьей: ты и Пузур, и Аги и Ам..., и наш

малыш Хувава... – и встретившись с ней взглядом, – и Аш тоже. Куда я без вас?

Ничего не сказала Нин, лишь ее глаза исполненные слез, выдавали боль отчаяния и обиды негодования. Приняв ее молчание за согласие, Гир присоединился к ополченцам. Замахав, старший что-то приказал своим подчиненным, и те отвязав одного из ослов Пузура, оставили его посреди дороги.

– Именем Лугальзагесси – истинного и единственного царя и повелителя Калама! – Грозовой возглас, пронесшийся по проходам, заставил бесполых привратников пропустить стражей, бессильно опустив руки. Новые-старые городовые, принятые и брошенные пустынноиками, и два раза на дню успевшие отчураться и присягнуть новым хозяевам, решительно ворвались внутрь.

"Кунга" – Догадавшись, заключила про себя, выскочившая из молельни жрица. И ее подозрения, тут же подтвердились, когда за спинами стражей, она увидела победно-ликующее лицо гала-уду.

– Здесь скрывается кишский лазутчик! Выдайте его!

– Какой лазутчик?! Здесь лишь служители великой госпожи! Падите ниц несчастные, вы оскверняете обитель великой Инанны!! – Попыталась образумить их настоятельница, но привычные без должного почтения относиться к подчиненным богам, стражи не обратили внимания на гневные

предостережения жрицы.

– Нет, говоришь? А это кто?!

– Да какой это лазутчик?! Это эштарот – избранник самой Заступницы!

– Ого. Он-то нам и нужен! – Выволокли они из клетки юношу. – Ну, что весельчак, думал – улизнул?

Стражники, пригнали пленника во дворец с ярмом на шее, как опасного преступника, по пути еще изрядно над ним поиздевавшись.

– Преступник доставлен! – Бодро отчитался старший, о выполненном распоряжении.

Увидев побитого пленника и самодовольных стражей, всем видом выражавшим ожидание поощрения, а то и награды за свое рвение в исполнении приказа, нимиец рассвирепел в ужасе и гневе от холопской бестолковости.

– Что вы наделали?! Ослопы!!! – Орал он, весь мокрый и покрасневшийся от переполнявших чувств, совсем потеряв самообладание. – Кто велел вам?! ... Я вас самих в иго!!! Немешкотно вызволите его!! Я просил пригласить! Пригласить, а не как татя в доставить! Не разбираете разницу?! Оооо, да вы его еще и били!!

– Но... но..., мы...

– Убирайтесь, пока целы!!

Приведенные в замешательство и насмерть перепуганные стражи, толкаясь, пока нимиец не передумал, камнем выско-

чили наружу, страшась перемены своего и без того шаткого положения.

– Что они с тобой сделали, бездари. – Суетливо крутился вокруг него торговец. – Ну, ничего-ничего, не познав боли, не узнаешь радости победы.

Аш удивлялся, с чего бы какому-то неизвестному иноземцу, беспокоиться о нем и его здоровье. В голову приходила неприятная, но лишь одна возможная причина. И участливые слова иноземца, казалось, лишь подтверждали его подозрения.

– Ну, что вы стоите?! Подготовьте гостю мовь с дороги и накормите! – Кричал иноземец на слуг, отчего-то виновато опустивших головы.

И совершенно учтиво, чуть не ласково, добавил: -

– Досточтимый А-Аш-Ме-Ди, должно быть проголодался.

И слуги поспешили исполнять его приказание, тут же уведя Аша в купальни.

Не сопротивляясь обмывавшим его чернокожим служанкам, присланных хитрым нимийцем для большей покладистости гостя, обнаженных и казавшихся еще более страстными от вспененного мыльного корня, Аш размышлял о том, как бы избежать незавидного положения у какого-то иноземного торговца. Как не стать тем, кем сулил ему быть пустынный лугаль; как вернуться к ставшим уже родными скорморохам, к Нин, которой он клятвенно обещал вернуться.

От столь мрачных мыслей не возникало плотских желаний, хоть рабыни из неведомых земель, будто случайно, невзначай, своими разгоряченными телесами задевали чувственные места, изрядно стараясь разбудить в нем страсть; не хотелось есть. И слуги, раскланиваясь ему как большому господину, вышли оставив его наедине с его мыслями. Убежать сейчас, не представлялось возможным: внутри всюду были рабы, а снаружи стражи; и попытайся он хотя бы сделать движение к выходу, они тут же поднимут тревогу. Оставалось дожидаться удобного случая, а это возможно только ближе к ночи. Пока он размышлял, слуги успели доложиться хозяину, и вскоре, все так же раскланиваясь, отвели его к нему.

– Мне доложили, что ты отказался от ужина. Не боится ли, любимый ученик нашего друга, покушения на живот свой? – Спросил его иноземный торговец.

Аш поняв, что дело касается абгала, ответил кратко, но так, чтобы еще и спросить:

– Я безмерно благодарен доброму хозяину сего замечательного дома и его услужливым работникам, за заботу; после прогулки с доблестными стражами, это было как дождь после засухи. Но, вот кусок нейдет, когда не знаешь, что ждет.

Иноземец оценил находчивость эштарота, и, следуя его пожеланию, тут же перешел к делу:

– Да, это плохо вышло. Не беспокойся, твоя прогулка не пройдет не оплаченной: стражи будут наказаны за свое са-

мовольство. Но, ты не терпишь узнать, зачем ты здесь? Известно, что твой учитель, был кладезь знаний великих.

Видя недоверчивый взгляд эштарота, он пояснил:

– Досточтимый Аашмеди уже знает, что я был другом твоего учителя. Мы знали с ним, еще до того, как он стал нам помогать бороться с кознями чародеев Ур-Забобы: этого врага мира и разжигателя войн, угнетателя самовольством захватившего священный город. А, вежды знают и чтят удальца, не струсившего и выступившего против самодурства его, высмеяв и его самого, и лизоблюдов его; и за то, подвергнутого истязаниям великим и брошенного в темницу, и теперь еще преследуемого и вынужденного скрываться от его ищеек.

– Мне льстят слова благородного господина, чье имя к сожалению не известно мне. Но право не знаю, чем я могу быть полезен вам. Я сам давно не видел своего учителя, и как раз надеялся встретить его здесь, а не застав, хотел узнать у досточтимого господина Азуфа о его местопребывании. Но, к сожалению, мне сказали, что и он покинул город. Может быть, доброму господину известно, где он?

– Все зовут меня просто торговец или иноземец, друзья и знакомцы называют торговца Симашки, и ты меня так называй. – Утолил любопытство Аша иноземец. – Я знаю, что ты не знаешь где твой учитель. Мне нужно от тебя другое. Буду краток. Тебе не надо в Киш, ибо там ты не найдешь его.

– Почему?

– Не косись на дверь, я не хочу держать тебя, но хочу лишь, чтоб ты знал. – Сказал иноземец и тяжело вздохнул, заметив, что Аш, оглядывает помещение, чтобы найти возможность улизнуть. – Твоего учителя нет больше среди живых. Его мертвое тело было найдено под стенами еще до начала осады. Тогда, когда толпы диких варваров кружив вокруг города, лишь издали присматривались жадными очами к великолепию города. Это дело рук людей Киша, больше некому. Они мстили тебе, за осрамление их царька. Конечно, они не стали бы марать рук своих и нарушать законы Нибиру, ведь старик не был ни в чем повинен, но наняли не гнушающихся ничем, лугашумов из предела нищих.

Аш не поверил словам чужака, и потому снисходительно ухмыльнулся варварской безыскусности, пытаться склонить его глупой ложью.

– Я знаю, тебе трудно принять это и ты не веришь незнакомцу. Твоя истина, я не имею права утверждать это без веских доказательств, но я, и не о том хотел молвить с тобой. Он ведь обучил тебя своим знаниям?

– Я только ученик и еще не освоил науку учителя. Сожалею, от меня вам не будет толка.

– Ты не доверяешь мне. – Снова тяжело вздохнул чужеземец. – Я не хотел делать тебе больно, да видно придется, чтобы доказать свою искренность.

С этими словами, он достал из-под одежд ремешок и протянул Ашу:

– Ты узнаешь это? Это все, что было при нем. Должно быть, лиходеи обобрали тело, не посчитали это важным.

Аш побледнел. Да, конечно он узнал оберег своего учителя, с которым тот никогда не расставался. Его грудь тяжело сдавило горем, он лишь уповал на то, что это просто совпадение или хитрость иноземца, а абгал ушел вместе с козлобородым.

Меж тем, иноземец язвительно отзывался о разбойниках:

– Голопузым не дано понять ценность святых мощей.

– Где его похоронили? – Едва слышно вымолвил подавленный Аш.

– Да, конечно, мы дадим тебе попрощаться с ним.

Взглянув на высохший труп, Ашу не хотелось больше ничего, он не мог говорить. Поняв это, чужеземец велел стражам проводить его к храму, чтобы он мог прийти в себя и принять решение.

– Смотрите мне – напутствовал он стражей, – чтоб глаз ваших не отводилось от храма, щенок не должен сбежать. Мне он нужен живым, и готовым бескорыстно помочь нам. Пусть до завтраго оклемается, впереди целый день и целая ночь. Мыслью, сей отрок сам надумает отмстить.

– А если...? – Взял на себя смелость один из стражей, унукский и потому не боящийся спрашивать и уточнять приказы.

– А если не надумает, мы принудим помочь нам, ну а если

нет: судьба его учителя известна.

Все новые и новые отряды ополчения собирались в грозные эшты Киша, чтобы вдарить по наступающим скопищам ненавистных южан и неблагодарных варваров и отразить вторжение.

– Сила. – Восхитился молодой ополченец, глядя на все пребывающих ополченцев, сгоняемых со всех концов Севера.

– Ну, и что делать с этой силой? Этой силе, даже нормального оружия не выдали, хлам один. Это нам еще повезло. А уж, вояки из нас такие – тьфу, плюнуть да растереть. – Зло и насмешливо поддел его, такой же неприметный боец.

Но юнцу помог вертлявый приятель Гира:

– Ты глупая деревенщина и потому тебе не понять хитрых замыслов нашего государя. Ты думаешь, мы повоевать успеем? А вот не дожدهшься. Это ведь так, для виду ополчение собирают, чтоб пыли в глаза напустить, а как только тупоголовые клюнут, тут-то наши применяют главное оружие и сметут их силы, только успевай пинка им поддавать. Нас же, приберегут для того, чтоб порядок у них наводить.

– Слышал я про твое оружие. Да только пустое это. Виданное ли это дело, чтоб Идигну поворотить? Это тебе не ручки по полю пускать.

– А ты верь мне. Там, небось, не дураки сидят. – Многозначительно поднял палец вверх, приятель Гира. – Один мой

приятель, близкий ко двору самого, рассказывал мне....

– Вещай. Приятель у него.

– Да, что ты знаешь?! – Обиделся на насмешку вертлявый. – Это мы тут ничего не слышим, а там уже, наверно, по повелению единодержца, вольные и рабы, как никогда прежде единодушно, с благословения святейшего раскапывают схроны для вод. Ну, а после, мудрецы единодержца перекроют реку и как только воды наполнят схроны, тут-то их и спустят, чтоб бурлящими потоками смести ненавистных пришельцев и города их. Ну, что теперь скажешь невежда?!

– Я скажу тебе, что Ур-Забаба обезумел. – Ответил, до того скромно молчавший ополченец, пока спорщик подбирал мысли. – Если то, что ты говоришь, правда, то он и вправду безумец, как о том твердят.

– Как ты смеешь, поносить нашего лугалья! – Вскричал воспалившийся от возмущения юнец, готовый кинуться на обидчика с кулаками.

– Ну, еще защитник нашелся. Парень, поменьше слушай проповеди лживых жрецов. Подумай лучше, кто больше пострадает от разлива вод, неприятельское войско или наши поселяне. Это ведь кощунство, посягать на божественное мироустройство. И боги не потерпят, посягнувших на их промыслы. А вот гнев их, обернется не только на неразумных правителей и лживых жрецов, но и на всех нас. Кто остановит бушующие воды? Ведь враг уйдет, а вот наши люди останутся и их погибшие посевы тоже. Это – его мудрецы

продумали? Что он хочет? Голод?! Новый потоп мира?!

– Ну, чего ты разошелся. Наверняка, что-то его ученые мужи предусмотрели. – Примирительно возразил ему вертлявый, растерявшись неожиданной речи скромняги. – Ур-Забаба не бросает своих людей.

– Не бросает?! Как же. Вспомни судьбу, несчастных жителей Шуруппака и Нибиру. Да Ур-Забаба ваш, трус каких свет не видывал!

– Молчи безумец! – Подскочил к нему, до сих пор молчавший Гир, испугавшись, что крамольные речи услышат старшины. – Думай, что мелишь, следи за языком.

– А что это ты, за моим языком следишь? Последил бы лучше за своей женушкой. Тогда глядишь, не заменила бы тебя на более покладистого. – Раззадорился захмелевший от злобы ополченец, забыв про осторожность.

Гир застыл, поняв, что кто-то прознал про его несчастье, о котором он сам старался не вспоминать, и сейчас ославляет его. Заметив это, скромняга расхрабрился, приняв это за трусость:

– Или ты ее сам под другого подклат, чтобы не мешала с гала развлекаться? Я слышал, ты с ними в ладу.

От негодования у Гира потемнело в глазах.

Все произошло слишком быстро, чтобы он успел что-то понять, когда его оттащили от мертвого тела. И дальше, все было словно в тумане: дружинные стражи, веревка на руках, следование куда-то и ожидание своей участи. Изъедае-

мый совестью, самобичеванием и жалостью к убиенному, он просто сидел погруженный в мысли, раз, от разу прокручивая случившееся, когда мог остановиться, но предпочел не спускать оскорбления. И само оскорбление, ранее казавшееся смертельным, представлялось теперь столь ничтожным, что он не находил себе в нем оправдания. Он не оживился и тогда, когда к его стражникам подходили его товарищи по оружию и о чем-то им живо говорили. Он вяло воспринял свое чудесное освобождение и ободряющие слова старшего стража: "А ты оказывается молодец, крамольника и предателя раздавил".

7. Бегство с Нибиру.

Сидя на облучке с мрачным видом, Пузур поводящими подстегивал оставшегося ослика, понуро тащившего целый возок в одиночестве, срывая на бедолаге зло. С уходом Аша, а затем и Гира, их представления не могли уже исполняться с прежним размахом, и люди только завидев их опустевший возок, вежливо, а иногда не очень, просили их уйти и не беспокоить своим попрошайничеством. Это задевало Пузура и его спутниц, считавших себя вольными игроками, а не какими-то нищими попрошайками, и очень сильно огорчало великана, грустившего от хмурого вида близких людей. Иногда, не вынеся несправедливых обвинений, скоморохи вступали в перепалку с обидчиками и только благодаря Нин, эта ругань не перерастала в словесную брань или в позорное по-

битие. Хотя и обычно миролюбивая девушка, после неудачной попытки примирить бранящихся, не всегда удерживалась от того, чтобы и самой не перекинуться словами. Видя как девочка, с праведным гневом, яростно бросается на их защиту, Пузур совестливо замолкал сам и утихомиривал жену, и Нин в знак примирения исполняла для собравшихся песни, чтобы доказать гордое звание вольных певцов и шутейников. И когда она запевала, недовольные люди замолкали и забывали про плохое между ними. Пузур и сам поначалу хотел показывать свои чудеса, но вовремя спохватился, узнав, что за это теперь можно лишиться головы. Вынужденная зависимость от маленькой бродяжки, тяготила и злила Пузура, привыкшего распоряжаться, полагаясь на свой опыт, а здесь им с Эги приходилось лишь наигрывать на свирели и бубне да подпевать. Он начал подумывать о том, чтоб принять в свою общинку еще какого-нибудь бродягу или нищего, не пугающегося долгой дороги. Да где было найти такого, кого не страшно подпустить к их скарбу и двум беззащитным женщинам, особенно в это тревожное время? Только благодаря негласным правилам не обижать напрасно бродячих скomoroxов, их еще не тронули. Но времена меняются, и он теперь больше полагался на внушительные размеры Хувавы, заставляющие лиходеев лишний раз подумать. Внезапная и неожиданная остановка прервала его размышления. Увидев впереди стражу во главе с грозным воителем, Пузур с поспешностью потянул вожжи, чтобы свернуть в сторону,

но было поздно, глава стражей уже вовсю махал ему рукой требуя подъехать. Не подчиниться, было равносильно признанию вины в худых намерениях, и Пузур с тревожными гаданиями о причинах внимания к ним, стал нехотя править вожжи в сторону стражей, и суетливо доставая защитную печатку, выданную са-калем ополченцев в подтверждение того, что они уже внесли свой вклад в общее дело защиты отечества.

– В Киш? – Глядя из своих высот, не удостоивши их наклоном, спросил долговязый страж, и, получив утвердительный ответ, поворотом головы указав на скромно стоявшую чуть поодаль странницу, сказал:

– С вами поедет.

– Но досточтимый, наш ослик не выдюжит, он нас-то едва тянет.

– Осел здоровый. – Вынес свое заключение страж, едва пробежав глазами по животному.

Боюсь наш скромный возок, слишком прост для столь важной особы. – Глядя на жреческое одеяние странницы, все еще пытался отнекиваться Пузур; хотя ее наряд не давал, каких либо ответов, ухоженность и смазливое лицо не позволяли подозревать в ней простую служку с натруженными руками.

Но страж был непреклонен:

– Поговори мне еще. Мои воины итак без жен измывают, а тут с красоткой рядом идти. Добро бы, блудница, а то по-

сланница верховной жрицы. Хочешь, чтоб у меня разброд начался из-за нее? Я грех не возьму. Пусть с вами едет: ей со скоморохами будет лучше, да и нам спокойней.

Вздыхнув и обреченно пожав плечами, скоморох нехотя подвел странницу к пологу. Заметив это, глава стражей к своему немногословию добавил:

– Мой воин проводит вас, ему по пути.

Вопреки приказу старшего, после недолгого следования рядом, страж велел Пузуру приостановиться, чтобы тут же расположить свое тучное тело в возке, отчего тот от тяжести тут же просел. И из жалости к животному, едва тянувшем ношу, находившиеся в нем скоморохи, а вместе с ними и странница, соскочили и пошли пешком. Это единомыслие с ними, прибавило у скоморохов расположения к навязанной стражами спутнице. И лишь когда она начала расспрашивать про их товарищей, которых с ними сейчас не было, пострадавших от излишней откровенности бродяг это насторожило; но жрица объяснила свое любопытство желанием исполнять священные обеты и молиться за убогих. Пузуру присутствие вместе с ними жрицы, которой покровительствуют царские стражи, показалось полезным, и он с готовностью предложил ей место в своей общине. Нин не нравилось, внезапно поднявшееся настроение их главы от вида накрашенной ведьмы, и она надеялась, что изнеженная служительница сама откажется от странного предложения, но наперекор

ее ожиданию, жрица с охотой закивала:

– Я признательна добрым скитальцам за неожиданное предложение, и не премину воспользоваться представившейся возможностью.

– Ооо, мы всегда рады видеть в своей общине столь прекрасную деву, особенно если она так проникновенна и сметлива умом.

Тут оскорбилась уже своенравная Эги и язвительно заметила:

– О да, наш предобрый вожак столь любезен с юными и сметливыми дарованиями, что сам Энки позавидует. Словно и не было десятков зим. Ты девочка береги его, он все же не мальчик. Ну, а нам убогим, остается порадоваться за вас.

Она отошла за возок, и как обиженная собачонка, одиноко поплелась сзади. Не без труда сумев убедить, чуть было не разуверившуюся в нем женушку, в чистоте своих помыслов к божьей служительнице, довольный Пузур торжественно посадил ее на облучок. И только Нин все не могла смириться с мыслью, что эта хитрая лиса займет место ее друзей, которые, конечно же, непременно вернуться, найдя их одинокий возок на дорогах Калама.

Отоспавшись, стражник вспомнил о долге, боясь, что встречающиеся разъезды примут его за самовольщика, и, закинув копьё на плечо, зашагал рядом с повозкой. В свою очередь, уставшие и изможденные ходьбой путники, смогли с облегчением отдохнуть и укрыться от весенних ветров. Под

сенью, Нин с Хувавой вынуждены были терпеть присутствие сторонницы, трясясь с ней бок о бок. Юная бродяжка как старшая из них двоих, не по возрасту, но по уму, не отрывала глаз от гостыи, с подозрительностью следя за тем, как-бы та чего-нибудь не выкинула. И когда та с любопытством рассматривала их вещи, она грозно на нее покрикивала: «Положи на место!», «Не трожь, это не твой сатуш!». А потом, со злобой вперясь в нее взглядом, по-змеиному шипела:

– Не надейся здесь устроиться, скоро Аш с Гиrom вернутся и тогда тебе и плешачка здесь не найдется. Я насквозь вижу твою лживую сущность, ты только притворяешься хорошей, а сама только и думаешь, как бы захватить чужое и соблазнить наших мужчин.

Жрица с недоумением посмотрела на многомудрую образину Хувавы, который с многозначительным видом следил за полетами большой мухи, вокруг обмотанной головы вершительницы священных обрядов.

– И не мечтай, Аш с Гиrom не такие простаки, их милостью не возьмешь, они тебя и близко не подпустят. – Говорила уверенно Нин, а сама внутри боялась именно того, что Аш не окажется достаточно твердым и не устоит перед этой расфуфыренной красоткой.

– Что ты? Я и не думала. Мне бы только до Киша доехать. – Оправдывалась испуганная божья служительница, и озираясь по сторонам, словно ища спасения. – Я только хотела помочь. Ведь помощь никогда не помешает, у вас и возок

совсем негодный и осел один. А, со мной, вам будет легче.

– Ты меня не слышала? – Угрожающе погрозила девочка кулачком, исцарапанным и грязным от дорожной пыли. – Я тебя насквозь вижу. Даже не вздумай оставаться, когда мы приедем.

Обычно приветливая и дружелюбная, Нин не узнавала себя, и, понимая, что делает неправильные вещи, продолжала давить на забившуюся в угол богомолицу. Ей было жаль одинокую странницу, ведь и она сама знала, что такое одиночество, но что-то грязненькое внутри говорило ей, что вот эта лиса хочет отобрать у нее ее покой и возможное счастье, и что нужно защитить от нее это счастье. На ее лице, таком же перепачканном, как и ее кулачки, выразилась суровость, какая бывает у детей, когда они ссорятся со сверстниками. Насколько сильно перепугалась странница, было трудно разобрать из-за густо подведенных, по обычаю зажиточных горожан или служителей храмов, черную глаз. Зато это лишний раз, заставляло Нин подозревать гостью в хитрости и недобрых намерениях. Но к своему счастью, та оказалась не глупой, и больше не пыталась убедить злобную бродяжку в своей невинности и дальше сидела, не проронив ни слова. Сама успокоившаяся бродяжка, глядя на забитую странницу уже жалела о своем ужасном поступке, и хотела уже броситься к ней с извинениями, но стыд не давал ей это сделать теперь. Совесть, она успокаивала себя тем, что как только они доедут до Киша, она непременно это сделает. Тут возок

остановился, и снаружи послышались разговоры, вскоре они прекратились. Нин, чтоб узнать, что случилось причиной задержки, высунулась наружу.

– Ну что, ушел, наконец? – Услышала она вдруг знакомый голос, когда присела на место; негромкий, но совсем рядом, почти у самого уха.

Встрепенувшись, Нин завертела головой, не понимая показалось ли ей это, или это чудо было действительно. Вид застывшего то ли от ужаса, то ли от удивления великана, дал понять, что не показалось. По-детски раскрыв от удивления рот, он едва смог поднять палец, чтоб показать на гостью. Нин все еще не понимая, взглянула в сторону странницы, тщетно ища глазами за ее спиной хозяина голоса, а та глядела на нее уже не испуганно и застенчиво, а смело и весело.

– Я уж думал, он никогда не уйдет. – Издавалось из ее уст, бодрым юношеским гласом.

– Ааахх. – Густо покраснев, только и смогла выдохнуть Нин, стыдливо прикрывшись рукой.

– Что тут у вас? – Просунулась голова Пузура.

Лежа в своей клетке, он вспоминал старого учителя, каким тот был перед самым их расставанием. Он тогда и вправду будто прощался навсегда, но может, так просто казалось ему – больному и расстроенному. Он вдруг вспомнил, тот свой страшный сон, о котором силился забыть. А ведь тот человек на горе, отчего-то показавшийся ему знакомым, и был его

учитель – вернувший молодой облик, вознесшись в вышние стражи. Ведь по словам чужеземца, учитель уже был мертв, когда и он оказался у врат смерти.

– Аштур. – Пробудили его, чье-то осторожное прикосновение и шепот. – Просыпайся Аштур, тебе нужно собираться. Девушки соберут тебя к дороге: в этом одеянии тебе не выйти, да и в лохмотьях далеко не уйти, Кунга наверняка доложил стражам, в чьем обличье ты явился.

– Вы отпускаете меня? – Удивился Аш, перемене настроения настоятельницы.

– Ты не знаешь, как тяжело мне дается прощание с тобой. Но окружившие храм стражи, как только ты вошел, дали мне понять, что эти люди не отстанут от тебя, и мы потеряем тебя так или иначе. Теперь в силе Кунга и я невольна и над собой. Кто бы мог знать, что этот жалкий подражатель, имеет хоть какую-то способность? – Горько и презрительно усмехнулась жрица. – А гляди-ка, оказывается я вовремя не разглядела в нем, кучу безмерных способностей. Великую способность к гнусности и коварству, плетению заговоров, лицемерия и лизоблюдства. Способности присущие скорее сановнику, чем служителю божественной воли. Что ж, не удивительно: ведь его родитель, некий чин при дворе лугаля, впавший в немилость. Дни мои сочтены, и мне придется передать управление обителью. Самой мне придется удалиться, ибо не сумею подчиниться тому, кого всегда презирала за подлый нрав и низкопоклонство, не смогу подчиниться чуж-

дым уставам. Но перед тем, я хотела бы освободить тебя, от всех обетов возложенных здесь на тебя. Я желаю тебе только добра, и не позволю, чтоб кто-то удерживал тебя помимо твоей воли.

Аш невольно дернул уголком рта, подумав о том, что вот они-то, держали же его помимо его воли. Не заметив злой ухмылки, но словно в ответ на нее, настоятельница сказала еще:

– Сама Госпожа небес явилась мне ныне, и велела не удерживать ее избранника от исполнения предназначенного богами. – Холодок прошелся по спине Аша. – Я не могу послушаться ее воли, но воодушевлена и переполнена духовной радостью, что могу быть угодной нашей Великой Госпоже. Подойди же ко мне сынок, и не гневись на ту, кто любит тебя больше жизни. Мне – прислужнице покровительницы рожениц, не выпало счастье женщины, иметь своих детей. Всю свою жизнь, я посвятила служению ей, помогая другим женам в благополучности родов и в благословении их мужей для зачатия новых жизней. Много прислужниц и прислужников я воспитала, многие из них мне дороги и я люблю их, но ни к одним из них я не прикипела и не испытала того чувства, что должно быть испытывает мать к своему дитю, и только ты пробудил во мне подобное.

Взглянув в его лицо, и прикоснувшись к еще краснеющим полосам от рубцов, она внезапно прильнула к нему, вскрывая материнские чувства. После недолгих проявлений на-

хлынувших чувств, она хлопнула в ладоши и девушки сопровождавшие ее, были готовы увести его.

– Я хочу, чтоб ты отнес благословляющее на ратный подвиг послание Инанны, в стан к идущим в бой. Но нельзя вещать от имени Инанны простому послушнику-гала, тебе придется пройти обряд посвящения в сонм ишибов. Будь спокоен, тебе не придется сидеть заточенным в стенах храма, и ты будешь волен идти куда захочешь. Служи госпоже странствуя среди людей: воспевай неземную красоту и любовную страсть, благословляй семейные союзы и воинов уходящих на битвы, лечи и помогай обездоленным, как того хотел твой учитель. Но всегда помни: ты посвящен ей, и никто не смеет вставать между вами. Соблазняй, вступай в сношения, влюбляй, но не связывай узами себя; сама Госпожа этого не допустит, ибо ревностно относится к своим чадам. Ступай, оденься в подобающие одежды посыльной верховной жрицы. Девушки все уже приготовили и помогут тебе собраться. И сложи крылья, косая сажень не красит жриц любви.

С удовлетворением оценив вид – пристойный посвящения в служительницы Великой госпожи, верховная жрица приказала готовить эштарота к обряду. Сам Аш не противился этому, ради посуленной свободы, он был готов даже принять посвящение в жрицы самой тьмы матери, если б таковые были.

Вопреки обыкновению и ожиданию Аша, из-за скрытно-

сти обряд провели довольно скоро, втайне от самовлюбленного ставленника унукцев, воспользовавшись его отсутствием. Оставленные из-за своего юного возраста в Нибиру, послушницы покружив над ним с венками и спев во славу Инанны, преподносили нужные дары и наряды, а все священные действия необходимые для посвящения, совершила сама верховная жрица.

На прощание, верховная жрица с напутствием подала новоявленной посыльной страннический посох:

– Ты не смотри, что он прост и неприметен, это очень хороший посох. С ним тебе не будут страшны ночные страхи и дневные печали. Он станет надежным помощником в пути, и я уверена, не раз спасет тебе жизнь и избавит от напасти.

Аш благодарил жрицу, но думал уже выпросить свой старый посох, однако подержав дар и почувствовав знакомую тяжесть, обратил внимание и на изогнутость навершия, а подняв глаза, встретил лукавые искорки во взгляде настоятельницы. Он понял, что пока он был в гостях у иноземца, настоятельница под уже изрядно потрепанным покрытием обнаружила скрытое острое лезвие, но все поняла и никому не выдала его тайну, распорядившись подточить под него один из посохов обители, не столь грубый и неохватный как клюка нищенки.

Снарядив и отправив эштарота, настоятельница удалилась в молельню и, помолившись изваянию святой богини, положив перед собой криволезвийный жертвенный нож,

просила у нее благословения на совершение жертвенного деяния.

Нин шла поодаль, разгневанная жестокостью шутки, не желая слушать оправдания, сколько бы Аш ни старался объяснить, что никак не мог открыться в присутствии кишского стражника, сразу при встрече. Юношеское отчаяние, погасили спокойствие и размеренная речь жизненного опыта гальнара, подбодрившего Аша быстрой ее отходчивостью, но при этом сокрушаясь, что жить с этим хоть и легче, но плохо, ибо злые люди всегда будут пользоваться этим в свою пользу, осложняя и без того нерадостное ее житье. Когда эштарот негодуя стал уверять его, что и в мыслях не было делать девушке худое, Пузур с раздражением ответил, что в этом мире и без него найдутся негодяи.

– Пойми парень... – Сказав это, он тут же рассмеялся собственным словам глянув на переодетого Аша, все еще поражаясь, как тот мог так удачно преобразиться в милую девушку, что и они его не узнали. – Пойми, мы с Эги не вечны и рано или поздно уйдем в мир унылости, и нам тяжело от мысли, что как только нас не станет, наши дети не смогут выжить в этом мире без нас. Хувава, ты знаешь, разумом мал как дитя, а добросердечием Нин будут пользоваться нечистые на руку, так что она и сама не наживется и малыша не сумеет защитить. Потому я хочу быть уверенным, что и после нас, о них будет кому позаботиться. До твоего прихода, я возла-

гал все надежды на Гира. Он хоть не юн, но основателен, и был бы надежной опорой и защитой для них. Но где теперь он? Хотя и он порой, идет на поводу своих страстей и пылкого нрава, а это всегда ведет к бездумным поступкам. Его горячность, итак принесла ему много худого. Не скажу что он злой, но порой и в самом кротком человеке вспыхнет пламя, если ему подливать масла, да еще и искрой чиркать. Да что мне тебе объяснять, ты ведь и сам такой. Но твоя горячность оправданна твоей юностью, а Гир с его прожитым опытом, мог бы быть осмотрительнее. Вот и это его решение пойти в ополчение, принятое под наплывом чувств какого-то мнимого долга перед родиной. Он говорит, что идет защищать свою землю, своих сородичей, свою жену, которая его бросила; что они для него родина. Пусть так. Но как можно надеяться, что обдиратели, называющие себя лучшими людьми, сидя на мешках с золотом, бросят все силы на защиту обворованных ими же, а не на защиту наворованного? Разве родиной может считаться мошна и благополучие живоглотов, за которые он идет биться? И может быть, биться насмерть с такими же бедолагами, обворованными и обманутыми высокими речами о мнимых стремлениях. Это в давние времена, когда все уважали обычаи предков, всем миром стояли плечом друг за друга, была родина, а сейчас... – махнул он рукой. – Они друг дружке будут глотки рвать, а кто-то будет торговать их смертями.

– Мне больно было слышать, что Гира забрали на войну. –

Вставил слово сожаления Аш.

– Ну, я думаю, все обойдется, – снова вздохнув, ободряя то ли Аша, то ли себя, сказал Пузур, – Гир не таков, чтоб дать себя убить, но все же умелый и опытный воин. Неспроста они в него так вцепились.

После столь продолжительного и запальчивого выговора, Пузур замолчал, уже жалея о сказанном, будто боясь сгладить. И смог продолжить, после шага в молчании:

– Ты наверно, думаешь: «Чего это старый шут так разболтался, не иначе что-то нужно»? Да не шуми, я бы и сам так подумал. И я тебе, не таясь скажу, что это так и есть. А все потому, что я хочу быть спокойным когда придет время, да и вообще. Обещай мне, что не оставишь их. Я не прошу тебя клясться всеми богами, или твоей богиней. Клятвы ничего не стоят в наше время. Просто слово по чести. Клятвы слишком много рушатся, чтоб на них полагаться. Словно люди не богами клянутся, гнева которых так боятся. Слово это другое, оно не на страхе, а на доверии держится. Пусть совесть, будет тебе мериллом.

Получив обещание юноши, Пузур снова повеселел, вспомнив, как они принимали его за жрицу.

– И как я не догадался? – Смеялся он – Ты же обещал, что нагонишь нас. А я даже не вспомнил о тебе.

Сверху ему вторила его жена, злорадно посмеиваясь:

– Да уж, еще бы немного, он бы и в жены тебя позвал.

– Ну что ты? Я же все объяснил тебе... – попытался оправ-

даться Пузур.

– Объяснил. Только глазки–то все равно блестели, когда молодуху увидал. Чуть с шубату не выскочил.

Пристыженный гальнар обиженно отмахнувшись, перевел разговор:

– Надеюсь, ты расскажешь нам про то, как с тобой произошло это превращение? Ты ли там еще, или и впрямь у Нин вместо друга подружка появится? А может и не было Аша, а была переодетая девица, морочившая нам голову, и ты – это ты настоящая сейчас?

Поняв, что старый скоморох мстит ему за неловкость в которую попал, Аш отшутился:

– Ну, коли так, Нин должна только радоваться, что у нее кроме друга еще и подружка появится. Чем нас больше, тем лучше. Ты ведь сам говорил, что во мне поселилась чья-то душа. Я и Аш я и жрица; я и зверь я и человек; я и жив я и мертв. Я и сам уже не знаю кто я настоящий, зато наряд всегда сменить можно. Знай только – что, когда надеть. Надень я свиту жреца, во мне бы заподозрили соглядатая, а в своем я идти не решился. Я прослышал, что теперь хватают всех мужчин, а женщине в одиночку ходить опасно, если она не защищена священным саном. Вот и пришлось, вывернуться как барашек на вертеле. Правда и тут я оплошал. Знали бы вы от скольких ухажеров, принявших меня за жрицу любви, пришлось отбиваться; скольких прельстить и оставить с носом. – Улыбнулся он веселее, заметив, что любопытство

Нин перебороло гордость, и она подошла поближе, чтоб послушать. – Спасибо не все из них олухи, есть среди них и разбирающиеся; еще лучше, что таковые есть среди кингалей. Вот к одному такому, загодя разузнав по каким тропам вы даете представления, срезав путь, я и пристал с просьбой найти бродячих скоморохов.

– И что, теперь нам привыкать к новой спутнице? – Улыбался Пузур сверху, снова взгромоздившись на облучок рядом с женой. – Как нам называть-то, теперь тебя?

– Я это сменю. При первом же стане.

– В твоём, тебя сразу же заприметят и в ополчение заберут, а то и похуже. Хоть Нибиру и пал, никто приговоры хулителям единоподержца не отменял, а первый кто тебя узнает, тут же поднимет шум; первыми всегда бегут самые горлопаные. Так что старых знакомых ты и здесь можешь встретить.

– Жрица бродяжничающая со скоморохами, тоже вызовет лишь вопросы, и рано или поздно, те кому надо догадаются, что тут что-то неладно. От этого и вы пострадаете.

– Так что делать, если и так и этак нельзя? – Не на шутку обеспокоившись, заерзал скоморох. – Может просто переодеть тебя в платье Нин? У нас тут, что-нибудь подходящее найдется. Скажем, что ты ее сестра.

– Об этом я уже подумал. Вы скоро увидите...

– А мне нравится. Пусть остается так. Всегда мечтала о младшей сестренке, чтоб наставлять ее и в наряды наряжать. Я буду звать тебя маленькая плакса. – Дернула его за платье

Нин, проходя мимо.

Выпугавшись из вороха соломы, вихрастый мальчуган бросился бежать в сторону площади. Нельзя сидеть дома или шляться по улицам, когда в ваше поселение приехали игрецы и скоморохи, с занимательными и смешными представлениями. И вся деревня потешается над тем, как уродливый и горбатый Плут-Переплут, обманывает богатеев и продажных стражников, поносит их звонким и писклявым голосом, и поколачивает дубинками. Говорят, не было еще такого забавного и смелого человечка, как этот скоморох и затейник.

Издали за приметив большой нос и горбатую спину маленького кривляющегося человечка у расписной повозки, мальчуган, заранее ожидая смешных ужимок, растянулся в улыбке, счастливый от того что успел на представление. Он сам смог увидеть как страж и дружинник хотят забрать плута воевать за мошны богатеев, а он прикидывается больным.

– Ой-ёёй! – Причитает он.

– Чего кричишь Плут-Переплут?

– Я заболел.

– Чем же ты заболел Плут-Переплут?

– Ветрянкой. Воевать не могу.

– Ну, Плут-Переплут, сейчас мы тебе лекаря пришлем.

Они скрываются в повозке, и появляется поющий лекарь:

– Я великий мудрый лекарь, из далекой стороны,

От меня леченья мало, но люблю я ваши ги.

Плут-Переплут, а, Плут-Переплут, хочешь, я скажу, что ты болен и не можешь идти воевать?

– Спрашиваешь. Хочу, конечно.

– Тогда заплати мне ги.

– Ооо, а уменя ги не зги. – Показывает пальцы сквозь дырявую одежду.

– Ну, если платы нет, тогда я скажу, что ты здоров.

– Ой, не говори! Сейчас-сейчас, я достану тебе плату. – Уходит и возвращается с дубинкой.

– Вот тебе ги! Получай! – Колотит лекаря.

– Ай-яй-яй! Ай-яй-яй! – Лекарь падает.

Появляется страж.

– Плут-Переплут, зачем ты убил лекаря?!

– Я ему за лечение заплатил.

– Заплаатил???

– Как лечил, так и получил.

– Как это?

– А вот так это! – Достает дубинку и колотит стража.

Появляется дружинник и тоже принимает плату дубинкой.

Тут пропела милая девушка:

– Думал севщик злополучий, как-бы избежать войны,

Пробрался как змей ползучий во лугалевы сады.

В это время лекарь скрываются в повозке, а Плут-Переплут наиграв певунье, скрывается вслед. Тут опускается сученная занавеска как будто дворец, и появляются два важ-

ных человека с длинными бородами и в пестрых накидках с бахромой – как бы царские одежды.

– Здравствуй лу-галь!

– И ты здравствуй лу-галь!

Наливают и пьют.

– Как твои беднячки? Бурчат?

– Бурчат. Платить за воздух не хотят.

– И мои.

Вздыхают.

– Опять будем друг дружкой пугать?

– Не поверят.

– Не поверят.

Вздыхают.

– Придется опять деревню воевать, чтоб поверили.

– Мою уже палили. Давай твою.

– Давай. Пусть мужички разомнутся, да лбами друг с другом побьются.

– И бояться.

– И подати платят.

– Здорово придумали.

– Здорово.

Поют и отплясывают:

– Мы богаче всех на свете, нас содержат беднячки,

Не боимся быть в ответе, защитят нас дурачки.

Пока они танцуют, Плут-Переплут втихаря подливает им в чаши.

Пьют.

– Ой-ёй!

– Ай-яй!

– Уменя болит живот.

– Уменя идет понос.

– Лекаря!

– Лекаря!

Выходит Плут-Переплут в одежде лекаря:

– Я великий мудрый лекарь из далекой стороны,
Врачеватель знаменитый, иностранный гражданин.

Излечу вас от поноса, залечу вам животы,

И беру совсем немного, только сто блестящих ги.

– Ох, лекарь спаси нас.

– Вылечи.

– Сейчас-сейчас.

Осматривает больных и копается в лекарской кошелке.

– Вот. Надо выпеть ослиной оссычки, да откусать коровьей оплюшки. А под конец, вам нужно задобрить друг дружку шестьюдесятью тумакнами, чтобы лекарство подействовало. И все как рукой снимет.

– Ой, лекарь, но ослинная оссычка вонючая.

– А коровья оплюшка невкусная.

– А как вы думали? Лечение будет сладким и вкусным?

На то оно и снадобье, что вонючее, на то оно и лекарство, что невкусное.

Лугали морщась, пьют с отвращеньем, едят с омерзеньем.

– А теперь.... А ну-ка, отдубасьте друг друга! Да хорошенько, чтоб вся хворь из вас вышла!

– Ой! Ой!

– Ай! Ай!!

– Ой-ёй!

– Ай-яй!

– Ну, вот лечение и прошло, и вы здоровы. А теперь, вышла честь и рассчитаться.

– Ох, лекарь, что-то не полегчало, все болит. Не будем тебе платить.

– Ох-ох-ох. Не будем платить за такое лечение. Нет у нас ги.

– Ничего, сойдут и батоги.

Бьет их дубинкой.

– Вот вам-вот вам, получай! Слезами плату выдавай!

– Ох-ох-оо!

– Ой-ёё!

– Это вам за беднячков! Это вам от мужичков! А это, вам для дурачков!

После были другие представления: ишкити со своей помощницей показывали чудеса, а смешной неловкий увалень удивлял всех своею силой; веселый уродец, снова всех забавлял ужимками и шутками и наигрывал на свирели милой и юной девушке, которая серебристым голосом ублажала слух волнительным сердцу напевом. Это девушка нравилась ему

больше всех, даже больше смелых шуток лукавого горбуна. Она одновременно ловко подкидывала и ловила цветные шарики, а вокруг нее вился забавный зверек, который как человек становился на задние лапки, наблюдая за хозяйкой, будто ожидая, когда же она перестанет дразнить и даст поиграть и ему. А под конец, над площадью понеслась заунывная песня о несбывшихся надеждах и счастье, что не для всех. От этого стало одновременно и грустно и душевно тепло, хотелось плакать и мечтать о светлом, что наступит вместе со временем, которое когда-то придет. Ее исполнение побуждало ладоши прихлопывать, а ноги притоптывать. Тут пришло известие о прибытии градских стражей, и скоморохи засобирались уезжать. На прощание, милая девушка успела раздать детям сладкие лакомства из запеченных в медовое тесто плодов ишиммар; досталось и ему. Но надкусив, он не смел больше трогать гостинца, оставив на память о чудесном дне и прекрасной девушке с серебристым голосом и волнительным сердцу напевом.

8. Киш.

Госпожа Элилу сегодня была подавлена и зла, как и последние дней десять с тех пор как ее высокопоставленный муж удрал на войну, оставив ее на растерзание царедворных жен. Она не находила слов, чтоб выразить все, что творилось в ее душе от негодования к мужу. Поначалу все было не так уж и плохо, когда Мэс-Э вызвавшийся на передовую, ставил-

ся расчувствовавшимся государем другим в пример за самоотверженность и смелость. И даже именитые эрес, заклевывавшие за самомнение деревенскую выскочку, стали относиться к ней более благосклонно, особенно после того как она благополучно разродилась ребеночком и явила его пред их вельможные очи. Но это, продолжалось лишь до тех пор, пока не пришло известие о том, что новоиспеченный шестисотенный – не поучаствовав ни в одной битве, пропал среди ночи; злые языки начали утверждать, что новый кингаль и не сгинул вовсе в неизвестности, но его видели в стане врага и далеко не пленником. С этого слуха, для Элилу настали трудные времена полного забвения и порицания. Слуги ходили ниже воды, чтобы не попадаться лишней раз опальной госпоже на глаза, к тому же бывшей в ужасном настроении. Лишь ее любимица, на которой хозяйка не испытывала своих бранных слов и не распускала руки, неотступно следовала за ней, чтоб в нужное время быть рядом. Еще бы – не распускать рук: ведь теперь она в собственном доме была как пленница, а выход за пределы своих владений, был сравни с выходом на поле брани. Не помогли даже попытки, улучшить свое положение с помощью женских чар и соблазнить кого-нибудь из важных сановников. Рыбка тут же срывалась, не успев даже ухватить наживу, а положение только усугубилось, так как от строгих гашан не ускользнули заигрывания молодой красавицы с их благоверными супругами. А может и сами благородные вельможи, были глухи к ее старани-

ям, оказавшись слишком безразличны в силу возраста, сто-
гих нравов, или попросту не влекомые женскими ласками.
Она была еще слишком юнна, чтобы понять их причину, и
не опытна в любовных чарах и утехах. «Ну, ничего – тешила
она себя, – зато теперь я смогу помочь, моей бедной Забар
и...»

– Вспомнила. Кости бедняжки Забар, поди звери давно
обглодали. – Услышала она скрипучее ворчание под нос ста-
рой рабыни, когда приказывала своей приближенной разуз-
нать о судьбе бывшей любимицы.

– Что ты тут раскаркалась старуха?! Смелой стала?! –
Рассердилась молодая госпожа. – Это вы неблагодарные ги-
ены, только и можете господские кости перемалывать, а За-
бар не такая, она всегда была со мной честна! Забар я обяза-
тельно верну, и она будет над всеми вами – неблагодарными!

– Откуда? У Эрешкигаль вымолишь? Если ей еще выпало
счастье туда попасть.

– Да как ты смеешь, говорить такое...?! Каак смеешь мне
дерзить?! – Набросилась с розгой на стропитивую служан-
ку, Элилу.

Выплеснув гнев и немного подостыв, юнная гашан отпра-
вила провинившуюся рабыню на самые грязные работы в
стойло. Терпеливо снеся побои, та молча убралась исполнять
повеление госпожи.

– Тушге! Ты-то, что молчишь, когда порочат твою подру-
гу?! Где Забар?!

В ответ прислужница только мялась и молчала.

– Что молчишь?! Язык проглотила?!

– Да не прогневается, всемилостивейшая госпожа... – Едва шевеля губами, только и смогла произнести прислужница.

– Что заткнулась?! Продолжай!

Но молодая служанка, стоя перед госпожой на коленях не смея поднять глаз, в страхе не смела больше разлепить и губ.

– Тоже захотела? – Замахнувшись, угрожающе зашипела прекрасная госпожа, и ее милое личико некрасиво исказила жестокая ухмылка.

– Госпожа, – вмешалась повитуха, чтобы спасти девушку от наказания, – это правда, Забар мертва.

– Чтоо...??!! – Возмутилась Элилу наглости рабынь, но неожиданно сообразила, что не могут все говорить неправду, особенно те, кто никогда не был замечен в увертливости; и ее грозный окрик сменился растерянным блеянием. – Каак???

– Господин приказал казнить ее, как злоумышленницу против нашего Единодержия и против нашего любимого вождя и са-каля.

– Неет!

– Это правда госпожа, она созналась в этом под пытками. Кто знал, что в тихой и преданной рабыне может скрываться враг.

– Нет, нет, она не могла, она...

– Она водила заговором, склонив к измене и градского десятника с его стражами. Они тоже в этом сознались. Гово-

рят, только десятник упорствовал до конца, пока не издох, обвиняя во всем... другого.

– Нет! Господи, неет! Я не хотела... я не думала... Я хотела только... Вы врете! Они живы. Они на работах Единодержия: копают ямы, строят великий дом. Они живы, живы... Скажи, что ты обманула. Скажи, что они живы... Ну что ты молчишь?! Что вы все молчите?! Скажите, что они живы! – Кидалась она к рабыням, но те лишь в страхе опускали глаза, беспомощные, что-либо делать. – Я не виновата, это все Мэс-Э. Он виноват во всем... Неправда. Она где-то на работах, а пятник на дальних рубежах, на страже Единодержия. Ну, конечно, куда такого доблестного воина еще пошлют. Вы сказали неправду, но я не сержусь на вас. Откуда глупым рабыням знать про это. Я велю разузнать про них у государя.

Почуяв, что лучше оставить госпожу одну, пока та сама не прогнала их с побоями и бранью, опытная служанка дала знак остальным. Все разошлись, оставив госпожу одну, наедине с ее горем и совестью. Только новая любимица Тушге еще не хотела уходить, попытавшись утешить свою гопожу, но получив в ответ оплеуху, последовала совету старшей. А Элилу все повторяла, не в силах принять, что явилась причиной гибели своих любимцев:

– Они не могли так легко умереть, ведь пятнику помогают сами боги. А как такой удачливый, мог так легко дать себя убить? Значит, он жив, они живы. Ну, конечно-конечно... Неет!!! Не правда! Не верю...!

От топота многих и многих ног, раздавался грохот множества громовых туч, а песчанная пыль поднявшись не опускалась. И ошутимость от вида на долгие поприща, вселяла еще больше уверенности в несокрушимости единойдержного войска. Воины в серо-желтых от песчанной пыли облачениях, все казались суровыми, и от этого грозной поступью внушали видимость устрашения.

– И кто-то еще скажет, что это не сила?! – Восторженно, по-мальчишески, почти детским голосом восхитился молодой ополченец вступавшийся за лугаля.

– Да, много людей собрали. – Согласился Гир окидывая войско сверху, когда они поднялись на утес над переправой.

– Не окинуть взглядом. А ведь мы, только в середине всего этого. Представляешь, как мы смотримся со стороны? Загеса должен уже бежать при виде нас. – Хвастливо поддержал юнца, приятель Гира.

– Может и должен, да не побежит. – Хмыкнул маловерный воин, поддразнивая порывы юнца. – У него небось, с его союзниками, силы не меньше нашего.

– Ничего – успокоил Гир, – с умелым руководством нам никакие враги не страшны. Мы на своей земле.

– Верно говоришь, нам здесь каждый кустик союзник. Что нам до его союзников? – Со знанием дела, по-отечески похвалил Гира юнец. – Я только этого и жду, чтобы надрать ему его задравшийся зад.

– «Надрать». – Передразнил его малoverный ополченец. – Ты его встретить сначала.

Смешком его как будто, поддержали другие ополченцы, оторванные от дома и полевых работ, и недовольные чересчур пылким рвением паренька, обращавшегося к десятнику с предложением проситься на самый передний край.

– Ладно, спускаться надо. Видите, к переправе зовут. – Показывая вниз в сторону десятника, сказал Гир, упреждая очередную перебранку.

И новоиспеченные воины, начали спускаться с кручи, спеша сесть в лодки или на плоты. Или если повезет, просто перейти по мосту, чтобы переправится через бурные потоки, навстречу надвигающейся угрозе, к победе и освобождению захваченных подлым южанином родных земель.

– Ну, может, хоть на привалах будешь снимать с себя эту образину? – Умоляюще просил уродливого горбуна пожилой скоморох. – Ну, невозможно смотреть на эту рожу да есть, да простят меня боги. Пожалей хоть девочку.

– Ничего, я-то привыкла, он забавный – бодрилась Нин. – Да и людям он нравится. Хотя я и скучаю по плаксивой девочке.

– Да ладно, что ты о ней печешься? Ей любая его затея по душе. Побеспокоился бы лучше о малыше. Еще днем он Хуаву не пугает, но как стемнеет, будто удугу какой перед ним. – Отчитала мужа, вечно недовольная Эги.

– И не дивно, меня к вечеру и самого начинает трясти. – Попытался оправдаться Пузур. – Какая рожа... Жуть. Я потому и прошу, чтоб он хоть вечерами это убирал.

– Тебе самому-то удобно, так есть? – С подколкой спросила Эги.

– Вправду говоря, не очень, нос все время мешает еду ко рту подносить, да и вообще неудобно. Но надо терпеть, завтра снова выступать. А когда я утром, успею в него преобразиться? – Сознался Аш, намекая на ее недовольство ранее, долгим его переодеванием.

– Ты не беспокойся, мы тебе поможем и подготовиться и переодеться, и подождем если надо. Так, что можешь спокойно снять с себя этот ужас.

– Хорошо-хорошо, снимай уже. – Согласилась Эги, когда Аш вопросительно взглянул в ее сторону.

– Ну, если так. – Обрадовался горбун и со вздохом облегчения, освободил лицо, подставив вечерней прохладе. – Фу-уф, как свободно дышится.

– Ты не позволишь взглянуть на сие творение? – Попросил Пузур Аша, увидев, как ловко тот стянул с себя рожу с носом. – А то, я все боялся тебя беспокоить. Думал это какое-то волшебство, коим тебя твой учитель одарил. Гляди, Хувава до сих пор глаза прячет. Хувава, малыш, можно смотреть, утку больше нет! – И приняв из рук Аша харю, подметил – Легкий. Когда ты успел это сделать?

– Стажил у себя в обители, пока прохлаждался. Когда-то

давно, он из себя воплощение гулла представлял, да потом его и забросили, а я подобрал и к себе затащил. А как в этот раз там оказался, дай думаю, прихватчу на удачу, авось пригодится. Пригодился.

– Гляди-ка: нос, щеки, рот до ушей; все будто настоящее, мягкое и даже ужимки шевелятся. Умеют же в храмах чудесно делать. Все вроде бы просто, а ведь мы такого не сумеем... «А я Плут-Переплут, так кругом меня зовут!»... Да, Лул-Лу люди любят. За дерзость и веселый нрав, за смелость против сильных, которой сами лишены. Только не пора ли заканчивать с этим? Я слышал, что в Кише стало опасно выступать с обличением и осмеянием лучших людей.

– Что же тогда разрешается? – Спросила Эги.

– Высмеивать унукцев, да неверных жен; воспевать доблесть и храбрость благородных стражей и воинов Единодержия, в победе над дикими иноверцами и врагами государя; славить единого бога и Энлиля и их верного помазанника Ур-Забабу.

– А других богов?

– Только как божественных слуг единого бога Ана и Энлиля, а не как богов.

– Высмеивать унукцев, да восхищаться дармоедами. Для всего этого у Ур-Забабы шуты есть. – Недовольно хмыкнула Эги. – Что нам остается? Энлиля и выжившего из ума старикашку восхвалять?

– Можно еще смеяться над слабостью мужской силы...

– Да, кажется, нам здесь делать нечего.

– Почему нечего?! – Возмутилась Нин. – Вы знаете, как ждут нашего выступления простые кишцы? Мы им нужны.

– Так-то оно так. Но город не окраина, выступать в городе полном стражей опасно, да и люди там не такие как здесь. Жизнь в Кише сытнее и веселее чем у других, а они слишком дорожат ею, чтобы менять; проповеди же жрецов, призывающих к смирению и вещающих о заговорах, звучат громче и назойливей, так, что они верят этому, и ради них готовы закрыть глаза на несправедливость сильных. – С горечью в голосе сказал Пузур, поживший бродячьей жизнью многие годы и повидавший людей.

– Это потому, что они не знают. Надо им показать, чем живут люди за пределами стен. И когда и они поймут как горька жизнь простого народа там, добывающего каждый кусок потом и кровью, в них пробудится совесть и сопереживание, и они не захотят смиряться с несправедливостью лугаля и его воров прихлебателей.

– Трудно отвлечь людей от их заблуждений, особенно если они в них свято верят. – С горечью сказал Пузур.

– Ну почему, вы так плохо думаете о людях? Ведь когда Аш предложил высмеивать воров в образе Переплута, вы тоже опасались. А смотрите, как получилось.

– И теперь, из-за этого мы нигде не можем задержаться, боясь тайных стражей. – Проворчала жена гальнара.

– Ну, ничего – успокоил ее муж, – все помнят носатого

охульника, его и ищут. Уж очень он приметный. А его личина от человеческой неотличима. Не то, что наши глиняные хари и раскрашенные лица. И поэтому, ему нужно снимать с себя это обличье, а нам между делом показывать то, что не запрещено.

– Но ведь если он откроется, его могут узнать как хулигателя Ур-Забабы градские стражи и вельможные беженцы из Нибиру. – Обеспокоилась девушка.

– Могут. Но ведь все помнят, что нас было шестеро, когда мы покидали Нибиру: муж с женой, удалец, великан, молодая девушка и старая женщина. Гир надеюсь, скоро снова будет с нами. Остается Ама..., к сожалению покинувшая нас. Она уже спасала нас, когда была еще жива; ему помогла бежать, а отсюда и нам всем помогла. Пусть поможет и после смерти. Аш уже раз был ею, когда его приняли за нее. Вот пусть надевает старушечий наряд

– А если стражи захотят увидеть лицо?

– Мы лицо ему прикроем тряпками, никто и не узнает.

– А как я под тряпками дышать буду? Не надо тряпок. –

Воспротивился Аш.

– Ну, не надо так-не надо. Тогда мы тебе лицо грязью замажем.

– Разреши я сам этим займусь.

– Ну, сам так сам. После этого, я не удивлюсь, если у тебя и старушичьа личина найдется.

– Значит, мы в город все-таки войдем? – В голосе Нин

просквозила надежда.

– Войдем, но выступать не будем.

– Каак?

– Я согласен, выступать в городе опасно. – Чтоб задобрить Эги, неожиданно для Нин, поддержал старших эштарот. – Осмотримся, закупимся всем необходимым и уйдем.

– Ну, нет. Давайте хоть простенькие представления показывать.

– Это опасно. – Неожиданно упрямо, твердил дерзкий Переплут.

– Ты-то в город идешь по своему делу. А нам, что там делать? Дразнить свои пустые утробы и неисполнимые желания? В мощне у Пузура не особо прибавилось, за время пока мы сюда добирались, ни накормиться, ни приодеться.

– Это правда, Нин права. Когда ты мне в последний раз дарил что-то? А как выглядят украшения, я и вовсе позабыла. – Пожаловалась Эги.

– Ладно, серебряники нам все-таки не помешают. Все равно здесь мы много не нарботаем. – Согласился с доводами девушки гальнар, поддавшись давлению супруги.

– Решено – за всех заключила обрадованная Нин, – завтра идем в город.

Они шли вперед обуреваемые жаждой справедливого возмездия, они бежали вздымая вверх оружие, воодушевленные сплоченностью и уверенностью в своих силах. Вперед на

врага, чтоб встретившись с ним лицом к лицу, выразить зародившийся гнев на подлого захватчика, посмеявшегося вторгнуться на их землю творя насилия, выместить всю накопившуюся злобу за все обиды и лишения, терпеливо снесенные от своих лучших людей, ради защиты от врагов и величия и процветания Великого Единодержия. Это был их первый бой, с тех пор как они вступили в добровольное ополчение, и первое задание шестидесятка, в десяток которого довелось попасть Гиру. Их полку выпала честь, выбить расположившихся на постой ополченцев противника. Застав врасплох унукцев, кишцы встретили слабое сопротивление. Но шли пока ровно, лишь сталкиваясь с теми кто не успевал убежать.

Гир имевший опыт в войнах, старался оставаться хладнокровным, помня, что излишняя горячность в бою не лучшая подмога, когда не знаешь чего ожидает впереди. Следуя древним правилам воинской чести, он не принимал законов жестокости войны и пропускал сдающихся в плен, давая возможность идущим следом вязать их, помня, что они такие же каламцы, и чтя добрые отношения его скоморошьей ватажки с простыми унукцами. Но ожесточение войны, требовало своих жертв и жертвователей, и мало кто соблюдал древние законы, не думая даже о необходимости иметь хорошего раба – бывшего умелым каменщиком или земледельцем. Не имея злобы ни к кому из сопредельных земель лично, Гир лишь выполнял свою работу, убивая не упиваясь кровью. Чего нельзя было сказать про его соратников. Даже его давний

знакомец, в битвах имевший столько же опыта, вел себя как новичок, только что вошедший во вкус. Юнец, который так возмущался кощунным словам против лугалья, не отставал от своих приятелей, радуясь брызгам крови. И даже маловерный ополченец, вдруг забыл свое неприятие к войне. Видя как он неистово рубит своим тесаком черепа унукцев, недавний скоморох подивился, подумав, что должно быть насмешливый ополченец попал под подозрительное наблюдение, хотел доказать свою приверженность Кишу.

Гир хладнокровно бился, с бросающимися на них редкими храбрецами с отчаявшимися взорами, с ловкостью отбивая самые опасные удары и разя в ответ смертоносным оружием. Глядя на него, его боевые товарищи с недоумением думали: что такой умелый боец делает в глуши ополчения, а не дерется в ряду первых урсов, как настоящий дружинник? И находили ответ лишь в том, что он бережется и боится пасть в бою. И только сам Гир мог сказать, что не в радость убивать простых людей, да еще и таких же каламцев как они, и лишь опасения за родных людей заставляет его взять в руки оружие убийства.

Недолгая, но кровавая бойня закончилась. Уже никто не сопротивлялся и Гир смог с облегчением вытереть пот и опустить окровавленную секиру. Устало окинув побоище взглядом, он заметил, как рядом его юный соратник, добивая стоявшего в мольбе на коленях унукца, воткнул копье ему в глаз, и вертел им в глазнице пытаясь вытащить.

– Зачем? – С жалостью к несчастному выронил Гир, взывая к совести юноши.

– Так нельзя же бросать оружие. Меня за него еще и спросят. – Искренне не понимая, с прямодушной простотой ответил тот, продолжая с усердием вытягивать, застрявшее в черепе живого еще человека острие.

Присмотревшись к трупам противостоявших им ополченцев, Гир с ужасом узнавал в некоторых из них, вчерашних подданных Киша из захваченных земель окрест Нибиру, вынужденных по доброй ли воле или под страхом смерти, встать под стяги захватчиков, против своих сородичей.

– Это же киурийцы! – Поделился Гир своей догадкой. – Я знал этих людей, когда бывал здесь.

– Кого? Этих? – С пренебрежением ткнул в труп концом копья десятник. – Значит это не воины, а трусы недостойные похорон. Жаль легко отделались. Следовало бы предать их лютой и мучительной казни в назидание другим. Надо доложить. Возможно и среди пленников предатели Единодержия.

– Никто ничего не доложит. – Мрачно предупредил Гир.

– Чтоо??? – Опешил от наглости подчиненного десятник.

– Никто ничего не доложит. – Повторил Гир с большей твердостью.

– Это не тебе решать! Ты простой воин, так знай, свое место шут! А решать будут дру...! – Вздумал было поорать на него десятник, но был крепко обхвачен сильными руками скомороха.

– Я сказал, никто ничего не доложит! – Приближая к себе его лицо, зарычал Гир. – И мы их похороним по обычаю!

– Ладно-ладно...! – Лишившись возможности кричать, хрипя, заверещал от страха десятник, помня участь раздавленного подчиненного. – Никто ничего не доложит.

Но бывший шут, не унимался, требуя еще более преступных уступок.

– И мы похороним убитых по обычаю, чтоб родные могли проститься.

– И мы похороним убитых по обычаю. – Обреченно повторял обезволенный десятник, не надеясь уже, что кто-то из его подчиненных осмелится за него вступить, или заметит кто-то из разошедшихся по полю ополченцев из других десятков.

Только после клятвы подкрепленной именем бога, Гир ослабил хватку и отпустил посрамленного десятника.

Схоронив несчастных, в которых скоморох узнал жителей порабощенной унукцами деревни, не знавший грамоты, но обученный бродяжкой выражать свои мысли начертанием рисунков как делали древние, он оставил для родных и просто земляков убитых, приметное послание, чтобы те без труда могли найти их упокоение. «Здесь лежат, невинно убиенные жители поселений межземья, павшие не на своей войне. О, вдовы, о, матери и сестры, оплакивайте своих мужей и сыновей, и мы – их невольные убийцы, оплакиваем их вместе с вами» – так гласило его начертание.

Киш встретил путников во всем величии и великолепии, какое только может представить город стремящийся слыть средоточием мира, с напускной напыщенностью выпирающей дворцами знати и святилищами посвященными единому богу и его божественным слугам – до такого положения спустили других богов, ради недопущения ненужного теперь многобожия. И над всем, в сердцевине всего этого, возвышался хоть и строящийся еще, но уже громадный и величественный, возносящийся к самым небесам дом вечного блаженства Ана – отца и господина всех богов, и его сына Энлиля. Чтоб его милость никогда не покидала Киша – города Ур-Забабы, призванного расширить прославление его шири обитаемого мира. И по нему лазили и сновали люди, издали казавшиеся маленькими черными муравьями, копошавшимися по своему громадному муравейнику и несущие строительный хлам для лежбища своей матушки. Раздававшийся повсюду шум и беготня многочисленных гостей и жителей столицы, только увеличивал это ощущение, и уже весь город казался гигантским муравейником или ульем с их обитателями. Отовсюду слышались гул речи и крики торгующихся, или стражей разгоняющих толпу перед важными особами.

Нин так стремившуюся попасть в это вожаделенное место обитаемого мира, вид самолюбующегося города с его высокомерными хозяевами, с серыми стенами, спрятавшими от

людей солнечные лучи, с многолюдными, но безжизненными улицами, заставил усомниться в словах возносивших этот город. Тот ли это город, что воспевали в своих песнях певцы и славили сказители? Тот ли город, о котором с восхищением рассказывали люди, побывавшие в нем, все больше порождая желание юной бродяжки увидеть его хоть краем глаза. И вот она его увидела, и не только увидела, но и входит в его чрево, бродя по улицам и площадям.

Заплатив за право выступать в городе, Пузур продолжал ворчать, ругая порядки, воцарившиеся в городе, со времени последнего его пребывания в столице.

– Глянь, как все застроили: ни тебе пройти спокойно, ни продохнуть. Дома нависают, словно вот-вот свалятся на тебя. Храмы пышные да богатые, а бога в них нет.

Оставив свой возок в ближайшем к городу постое, скомоорохи входили в город, навьючив осла и взвалив остальной скарб себе на спины.

– Да где ж твоя площадь?!

– Не знаю, тут должна была быть.... Я ж говорю: все застроили, не продохнуть! – Вскипал от возмущения Пузур, всякий раз как не находил места.

– Не шуми – ругала его, утомившаяся долгой ходьбой Эги, – лучше спроси дорогу у людей, или у стражей! Для чего они тут везде поставлены?!

Но Пузур продолжая ворчать, упорно шел, плутая по закоулкам, желая непременно сам найти то место, где они ко-

гда-то выступали:

– Ну, я же помню, что где-то здесь оно было.

Нин, до этого не вмешивавшаяся в разговор старших и скромно плетущаяся позади, вместе с раззявившим ртом Хувавой и прикинувшимся старухой Ашем, видя усталый и раздраженный вид Эги и растерянный Пузура, решила помочь. Она обратилась к почтенному прохожему, показавшемуся ей не злым, который действительно с готовностью выслушал, разглядывая странных скитальцев.

– Вы чужеземцы? Что вам надо здесь?

– Нет, что ты! – Отчаянно замахал гальнар. – Мы бродячие шуты, но мы подданные Киша, и прибыли, чтобы развлекать вас своими умениями.

– Мало у нас своих шутов, еще и вы тут будете. – Проворчал прохожий, но подтвердил опасения Пузура. – Да и где будете развлекать? Разве, что на пустыре глиномесов.

Эта снисходительность, придававшая уверенности скоморохам и Эги попросила:

– А ты покажи нам эти пустыри, добрый человек. Мы будем очень благодарны.

– Да благодарность оно конечно хорошо, да только от нее сыт не будешь. – Прибавляя себе веса, пожаловался прохожий.

– Мы будем благодарны.– Пузур показал на ведомого Хувавой осла, на которого взвалили всю ношу. – Куда тебе отсыпать? Как приведешь к месту, подставляй подол.

– Вы что же, принимаете меня за деревенщину, подол под зерно подставлять? И камни таскать, мне тоже невмочь.

– Ладно, мы оплатим тебе серебром. – Засунув руку в мошну, пообещал Пузур.

– Я быстро. Я проведу самой короткой дорогой. – Увидев блеснувший серебряник, тут же оживился прохожий.

– Смотри, не вздумай хитрить, мы в переделках бываемые. – С внушением предупредил гальнар. – Если там разбойные люди, сразу распознаем.

– Что вы, какие разбойные люди? Вы разве не видели, сколько в городе стражи? Здесь мышшь не проскочит, у стражей не отметившись.

Поддавшись на уговоры и убедительные заверения, скоморохи двинулись ему вслед, едва поспевая за суетливым проводником, который, как нарочно вилял, вороча по закоулкам. Пузур, уже начал подозревать неладное, когда их взорам представился высокий берег залитый солнцем.

– Именем государя! – Одышливый окрик, от неожиданности показался раскатом грома.

Обернувшись, скоморохи увидели с десятков людей, толпившихся наизготовку с копьями. Возглавлял странное воинство, тучный предводитель с перекормленным лицом и жировым складом у подбородка.

– Я так и думал – пропустил сквозь зубы Пузур, заметив за широкими спинами стражей недавнего проводника. – Воры.

– Как смеешь ты – бродяжий шут, называть ворами кишских градских – верных сторожей Киша! – Грозно отдуваясь, пропыхтел тучный десятник, расслышав шепот гальнара.

Обрадованный тому, что перед ним не лихие люди, но вместе с тем перепуганный оскорблением стражников, Пузур бросился извиняться перед градским начальником.

– Думаешь так легко отделаться, за нанесение обид служилому люду? – Несколько смягчившись, ответил тучный страж на извинения и объяснения скомороха. – За это налагается великая вира.

– Да, конечно. – Пузур с неохотой полез пальцами в мешочек.

– Что?! Подкупить меня вздумал?!

– Прости, я думал надо заплатить. У меня в мыслях не было такого, чтобы подкупать...

– Великая вира, потому и великая, что не твои жалкие откупные. Давай сюда все. Распоряжение государя, с особым тщанием проверять всех прибывающих, вызывающих подозрение. Что-то мне подсказывает, что вы неспроста здесь. Ну, что стоишь? Мошну давай! – Подчиняясь негласному приказу старшего, стражники выхватили из рук опешившего скомороха мешочек.

Отсыпав большую кучку, тучный страж снова важно пропыхтел:

– Ладно, я добрый сегодня. Возьму еще в счет платы за место и все. За право скоморошить платить надо. Чай не слы-

хал?

– Мы уже платили, когда въезжали в город! Как можно дважды обирать?! Это грабеж! Помогите люди добрые!! Чего вы стоите...?! Страажа!!! – Плача, закричала не стерпевшая произвола Эги.

– Ты чего тетка разоралась?! Не видишь, что стража здесь?!

Пузур опасаясь худшего, остановил свою жену и удержал Аша от невольного разоблачения. Меж тем, старшина стражей, сердито насупив брови пробурчал:

– Хотели ведь по-хорошему. За выходку этой тетки, забирю все.

– Но как же...? Чем мы будем расплачиваться?

– Что ноешь? Благодарю Энлиля, что этим кончилось. Платежные камни и зерно мы вам оставили. Ими и расплачивайтесь, как другие. Чай с голоду не помрете. – С этими словами важный са-каль градских стражей, сделал знак своим людям и важно зашагал прочь от площади. За ними мелкими шашками, быстро засеменял их злосчастный проводник.

– Я так и знал, так и знал. – Запричитал Пузур, когда стражники скрылись за поворотом. – Я знал, что этим все кончится. Нельзя было доверяться этому проныре. И зачем мы только вошли в город? Как я мог надеяться, здесь зарабатывать?

Пузур никого не обвинял, но всем было понятно, что в

душе он сердится на себя за то, что он поддался уговорам юной бродяжки. Аш заметил, как девочка поникла виновато опустив голову, и поспешил всех успокоить и прежде всего Нин.

– Ну, что вы уныли? Было бы с чего. Зерно и платежные камни при нас.

– Да кому нужны сейчас камни?

– Но зерно-то, при нас. Этот боров в чем-то да прав: пока в наших мешках зерно, голодать нам не придется. А раз брюхо не сводит, значит и дело проводит. Это же не Нибиру и не Кадингир какой-то. Это Киш. Сюда стекаются богатства мира. А с нашими навыками, можно быть уверенным, что мы вскоре восполним наши потери. – Сам не веря своим словам, напропалую врал Аш. – Я, например, сейчас пойду в большие дома, навещу кой кого и принесу столько серебра, сколько вы и не видели.

– Аш, что ты надумал? – Заволновалась Нин. – Ты же сам говорил, что считаешь воровство недостойным, даже если воруешь у вора. И это очень опасно.

– Кто же говорит о воровстве? Я же здесь неспроста. Здесь тот, кто вытащил меня из ямы. Он должен помнить, ради кого учитель пошел на сделку с ним. – Аш едко скривил улыбку, вспомнив, как его обхаживал иноземец.

– И ты думаешь, он поможет снова? – Пузур недоверчиво скривился.

– Поможет.

– Тушге, что за шум?! Что там у тебя?! – Спросила недовольная очередным беспокойством Элилу, когда разгоряченная и растрепанная служанка прибежала доложиться на ее зов.

– Там... там... – безуспешно пыталась пробить отдышку любимица – последняя из рабынь кто оставалась с ней.

– Да отдышись ты! – Милостиво разрешила Элилу,

– Там приходили служки от ростовщиков. А когда я им сказала, что ни злата ни серебра в доме больше нет и нужно дожидаться господина, они хотели забрать всю чеканную посуду. Я им не дала. – Гордо сказала Тушге, дую на распухшие пальцы с остатками чьей-то крови в ногтях.

– Они ушли?

– Ушли. Я закрыла за ними двери. Они постучали, поорали да и ушли. Грозилась со стражей прийти.

– Это конец. – Сникла от безысходности, несостоявшаяся гашан Киша. – Все уже знают, что он не вернется. Он бросил меня, он бросил своего ребенка. Бросил, чтобы выторговаться за свою никчемную шкуру. Скоро и до государя дойдет его подлое предательство, и тогда его праведный гнев падет на меня. Какой позор.

О, Энлиль, сколько я молила тебя, чтоб ты смилостивился надо мной и позволил с честью выйти из этого ужаса.

– Энлиль милостив, он обязательно услышит мольбы господа.

– Он даже жалкой серебряной мелкоты мне не оставил, лживый боров!

Служанка встрепелась, чтоб подобрать опрокинутые украшения, когда на пол полетел столик с подношением Эллилю.

– Не нужно – остановила ее хозяйка. – Зачем это теперь? Все равно скоро все это заберут. А меня отправят в колодах, куда-нибудь на край земли, работать на благо....

Кто там стучит?! Ты же говорила, что они ушли!

– Клянусь, госпожа. Я сама видела.

– «Сама видела» – передразнила Эллилу свою служанку. – Тогда кто там стучится, по-твоему? Неужели они вернулись? Поди, проверь.

– А если это не они? – Заговорчески прошептала Тешгу.

– Мне учить тебя надо? Узнай, что им надо. Вдруг это люди от господина.

Когда служанка побежала исполнять поручение, Эллилу подумала, о том, что как хорошо, что спровадила ребенка с кормилицей и повитухой к родителям, вовремя сообразив, что в городе для него небезопасно.

– Там старуха какая-то.

– Старуха? Что еще за старуха?! Кто бы это мог быть? Хмм.... Открой. Должно быть, кормилица вестовую отправила, чтоб сообщить о благополучном прибытии. Дура, нашла, кого послать. А вдруг, это Мэс-Э прислал за мной. Веди сюда, я сама хочу ее расспросить.

Служанка вернулась довольно быстро, но одна.

– Ну что? Почему сюда ее не привела?

– Госпожа, я не думаю, что она от кормилицы.... Она господина спрашивает.

– Проклятье. Ты ее прогнала? Я же тебе велела, чтоб ты не пускала всяких проходимцев и просителей.

– Моя госпожа, она ворвалась так внезапно, что я не успела захлопнуть перед ней двери.

– Чтоо?! Ты хочешь сказать, что в моем доме сейчас какая-то чужая старуха?!

– Да не прогневается госпожа на неразумную рабыню! – В испуге бросилась к ногам Элилу служанка.

– Ладно, что теперь? Зови ее. Нет, погоди. Я сама к ней спущусь. Не хватало еще, чтоб она тут все осмрадила.

– Тебя прислали мои родители странница? – Спросила Элилу, спускаясь по ступеням, увидев странную сгорбленную гостью.

– Ты знаешь, это не так. Так зачем спрашиваешь?

– Как смеешь ты...?! – Вскипела гордая хозяйка на дерзость нищенки, но увидев увесистый посох, тут же пристыла, вспомнив, что она не в том положении, чтобы проявлять свой грозный нрав. – Я вижу, ты не обучена учтивости и почтительности к высокородным и лучшим людям, нищенка. Тебе не говорили, что ты слишком дерзка для своего подлого звания?

– Мне всегда это говорили госпожа. И досточтимая гос-

пожа Элилу мне это тоже уже говорила. Этого не забыть.

– Как ты смеешь дерзить мне, да еще в моем собственном доме?! – Потеряла самообладание молодая госпожа от наглости гостыи. – Я велю тебя бить и выкинуть вон!

– Не стоит утруждать себя ложью, я знаю, что в доме никого кроме глупой рабыни нет. А забить меня, уже по воле твоего мужа успели. И я жалею, что мне не удалось застать его здесь. – При последних словах странница крепко сжала свой посох и откинула накидку. Молодая госпожа в испуге отпрянула, когда измызганное лицо гостыи явило под отблески масляных светцов.

– Не бойся, я не лиходея и не гидим и не призрак, я лишь верный послушник небесной госпожи Инанны-Эштар.

– Аш?!

– Так досточтимая меня звала когда-то.

– Аш, я знала, что ты жив!

Но неподдельная радость Элилу не была оценена, и Аш остался хладнокровным к добрым чувствам хозяйки дома.

– Так высокородная госпожа звала меня когда-то, пока считала достойным общения с собой, и так меня зовут люди равные мне и моему подлому званию. Для высокородных господ и лучших людей, я просто эштарот, презренной и презираемой раба. Так и называй меня госпожа, не пачкай своего благородного имени.

– Аш, что ты говоришь такое?! – В глазах Элилу блеснули капельки задетого чувства. – С тех пор прошло столько

времени, а ты вспоминаешь детские обиды. Нам ведь было так мало тогда. Я не могу поверить, что ты все еще помнишь это. Как можно обвинять меня, если я сама была почти ребенком, и я не могла противиться воле родителей?

– Но это не помешало благороднейшей, с радостью принимать его ухаживания и рассказывать всем как ей счастливо с ним. – Ухмыльнулся молодой эштарот. – И ничуть не сожалеешь о том. Вельможный муж, прекрасный дом в средоточии мира, богатое убранство, прислуга. О чем жалеть? Благороднейшая получила, все о чем мечтала.

– Все о чем мечтала?! – Глаза, исполненные слез, загорелись яростью злобной обиды, стекая черными струями. – Ты ровняешь меня с грязными блудницами, что продают свою любовь за блеск серебряников?! На!! Забирай! Бери посуду, забирай мои украшения! Все, что осталось в этом доме из ценного! Что стоишь?! Забирай!!! Ты ведь за этим пришел!!

Столь неожиданная отповедь гордой госпожи застала Аша врасплох, и он промычал что-то ободряющее, не понимая, как следует себя вести в подобном случае. Меж тем Элилу никак не желала успокаиваться, лишь слегка поубавив горячности:

– Смотри, как я тут наслаждаюсь вдвоем с Тушге! Последние рабы разбежались от опальной госпожи!

– Я сожалею, что все так с тобой вышло. Я не знал о том. Но жене не нужно великой мудрости, чтоб понять каков ее муж. Это ваши дела семейные, и не ишиму покровительницы

брачных уз разрушать их. Теперь я посвящен великой матери и отдан ей в супружество.

– Помни, поклявшись на священных скрижалях, мы с тобой помолвлены перед богами! – С укоризной провещала Элилу.

– Но ты ведь первая их и нарушила. – Попытался отбиться от обвинений, побледневший от переживаний Аш.

– Ты мужчина! Ты должен был биться за меня, а не сдаваться при первой неудаче!

– Я лишь, не хотел насиловать твою волю. Это было твое решение, и я не вправе был вмешиваться в нее.

– Ты даже не захотел понять причины!

– Неправда, я так долго ждал объяснений, пока не узнал о вашей женитьбе и скором отъезде. Если бы ты знала, сколько я ждал весточки от тебя, сколько раз я проходил мимо твоего дома в надежде увидеть.

– Я тебе не верю.

– Знаю.

– Завтра наверно уже придут за мной стражи, чтобы казнить как изменницу. А я, и виновата-то только в том, что... что... что... что верная жена своего коварного мужа.

И тут случилось то, чего опасался юный послушник покровительницы жен. Своевольная юная гашан задрожав губами, заревела как маленькая обиженная девочка. Не выдержавая женских слез, Аш невольно приобнял рыдающую красавицу, поддавшись чувству жалости и спрятанному где-

то глубоко чувству к некогда любимой девушке. Поняв, что плачь хоть и не нарочный опять помог ей, Элилу немного успокоилась и снова пошла в наступление:

– Ты ведь клялся когда-то всегда быть рядом и защищать меня, а сам пришел смеяться надо мной.

– Ну что ты. Видишь я перед тобой, твой прежний Аш. – И действительно Аш словно переродился, в нем не было той холодной рассудительности, хоть он и старался ее сохранять, но мысли путались.

– Ты говорил, что ты презреннее раба, а посмотри на меня, это я теперь хуже рабыни, ничего у меня нет и сбежать я не могу. – Жаловалась Элилу, а несчастный эштарот только поддакивал, совершенно забыв, зачем же он пришел в богатый дом. – Возле дома шныряют люди из тайной стражи и следят за каждым моим шагом. Они и твой приход, наверно заприметили. Ах! Значит и ты в опасности!

– Да кто ж заподозрит в старой нищенке злоумышленницу. – Успокоил ее Аш. – Вот если нищенка задержится в богатом доме еще чуть дольше, это может вызвать подозрение.

– Тогда тебе надо уходить. Но ты ведь возьмешь с собой свою Элилу? Не оставишь ее одну как прежде?

– Куда ты хочешь идти со мной? Уже стемнело.

– Куда ты, туда и я. Или ты откажешь мне, быть твоей верной спутницей?

– Прости, но ты благородная гашан, не сможешь жить жизнью простолюдинки, ибо привыкла к жизни в неге и рос-

коши. Но со мной, ты не обретишь жизни даже простой селянки. Ты знаешь, что я вне закона и вынужден скрываться под чужим обличьем? Я не приноровлен к труду общинника, а лишь обучен шутловству и врачеванию; я не держал ни мотыгу, ни молот, ну а серпец я умею пользоваться лишь для отнятия жизни или ее спасения. Куда я не приду, я не могу оставаться там долго, иначе люди начнут задавать вопросы и чужак вызовет подозрение у тайных стражей. Я бродяга и скоморошество мой удел теперь, скоморохи моя семья. И теперь лишь дорога мой дом.

– И я пойду с тобой по дорогам Калама.

– Пойдешь? – Озарившись детской надеждой, переспросил Аш.

– Да, конечно пойду. – Не раздумывая согласилась Эллилу. – Тушге, собирай вещи, мы идем с Ашем. И подлей уже свету, ничего же не видно.

– Думаю, не стоит распалить огня. Это привлечет внимание ненужных глаз.

– Да, и вправду. Тушге не надо подливать масла, и так сойдет.

Она суетливо начала собирать вещи в полумраке тусклого свечения, и служанка тоже вынуждена была последовать ее примеру, подчиняясь приказанию, и Аш вдруг оживился и повеселел, помогая женщинам собираться.

– Ах, что я выдумываю? Какая из меня бродяжка? – Выронила из рук собранные вещи молодая гашан. – И опять ты

прав, я не смогу уже жить без всего этого.

Обессиленно опустившись на пол, она спрятала лицо в ладонях, только легкое подергивание выдавало ее беззвучный плач. Аш, осторожно, чтоб не затронуть чувств, напомнил ей о том, что пора уходить и что стражи снаружи бдят и ждут только повода, чтоб ворваться в дом.

– Пусть уже врываются. Пусть это наступит скоро. Может, ты убьешь меня своим посохом, чтоб меня не постигла участь рабыни?

– Нет. Я не могу допустить такого. Я знаю здесь одного важного человека, который многим обязан моему учителю. Я поговорю с ним, он поможет.

– Ах, милый мой лекарек, с кем из влиятельных особ ты хочешь говорить? К кому я только не обращалась, кого только не просила о помощи. Но как видишь, я в нищете и немилости.

– Я еще не виделся с ним.

– И как зовут этого важного человека?

– Азуф. Его зовут Азуф, его еще...

– Чашеносец?

– Ты знаешь его?

– Ну, кто ж не знает советника Азуфа – кравчего самого государя. Это важный человек, и к нему не пробиться так просто. Тебя даже за порог не допустят.

– Допустят. У меня есть его печатка.

– Но, с чего ты решил, что он поможет мне?

– Я же сказал: я – его попрошу. Он обязан моему учителю.

– О, как же ты еще юн и неопытен Аш. Этот безродный водонос, хитростью и обманом пробрался на самый верх, а таким не свойственно быть благодарными кому-то, а их клятвенные обещания пусты.

– Я знаю о том – обиделся Аш. – Потому я и предложу ему за помощь, то, что ему нужно. Я знаю, они думают, что учитель оставил мне что-то, и они думают, что это что-то у меня. Поторгуюсь с ним.

– Будь осторожен, не вздумай тягаться с ним. Тот, кто привык прибегать к обману, легко распознает чужой. Ты и себя погубишь и мне не поможешь. Ты уже был у него?

– Я ходил к нему сразу по прибытию, но только не застал. Он уже отбыл во дворец к лугалю. Но сейчас он наверно уже дома. Мы пойдем туда все вместе.

– К сожалению, его нет еще сейчас. Ур-Забаба закатывает пиры до ночи, а кравчий по долгу службы должен уходить только засветло, если только покидает дворец. А значит, сегодня уже не встретишься с ним, а завтра моя участь уже может быть решена. – С отчаянным смирением в голосе заключила Элилу.

– Что же делать? Тебе нужно бежать за пределы земель Киша! Да, бежать, на юг или север!

– Что ты говоришь? Что я там буду делать одна, без серебра и золота? Кому я там нужна? Участь там моя будет не лучше чем здесь, если не станет хуже. Лучше убей меня

здесь и сейчас.

– Как я это сделаю? Ты знаешь, у меня рука не поднимется, и я не душегуб, не убиваю кого ни попадя. Элилу, не след падать духом, пока остается возможность.

– О Аш, какая возможность еще осталась?

– Прошу госпожу, простить свою рабыню за дерзость в присутствии ее благородного гостя, но я бы хотела напомнить госпоже, что господин, вероятно, дожидается ее в стане лугаля Загесси. – Послышался робкий голосок преданной служанки.

– Ты откуда знаешь? Ты знала, что господин что-то замышляет и не сказала мне?!

– О нет, я бы не смела. Это рабы говорили меж собой, пока не сговорились еще, о крамольной мысли о побеге.

– И зная, о чем говорит челядь, ты не сочла нужным доложить мне об этом...?!

– Это сейчас не важно, Элилу. – Остановил гневную отповедь госпожи своей рабыне Аш. – Ты вслушайся, что она говорит. Досточтимая, ты точно знаешь, что твой господин в стане Загесси?

– Рабы которые всюду следовали за ним, проговорились о том близким, а те уже разнесли по людской.

– Ну, этого следовало ожидать. Рабы всегда обсуждают своих хозяев.

– Ну, что же ты. Ты не то слушала. Говори Тушге. Он действительно примет ее, если она придет к нему?

– Да. Дворовые говорили, что только из опасения, что его заподозрят в подготовке к побегу, хозяин не взял госпожу с собой. Но мыслил прислать за ней, как только представится возможность.

– Тушге, и ты знала об этом и молчала? – В сердцах сказала потрясенная Элилу.

– Да простит госпожа, свою глупую, неразумную рабыню. Я думала, что пустые разговоры глупой черни, не должны касаться нежного уха госпожи.

– Какие же это пустые разговоры? – Скорей про себя пробурчала молодая гашан, но не стала больше отчитывать служанку. – Ооо, мой бедный, мой милый муженек – пролепетала она от умиления, – как я была несправедлива к нему. Он бедный, наверно, ждет свою любимую жену и волнуется за меня, а я его тут последними словами покрываю.

– Ладно, – голос Аша охрип от обиды – если ты надумала я вас выведу, но надо поторопиться, я не намерен дожидаться пока вы тут будете причитать.

Пока женщины суетились, Аш раздумывал, как будет уводить их от глаз соглядателей, каждый раз шевеля желваками при нежном упоминании жены о муже.

– Может дожждаться ночи? Под покровом темноты легче уйти незаметно. А я пока поищу повозку или вьючных. – Предложил он, на что получил полную возмущения отповедь молодой гашан, о том, что ничто больше не заставит задержаться ее в этом смрадном обиталище, ставшем для нее

мрачной темницей.

– Что ж, сейчас уже довольно темно и народу на улицах мало. – Вынужден был согласиться эштарот.

Едва отойдя от дома, Аш заметил черные тени бесшумно двинувшиеся за ними. «Они и раньше тут были? Как я не заметил их, ослоп?» – Мысленно ругал он себя.

– Элилу, не оборачивайтесь, за нами кажется, увязались соглядатаи. – Прошептал он, нагнав беглянок.

– Я же говорила! – Шепотом же прокричала от страха Элилу, а служанка в ужасе беззвучно открыла рот и выкатила глаза.

– Не бойтесь, я отвлеку их, попробую уболтать. А вы бегите на ближний пустырь; там вы встретите бродячих игрецов. Скажите, что я прислал вас. Они вам помогут. А я позже нагоню.

– А-а-а, ты?!

– Я же сказал – нагоню! Бегите!

Перепуганные женщины, подхватив пожитки, побежали, оставив позади эштарота наедине с черными тенями. А пугающие звуки за спиной, заставили их, побросав свою ношу и подхватив подолы в ужасе нестись без оглядки.

9. Пирьы обреченных.

Возлияния лугаля, обычно воздерживавшегося от чрезмерного употребления эштина, в последнее время преврати-

лись в настоящую попойку. Это вовсе не радовало его кра-
вчего, уже привыкшего свободно покидать столицу по сво-
им неотложным делам, а теперь вынужденного безвылазно
находится в Кише, в постоянном ожидании вызова от спива-
ющегося государя, который только своему чащику мог до-
вериться и излить душу. Было время, когда Азуф мог легко
оставить вместо себя какого-нибудь стольника распорядить-
ся царской трапезой и питием для гостей, а самому убыть в
Нибиру или в свое имение в Аккаде. Спившийся и безволь-
ный правитель, это конечно хорошо и соответствовало его
замыслам, но как же напрягало, чуть ли не каждодневно ви-
деть эту пьяную рожу и терпеть ее безобразные выходки и
при этом потакать ей и мило улыбаться. Но терпеть надо. И
он терпел. Терпел, ибо только так мог уследить за его дей-
ствиями и по возможности упредить или повернуть в нуж-
ном направлении.

А ведь у него еще очень много дел. Только утром, к нему
приходил юный ученик абгала, который мог бы помочь раз-
гадать ему загадку оставленную его хитрым учителем, как
видно, догадывавшемуся о готовившейся ему участи нечаян-
ными соратниками и потому скрывшего смысл своего сокро-
венного – тайнописью и чертами. И хоть воспитанник муд-
реца, пришедший узнать о судьбе и смерти своего учителя,
пока не принял его предложение, он надеялся, что парень
еще передумает, и потому взялся помочь его возлюбленной
Элилу – молодой жене бежавшего Мес-Э, незаметно поки-

нуть город и соединиться с любящим мужем. На что надеется доверчивый парень, позволяя хитрой расчетливой девке использовать себя? Как она его окрутила? Что обещала ему? Она ведь тут же его бросит, как только окажется в привычном для себя благополучии. Неудивительно, что он повелся на ее томные глазки, она и впрямь очень хороша, и может соблазнить любого неопытного в таких делах; да что уж говорить и бывалого ходока тоже, будь она чуть умнее. Она и его пыталась охмурить, когда почуяла неладное для себя, но он сразу же разгадал замыслы глупой красотки. Но, все же ее влияния, в конце концов, могут принести ему пользу. Азуф снисходительно улыбнулся. Все вроде идет по задуманному, однако с этими попойками, он не может свободно перемещаться и творить свои дела не оглядываясь на соглядатаев. Нужно найти предлог, чтобы сбежать из города.

Меж тем, пир был в самом разгаре и шел своим чередом, и никто не собирался расходиться. Выступили всевозможные придворные шуты и затейники, отплясали свое игрецы: а гостям все подавай, что-нибудь новенькое, необычное; а все невесело на душе старого правителя, хоть он и заливает свою тоску все новыми чашами эштина и каша. Вот, желая разве-селить погрустневшего государя и тем самым выслужить для себя хорошее положение, один из приближенных, скалясь, привел на пир старика – от грязи и струпьев, всего поросшего коростой и лишаем как древнее дерево – уверяя, что этот старец прославленный пророк, и он предсказывает ско-

рое падение Унука и его самозванного лугалья.

– Вещай старик! – Важно подбоченясь, велел страннику царедворец, получив разрешение у утешенного государя.

Гости с готовностью внимать, уставились на бродягу, потешаясь над его чудным и безобразным видом, в душе досадуя от зависти на царедворца, который теперь, кажется, получить благосклонность единодержца, и возможно сумеет потеснить и теряющего доверие лагара и самого Азуфа, засидевшегося в царских любимцах.

– Ну-ка, досточтимый, повтори, то, о чем говорил на площади! Расскажи, чем закончится война Киша и Унука! – Ликую о мгновении торжества, воскликнул царедворец.

Поозиравшись, вращая пожелтевшими бельмами по зрителям, и поняв, что ему ничего здесь не грозит, раскачиваясь и болтая головой из стороны в сторону, словно могучее дерево на ветру ветвями, старик завыл зычным, но трескучим будто скрюченный сухостой, голосом:

Послушайте о том,
Все кто имеет уши!
Скажите всем о том,
Те, кто имеет рот!
Уста раскройте им,
Они пускай расскажут,
Чтоб им то донести,
Услышьте от меня!

Упав звезда средь звезд
Мутит все мирозданье,
Черед небесных тел
Ввергнув в звездоворот.
Смятенье дома бурь
Влечет с собой крушенье,
Ведущее к беде
Других жилищ окрест!
И так везде всегда:
С паденьем одного
След ждать беды другого;
С падением звезды
Падет небес порядок,
С падением Нибиру
Качнется стойкость мира.
Унук начало бед
Земли черноголовых;
Унук причина зол
Принесших глад и моры.
С него все началось
На нем все завершится.
Падет великий град,
Спадет личина веры,
И все услышат смрад,
Слывущий благовоньем.
Разрушится Унук

И нет ему спасенья.
Его великий царь
Врагам на посмеянье,
Под ноги брошен ниц,
Пленен как дикий зверь...

При последних словах присутствующие воспряли духом, а великий правитель от неожиданной радости, выражал на своем лице младенческую блаженность. Сановник представивший старика, торжествовал, мысленно примеряя на себя облачение великого лагара. Когда старик смолк, опав на устланную поверхность пола, продолжая бормотать и раскачиваться сидя на коленях, царедворец хотел увести его, но был задержан правителем, который захотел знать больше про пророка, а заодно и всенародно отблагодарить верного слугу, приносящего столь замечательные утехи, умеющие поднять духа лучше всякого дина Азуфа, снова становящегося бесполезным. Пока радостный и ликующий в душе царедворец, расписывал все достоинства предвидящего старца и выражал благодарность и свою безмерную преданность государю, приутихший было старик, до сих пор тихо бормотавший, мирно покачиваясь на своих ветошах, вдруг снова зашевелился и вскочил:

...– Но пред теем!!!

– Заверещал он выпучивая глаза, распугав всех присутствующих; раздались испуганные крики зрительниц. –

– Калама гордый сын,
Створит земле своей
Еще немало горя.
Польет саг-ми салмат
Потоки братской крови,
Вспылают города!
Разрушен будет столп,
Что ввысь задрал гордыню.
Господни страшны в гневе
Караючи мечи.
Дрожите, о, са-и!!
Грядет, то, вам расплата
За гордость и грехи!
Все беды бытия
Над городом Этаны,
Разверзнут небеса.
Тщеславия глупцов
Опустятся свинцом,
Вернутся срамом Агги,
И больше никогда
Ему не видеть славы.
Унижен и разбит
По воле Сатарана,
В бесчестие сойдет
Презренный царь Ур-Ана!
Тому кто сеял мрак,

Не знать конца иного,
Кто зерен не сберег -
Пожнет чужие всходы!

Провозвеща свое предсказание, старик весь затрясся, и рухнул на последнем издохе слова. Шумное и веселое пиршество, притихнув, сидело в ужасе, не смея шелохнуться; и даже стражники, пораженные страшным вещанием, забылись, стоя как столбы, а опомнившись, немедля бросились к проклятому бродяге, чтобы наказать старого охульника и самим не получить нагоняя от старших за нерасторопность. Но обступив, так же внезапно от него отступили: старик был уже мертв. Его смерть, однако, не позволила побелевшему от страха сановнику избежать ответа за слова своего предсказателя. По молчаливому приказанию галь-ла, он тут же был схвачен и уведен, не имея даже сил пошевелить челюстями в свое оправдание.

Гости, отойдя от оцепенения, начали приходить в себя и испуганно обсуждать услышанное, Говорили, что приходит конец мира, и что уже в городе появилась сама смерть, скрывая свое старушичье обличье от людских глаз накидкой, и косит жителей своей ужасной косищей. Послышались вздохи и возгласы, кто-то зарыдал от страха, и только стражники, вынуждены были исполнять свой долг и наводить порядок, а распорядители пиршества успокаивать гостей, уверяя, что слова глупого старика, это пустые слова и происки врагов.

Сам великий держатель мира, потерянно лепетал, допытываясь у приближенных, кто такой Ур-Ана. Но никто не решился дать твердого ответа, никто не мог успокоить его сердца и ответить, и сказать, что этот царь не он, не этой, а какой-то другой, далекой стороны, и лишь мялись, отворачивая глаза и беспомощно улыбаясь в ответ, и почему-то клялись в своей преданности. Тут же доложил привратный о прибытии гонца от посланного навстречу врагу войску, и в пиршественные просторы, волоча ноги, ввалился запыленный и грязный человек, чтоб рассказать о страшном поражении единопоржного ополчения.

Напуганные страшным предсказанием и еще более страшными вестями, гости уже не сдерживали чувств отчаявшись найти спасение, и были грубо вытолкнуты стражами. Посуровевший чашеносец, чтоб успокоить государя, сказал, что немедля сам поедет к своим соплеменникам в Ки-Ури и приведет ополчение для пополнения единопоржного войска, и тут же удалился, чтоб до утра успеть собраться в дорогу до Агаде. Вскоре как-то незаметно и приближенные растеклись по своим норам, и остался великий держатель мира, совсем один со своими страхами.

Стремительно пересекая площадь широким шагом, Азуф за время пути всем видом показывал тревожную озабоченность, но подходя к своему дому, не смог сдержать победной ухмылки, вспомнив перекошенные ужасом лица хозяев все-

ленной, и ворвавшись под сень чертогов, расслабился и от души ухохотался.

– Передай Амару, что я им доволен, его люди хорошо поработали со стариком, этот предсказатель и впрямь уверовал в падение Киша, а ему поверили пирующие дармоеды. – Сказал он своему домоправителю, с улыбкой почтения ожидавшего пока хозяин успокоится и поделится с ним своей радостью. – Снимать сливки с дури страхов, что может быть лучше? Слухи плодятся быстро, скоро все в Кише будут знать о страшном предсказании. Кишская знать уже подавлена и наперегонки побежит сдавать хозяина, только и успевай перехватывать.

– Истинно так господин. Но не беспокоят ли господина люди войны? Ведь войска будут верны лугалю.

– Кому нужна верность, когда нет веры? Без веры в победу, самые верные воины не страшнее агнцев.

– Многие из них стойки в вере.

– Да, это несколько мешкает дело. А долго тянуть с подмогой я не могу, это может навести са-и на ненужные мысли. Чертов нимиец! Из-за его подозрительности, мы лишились мудрости абгала! И как я не предугадал, что он свои хитрости скроет тайнописью. Надеюсь, мальчишка все же решится. Соглядатаи Амара приглядывают за ним?

– Да, господин.

– Скажи, чтобы не упустили из виду ненароком. Мальчишка очень чуток. Этот эштарот очень ценен сейчас. Если

он нам не поможет...

– Будет кровопролитие?

– Этого не избежать в любом случае. – Отмахнулся Азуф. – Вспомни Нибиру. Кровопролитие – закон войны, кровью меньше, кровью больше. Что нам с того? Если люди войны захотят затопить кровью город, им же хуже... Са-и по всему Каламу, не простят этого в будущем ни людям войны Ур-Забабы, ни людям войны Загесси. Наш же саженец, волей богов, плетущийся ныне по земле, только взовьется от того, что два ростка одного корня перевьют друг друга стеблями.

– Оо, господин воистинну очень мудр. Истинно это так!

Подходя к площадке, где его должны были встретить скорморохи, Аш с удивлением обнаружил, что его появление вызвало бурный переполох.

– А я им говорила, что с тобой все хорошо! – Радостно приветствовала его маленькая бродяжка. – А то, какая-то наплела нам тут ...

– Что случилось? – Аша осенила тревожная догадка. – Где Элилу?

По лицу Нин пробежала обида: Аш будто не заметил ее, обеспокоившись судьбой расфуфыринной дуры.

– Где Элилу? – С нетерпением переспросил Аш. – Что вы...?

– Тут, тут они. – Поспешил ответить за Нин Пузур. – Мы не знали, что делать.

Тут из-за шатра показалась голова самой Элилу и начала жаловаться:

– Аш, ты нас обманул! Ты обещал, что меня здесь встретят и укроют от опасности, а на меня тут с кулаками кидаются!

– Что случилось? Кто вас обидел? – Он не смог отстраниться от объятий рыдающей Элилу.

– Прости, мы... – начал оправдываться Пузур.

– Мы не виноваты! – Возмущенно перебила скоморошка. – Они ввалили нам!

– Эта дикарка меня чуть не убила. – Всхлипывая пожаловалась Элилу, и будто ища защиту сильнее прижимаясь к юноше, зная, что он не посмеет оттолкнуть плачущую женщину.

– Они сказали, что ты погиб! – В порыве отчаяния, чтоб быть услышанной, чуть не плача закричала Нин, обиженная тем, что Аш вместо того, чтобы встать на ее сторону, беспокоится за эту незваную проходимку и позволяет ей себя обнимать.

Тут в разговор вмешалась боевая служанка, готовая сама вцепиться в маленькую бродяжку.

– А откуда мы знали-то, что парень таким ловким окажется и спасется?! Из-за этого на людей кидаться надо, аа?! – Наступала она на девчушку, уперев руки в боки.

– А мы откуда должны были знать, что вы не врете, что вас мальчишка прислал?! А если бы вы соглядатаями оказались?! – Вступалась за Нин Эги.

Поднявшийся раздрай невольно вынудил мужчин смиренно ждать, пока закончиться женская перебранка, а их попытки вмешаться и успокоить были задавлены общим гамом, когда к нему подключились молодые. К счастью женщины вовремя одумались вспомнив об осторожности и словесная перепалка не найдя причину не переросла в ругань, и уже вскоре старшие врагини мирно беседовали.

Дождавшись пока все утихомирится, Аш убежал во дворец Азуфа, чтобы заручиться обещанием влиятельного царедворца о помощи, и тут же поспешил обратно, опасаясь, что снова начнется свара. Но, по возвращении с облегчением заметил, что женщины еще недавно готовые было накинуться друг на друга с кулаками, нашли общий язык. Элилу настолько обжилась, что успела обворожить и старого гальнара и глупого Хуваву, и даже своенравная Эги обращалась с ней теперь с почтением и обожанием. И только Нин никак не могла смириться с тем, что чья-то изнеженная женушка смеет вертеть их мужчинами, как вертит наверно мужем, вынуждая ради себя подвергать опасности жизни, а их самих использует как свою прислугу. И за время пока сомнительная особа пребывала у них, юная бродяжка ни разу не обмолвилась с ней словом, еле сдерживаясь от гнева, а чтобы снова не начать их маленькую войну, вела себя с ней отстраненно и держала на расстоянии.

Вскоре объявился вестовой всесильного козлоборода,

чтобы увести, наконец, злосчастную гостью с собой. Однако даже перед отбытием, та сумела насолить Нин.

Несмотря на то, что возникший был одет своеобразно слугам, держался он слишком надменно и независимо для своего положения: его осанка, несмотря на молодость, выдавала в нем человека привыкшего задирать голову. Доложившись о прибытии, он не стал дожидаться и принимать скарб беглянок, приказав лишь следовать за ним. И своенравная гашан поплелась за гордым простолудином до повозки, вместе со скоморохами и своей служанкой неся на себе скарб.

Лишь только увидев испещренное лицо возникшего, Элилу обратила молящий взор в сторону Аша, в ужасе от мысли с кем им с Тешгу придется разделять путь. Внимая безмолвной просьбе, эштарот вызвался сопровождать их до передовой, чтобы убедиться, что за время пути с его подопечными ничего не случится. Беспокойство Аша о вельможной красавице горячо задело бродяжку. Ревность и стыд за некогда трезвомыслящего юношу, потерявшего голову от внимания благородной красавицы, заставили ее открыто посмеяться над внезапно вспыхнувшими чувствами коварной гашан. Не выдержав и не желая выслушивать насмешек какой-то замарашки, Элилу воспользовавшись временем, пока Аш договоривался с возникшим, решила незаметно высказаться ей в ответ, чем-то жалящим и обидным.

– Эй ты, замарашка! – Надменно с высоты обоза обратилась она к обидчице, которая невольно потеряла лицо ру-

кой. – Ты, что же, решила, что он любит тебя? Бедняжка, ты и вправду решила, что эштарот – послушник Великой матери, привыкший жить в роскоши и неге; которого обхаживали лучшие жены Нибиру, по которому вздыхали благородные девы, обратит свой взор на какую-то побродяжку?

– Врешь! Ты сама это придумала! – Густо покраснела Нин.

– Ах, а тебе и вправду показалось, что он тебя любит. Аха-ха-ха, мне жаль тебя, он поигрался с тобой как ему и положено по его званию. Сколько у него еще таких было. Смирись. Любовь гала как у всякой блудницы порочна и продажна, сегодня с тобой завтра с другой. Ты что же, вообразила себе, что с тобой по-другому будет? Охолопись девочка, он тебя не любит.

– Лгунья! – На этот раз, скоморошка возмущенно вскипела, сжимая кулачки от наглой лжи. – Ты сама клеишься к Ашу, и от злобы, что он не принимает твоих жалких ужимок вокруг него, клеветешь на него из злобы и... и... из ревности!

– Из ревности?? Я?? Уж, не к тебе ли соплячка?

– Да, ко мне! – Вскинула голову Нин, с гордостью осознав, что скрывать своих чувств больше не хочет, особенно перед этой самонадеянной гашан, чье недостойное поведение только утвердило уверенность в любви к ней Аша.

– Была б забота к замарашке ревновать, когда он итак мой. – Стараясь казаться беззаботной, дразнила бродяжку молодая супруга беглого сановника. – Ведь это со мной, он

едет.

– Ага, ну да. Потянула рыло. Он только проводит вас, до твоего трусливого супружника. Вот когда вы с муженьком соединитесь, ты со своим боровом и обжимайся, сколько душа возжелает. Вы с ним бесподобно смотрите: его трепыхающиеся телеса, очень складны с твоим лизоблюдным рыльцем.

– Ах ты...! Маленькая побирушка! – Не найдя, что ответить выругалась Элилу.

Не ожидая от себя такой уязвимости к колкостям бродяжки, Элилу кипела от досады и негодования, оттого, что в споре ее разделявает какая-то замарашка. В ее красивой головке стремительно и отчаянно носились мысли, как бы поставить эту нахалку на место. Злость в сообществе с волнением пробирали до самой макушки, и гордая гашан покрасневшись, будто какая-то простолюдинка, горела как на жаровне. Наконец, она решилась на отчаянный ход, на который ни за что бы не пошла, будь она в другом окружении, среди таких же благородных и достойных как она. Но здесь, в кругу бродяг, да еще и уединенно, где нет даже ушей и языков, что смогут донести ее слова до ушей завистливых гашан или самолюбивого мужа, она могла себе позволить сознаться в недостойном для благородной эрес поступке, сделанным ей когда-то в порыве отрочьего неразумия.

– А знаешь ли ты нахалка, что мы с Ашем давно любим друг друга, и пред небом повенчаны на священных скрижа-

лях клятвой верности? – Кинула она уничтожительно. – И этому свидетелем само небо.

– Ты врешь.

– Не веришь? Так спроси его сама.

– Ты врешь!

– Что ты повторяешь одно и то же? Сказать больше нечего?

– Да! Потому, что ты лгунья! Ты не можешь быть с ним повенчана, у тебя же муж есть! – В отчаянии кричала Нин, чувствуя правду в словах соперницы.

– Муж. А что мне мешает иметь второго мужа? – Ликовала Элилу своей маленькой победой.

– Я тебе не верю!

– Ну, вот он идет. Сейчас у него самого и спросим. – Окончательно решила добить скоморошку жестокая гашан.

– Скажи ей Аш! – Гордецки выпрямившись, потребовала она у ничего не подозревающего юноши.

– Что сказать? – Изумленно вытаращил глаза эштарот.

– Скажи ей о нашей клятве.

– Какой клятве?

– Да-да, какой? – Как за соломинку ухватилась Нин за его недоумение. – Скажи ей, пусть не лжет.

– Да о чем вы?

– Аш, заклинаю тебя именем царицы небес и возлюбленного ее Дамузи, расскажи ей о нашей клятве, произнесенной на их скрижалях! – Повысила голос Элилу, разозлившись на

напускное непонимание названного супруга.

Поняв, наконец, что от него требуют, Аш потускнел.

– А, ты об этом. Но это же было давно, мы были детьми тогда. Да и скрижали те, лишь чьи-то черты на глине. – Попытался оправдаться растерянный парень, потом словно ища защиты, обратился к Нин. – Она же сама и не сдержала свою присягу, еще тогда, и тем все порушила.

Раздосадованная столь неявной победой, Элилу напустила на себя важности:

– А-Аш-Ме-Ди, ты храмовый служитель и ты знаешь: клятвы, произнесенные пред небесами священны и потому непоколебимы!

– Хах, пусть даже и так. Ты же сама говорила, что муж не мешает иметь второго. Что же ты думаешь, старая изменница-жена помешает свободе покинутого мужа?

Такого гордая гашан стерпеть уже никак не могла. И чтоб наказать нахалку, обратилась к юноше напрямую:

– Аш, я люблю тебя и я хочу, чтобы ты был всегда рядом. Скажи, ты ведь тоже любишь меня? Повтори то, что говорил мне вчера. Скажи, что ты, как и прежде мой Аш.

– Скажи – вторила ей Нин, – скажи, что это неправда.

Оторопевший эштарот, не знал что ответить, тяготясь тем, что вдруг явился причиной раздора и любое его решение причинит кому-то боль. Внезапно он почувствовал себя мотыльком, стремящимся меж двух пламеней к свету, чья гибель предрешена независимо от выбора. Но, что-то решать

было надо, а вот времени на разрешение не оставалось.

– Дорогая, милая Нин, пойми, я должен сопроводить их. Ведь они доверились мне. – Попытался выкрутиться Аш.

Однако его ответ не удовлетворил ни Нин, ни Элилу.

– Нет-нет, повтори для нее слова, что говорил мне. Скажи, что тоже любишь меня, или скажи, что обманывал. – Упорно настаивала Элилу.

Нин же, больше не стала вступать в перепалку, начиная понимать, что брехня лис не всегда лжива, но все еще с надеждой ожидая, что он с негодованием отвергнет поклеп лживой гашан.

Мозги эштарота яростно зашевелились. Поразмыслив, Аш подумал, что если погрузиться в чувства то, решение придет само. Однако решение не приходило: долгое общение с Нин привязали его к ней так же, как и воспоминания о временах в обществе с юной Элилу. Слова Элилу растопили холод его сердца к ней, и, потеряв здравое мышление, он доверился заскоружлости чувств, а подлость мелкого честолюбия добавили камушка в ее пользу.

– Нет, я не обманывал. – Выжал он, наконец, обращаясь к Элилу, стараясь от стыда не смотреть в сторону Нин, чтобы не оскорбить ее чувств, не понимая, что тем лишь усугубляет унижение. – Я по-прежнему твой Аш, я говорил это и от слов не отрекаюсь. Я тоже люблю тебя. Но...

– Ах, я так и знала, так и знала! Я не сомневалась в тебе любимый! – Прервала его откровения удовлетворенная ме-

стью гашан, и не дала ему договорить, облепив поцелуями и щебетаньем нежностей.

Аш облегченно вздохнул, но не такова была мстительная гашан, чтобы окончательно не уничтожить обидчицу. Кивнув вздернутым носиком в сторону бродяжки, она сказала:

– Повтори. Скажи это еще раз, она, кажется, не поняла.

Но Нин не надо было повторять, она все поняла. Сердце ее было разбито, а душа растоптана. Поняв, чего добивается его названная суженная, Аш уже пожалел о своем поступке, и ему захотелось оборотить все вспять, особенно после того как встретился с полными отчаяния и негодования глазами бродяжки, в которых заблестели капельки обиды и боли. Но он ничего уже не мог сделать, а Нин не стала ждать чуда и, отвернувшись, молча ушла, пока коварная любезница удерживала его нежными ласками. Едва освободившись от пылких объятий, он помчался в сторону скоморохов, чтобы объясниться с девушкой, но был встречен гневной отповедью Эги, вещавшей, что всегда знала, что не следует доверять бездушным гала, чей удел развлекать богатеев, да оболщать и обманывать.

– Нин!

– Ты так и не понял? Она не хочет тебя видеть. – Тихо проругалась Эги.

– Дайте нам поговорить наедине. – Попросила скоморохов сама Нин.

– Мы то, что. Мы не против. – Пузур тут же увел с собой

ворчащую жену.

– Любишь ее? – Не дав сказать слова, встретила вопросом в лоб обиженная девушка.

Аш не знал, что ответить, он чувствовал, что сам не знает, любит ли он еще столь своенравную Элилу, или его удерживает лишь это тревожное чувство боязни снова все потерять. Слишком много потерь было в его жизни. Он знал только, что вот эта маленькая скоморошка, с которой довелось ему пройти вместе так много поприщ, стала ему роднее сестры. Но в том и суть, что казалось, она никогда не покинет его, а Элилу, такая далекая и недостижимая, могла снова быть рядом с ним и такой близкой, или же быть потерянной навсегда. И он не смог пересилить этот страх и сказать, что не может любить ее как раньше. И сейчас он тоже, не смог или не успел сказать; как не дождавшись ответа, за него ответила сама Нин:

– Лююбишь.

Он только виновато опустил глаза, не зная, что сказать, и сам не зная ответа на этот вопрос, и не смея признаться о своих колебаниях, чтоб окончательно не упасть в ее глазах.

– Я только хотела сказать... Спросить тебя... – Проступившие слезы душили ее и ей трудно давались слова, но она собрала в себе силы, чтоб не разрыдаться от обиды как ребенок и говорила, говорила. – Как можно...? Как можно играть чувствами людей? Играть в угоду и на забаву другим: чтоб только вызвать ревность у них, или просто посмеяться

над чувствами простолюдинов. Кто ты? Кем мне тебя считать после такого? Разве может так поступить друг? Разве может так поступать человек??

Слова Нин, выщербленными ножами пронзили мятущееся сердце эштарота. Не вынеся упреков, но, не имея сил объяснить, всем своим видом он старался показать душевную боль от ее страданий. Но она не увидела или не захотела видеть сожаления, отстранив его порывы.

– Помнишь, что о тебе говорил наш пленитель, когда узнал твое имя? – Спокойно, но как-то очень скорбно продолжила она. – Он сравнивал тебя с собой и говорил, что вы похожи с ним, что ты это он помоложе. Я видела, как тебя кольнуло такое сравнение. Помнишь, ты рассказывал, что он собирался продать тебя в рабство в дальние земли, чтоб ты не повторял его прегрешений? Тогда я с негодованием думала, как он посмел сравнивать себя с тобой, с тобой с таким... – И вновь Аш не нашелся, что ответить, но весь вид его говорил: «Я вернусь, слышишь, я обязательно вернусь, только не плачь». Расстроженный ее слезами он готов был остаться, плюнув на свое обещание, но его порыв снова был охлажден. – Но теперь..., я даже не знаю, может он прав был и его предугадания не пусты. Ведь ты становишься, все больше похож на него.... – Видя, что это оскорбило эштарота, она поспешила успокоить. – Нет-нет, ты не злодей как он и даже не убийца, хоть тебе и приходилось убивать. Вы с ним такие разные, но такие похожие. Он губит людскую плоть, ты – не

убивая ранишь души; он вынимает сердца, разрывая груди, ты, вырываешь их с корнем, даже не прикоснувшись. Разве поранить душу, не то же, что погубить тело? А теперь иди, она тебя ждет. Уйди.

Он оскорбился, и ответил сухо и даже как-то поучительно.

– Все мы кого-то раним или делаем больно в жизни, такую участь нам уготовили боги и не нам...

– Уйди! – Резко отстранилась от него Нин, но затем, успокоившись и стараясь казаться хладнокровной, заключила. – Иди к ней. Она ждет.

Развернувшись столь же решительно, она быстрым шагом направилась в сторону города.

– Погоди – остановил Пузур, собиравшегося броситься ей вслед юношу. – Пусть она остынет.

– Пузур, я ее, кажется, обидел опять. – Упавшим голосом сказал Аш, раскаиваясь, что поддался мимолетному гневу.

– Ничего-ничего. Поезжай, проводи свою красавицу. А когда вернешься, Нин к тому времени успокоится и тогда ты все и объяснишь. Сейчас это все равно бесполезно, ты же знаешь.

Вынужденный согласиться с доводами Пузура, Аш вернулся к повозке, где его заждалась разгневанная Элилу, охрипнувшая от окриков. Зато возница, несмотря на устрашающую внешность, был спокоен как вол, Амар был призван к претворению условий наследника абгала, а не его возлюбленной.

Вестовой, несмотря на свою дерзость, оказался неплохим возничим и доставил их тайными тропами довольно быстро: или это вражеские войска подступили уже так близко; или же просто, вернувшееся на миг чувство из прошлого заволокло разум мнимой благостью и нежные поцелуи с ласковыми словами были так блаженны, что время казалось слишком быстротечным. Поддаваясь долгожданной неге, Аш уже мнил свое будущее в объятиях юной чаровницы, когда его мечтаниям суждено было прерваться звуками приближающегося конца.

– Подъезжаем! Нас встретят там! – Сухо бросил вестовой, показывая рукой вдаль в сторону темнеющего ивняка.

Повеяло прохлаждающим пробуждением, а вслед ему и Элилу столь ласковая с ним в пути, охладела к его любезностям и не смеялась больше над его шутками, лишь раздраженно приподнимая уголки рта, старательно напуская на себя вид благопристойности. Приняв это за озабоченность перед предстоящей встречей, и чувствуя неловкость от своей беспечности, он переключился к расспросу вестового.

– Что там за люди? Им можно довериться?

– Можно ли доверять, не знаю. По мне, и на себя порой трудно положиться. А вот, то, что они как все законопослушные каламцы, так же почтительны перед оттисками, как эти ослы перед вожжами, это верно. – С невозмутимым видом, пренебрежительно отозвался о них возничий.

– И у тебя такой оттиск есть?

– У меня, и у тебя тоже. Мы делаем общее дело. – С улыбкой ответил возничий, вынув из-под одежд печатку. – Надеюсь и у тебя оберег с печатью Азуфа с собой?

Поняв причину, той легкости, с какой царедворец великого единодержца сумел выполнить его просьбу, Аш только кивнул в ответ, ужаснувшись осознанию того, в какую кашу дал себя втравить ради чьего-то благополучия. Возничий без всяких двусмысленностей дал понять, что верный слуга государя сношается с его врагами, а значит, и то, что Азуф так хочет получить от него, совершенно соответствуется с желанием хитрого нимийца и они связаны друг с другом. Его во все не беспокоила судьба Ур-Забабы, этого облезлого старца возомнившего себя божьим избранником, и его не заботили как Гира, жизни неизвестных ему людей. Но его не радовал удел быть орудием в чьих-то руках, да еще в делах столь нечистоплотных, могущих привести к гибели целые царства. Да и вновь иметь, хоть какие-то отношения с коварным нимийцем, не хотелось.

Когда подъехали к месту, возничий, предъявив печатку, поприветствовал старшину подошедших стражей как старого знакомого и перебросившись новостями, кивнул в их сторону:

– Со мной важные особы. Госпожа приехала, чтоб соединиться со своим благородным мужем, что перешел под стяги истинного царя. – А в ухо прошептал – А у парня перстень

Козлоборода. Так что, я бы не мешкал.

Невольно бросив взгляд на руку сопровождающего гашан оборвыша, которого до того презрительно не замечал, унукец побледнел, и переменялся до обходительной почтительности, тут же организовав им должное сопровождение.

Проезжая сквозь стан врага Киша, грозящему и его друзьям, Аш подмечал слабые и сильные стороны собранного против Единодержия оплота из различных племен и народов, и приходил к печальному заключению, что если не будет примирения враждующих сторон, обильного пролития крови с обеих сторон не избежать, на радость иноземцам, только и жаждущим когда каламцы вопьются друг другу в глотки, чтоб самим захватить и пограбить обескровленный край. Собранные со всех городов по ту сторону межземья, ополчения представляли собой нестройные сборища, согнанные со всех городов ненасытной яростью к северному соседу, признанным ими виновником всех их бед. Несмотря на кажущуюся неорганизованность войск, где наряду с благородными жителями Калама затесались совсем уж дикие племена пустынных, не упускающих возможности пограбить, где бы то ни было, своим числом они представляли собой грозную силу, способную противостоять хваленому единоначалию единодержцев. А побывав в цепких лапах учтливого чужеземца, он догадывался, что за грозными военачальниками, невидимой тенью стояли советники вероломного Нима — давнего друга и покровителя Умма и Ларсы, чье могущество

вровень, а то и больше самого большого могущества всего Калама в былом. Унукский лугаль собрал под своим началом, против возомнившего себя божьим наместником – лугаля Киша, почти весь обитаемый благородными черноглазцами мир, возмущенный наглým притязаниям кишцев на общую землю и нравы, и даже наемников из варваров и чужеземцев, и мудрых наставников из Нима. Здесь были воины из приграничий знойных земель, и закутанные по самые глаза наемники из диких пустынь, даже просоленные сыны моря оставили свои рыбацкие снасти, променяв их на оружие, чтобы наказать зарвавшийся Киш. Кичливые унукцы смилившие свою гордыню перед задиристостью уммийцев и ларсцев, сверкали в блеске былой славы, довольствуясь тем, что Унук вновь становился первым городом Калама, а сами сородичи нового повелителя, чувствовали себя хозяевами всего этого сброда, расхаживая или лихо проносясь на своих колесницах сквозь расступающуюся толпу.

Глядя на силы ополчившиеся против Киша, не выдавая беспокойства, Аш вслух произнес:

– Думал ли Ур-Забаба в своем честолюбии, выпрашивая у богов славы собирателя земель, что его мольбы будут так скоро услышаны?

– Что??? – Недоуменно вытаращился на него возница.

– Да воздаст господь рабам своим по мольбам их, по своему разумению.

– Ааа. – Понимающе растянулся в улыбке возница. – Ес-

ли б только этот набожник, хоть толику ведал из того чему велит поклоняться, он со своей мольбой скорей в великий омут бы обратился, чем тревожил покой высших. Всевышний не терпит сует земных, и наказание постигнет всякого кто отрывает его напрасно.

Аш удивился даже не познаниям устоев верования возникшей – не простым, но все же далеким от жреческого звания, – а крепостью его веры в непогрешимости своих слов. Это его насторожило и отвадило от дальнейших откровений, слишком хорошо он помнил рьяных ревнителей Энлиля. С опаской поглядывая на вестового и унукцев и озираясь по сторонам, он ожидал какого-то подвоха. Наконец, сопровождавшие их воины, остановили повозку у становища походных веж. Вестовой с привычной уверенностью направился к самой пышной и распахнул полог вслед за скрывшимся докладывать служкой. Перебежчикам, окруженным грозной стражей, оставалось только дожидаться и уповать на правдивость слов о всемогуществе оберега Козлобородого. Затаив дыхание, они с тревогой ожидали выхода возникшего, пока не увидели его выводящим за собой дородного господина. От сердца у молодых отхлынуло и тут же сжалось снова, только в этот раз не так единодушно, но совсем по-разному.

– Ааах! Бедный мой муж. – Вырвалось из груди юной супруги увидевшей родного мужа, и слезы умиления обильными потоками потекли из ее глаз.

Аш тоже сразу узнал своего недруга и преследователя, а

услышав и увидев радость и любовь в глазах своей возлюбленной, все понял и понуро опустил голову. Элилу не скрывая чувств, бросилась к любимому мужу, а Аш в одиночестве как несмышленишь, остался стоять, не понимая зачем он теперь.

В ожидании появления юной гашан или какой-нибудь весточки от нее, вызывая недовольства и уместные подозрения обывателей стана, он болтался неподалеку от знатных веж некоторое время. Не единожды к нему подходили вооруженные люди с недобрыми намерениями, расспрашивая кто он, и откуда, и лишь перстень Азуфа оберегал его. Ему снова приходилось благодарить неведомую силу того, кого почти никто не видел, но одно начертание чего – заставляло млеть от трепета и благоговения перед могуществом таинственно-го неизвестного. Видно сильно ценили его заговорщики, что сам Козлобород пожаловал ему оберег власти. Он уже не боялся быть узнанным, злость, обида, досада на свою бесхитростную легковерность, заставившую поверить сладкогласным обещаниям вновь, переполняли его.

– Стой паря. Не место здесь для этого. – Остудил юношеский пыл дерзкий возница, заметив напряжение зверя перед прыжком. – Твой оберег силен, но и его мощь не беспредельна, как и то, если ты так же ловок с посохом как твой отец.

Сердце Аша застыло в замешательстве, заставив присмотреться к говорившему, мало кто знал такое про учителя и тем более называл абгала его отцом. И только сейчас, он при-

знал в нем молодого вожака отводившего их к лугалию воров бедняцкого предела. А ему всю дорогу не давала покоя мысль, отчего все в вознице кажется ему таким знакомым.

– Узнал, наконец? – Снисходительно улыбнулся Амар. – Я уж не надеялся. В другой раз будешь знать, к кому обратиться.

От встречи с неожиданным знакомцем, Аш не знал что ответить, внимая его словам. А до того немногословный возничий, теперь говорил не давая опомниться:

– Не пора ли обратно, пока бед не наворотил? Я тебя выведу, чтоб лишний раз оберегом не светить, да и мне спокойней будет. Ты мне нравишься и ты слишком хороший, чтоб я тебе позволил из-за недостойной пропадать. Она показала себя отношением к тебе, и не стоит того, а там тебя – я видел, ждут, хоть ты им все козлобородово серебро отсыпал. Подружка то, та, что осталась, видно крепко тебя любит. Я бы на твоём месте не стал вола за хвост тянуть, девка – огонь... Ну ладно-ладно прости, не зыркай так, я и не думал ее оскорблять. Раз она так дорога твоему сердцу, тем более – тебе здесь оставаться нет смысла. И чего эту обхаживал, если ту любишь? Оох, гуляка.

Вопреки надеждам Пузура, Нин так и не смогла найти душевный покой, однако всеми силами старалась делать вид, что обо всем забыла и не вспоминает больше о неприятности связанной с Ашем, хотя всякий раз запрещала вспоми-

нать его имя. Но от супружной четы, знавшей все ее привычки, трудно было скрыть муки страданий за наружной веселостью. Она то и дело громко смеялась над чем-нибудь, даже не казавшимся им смешным, то находила в простых вещах что-то радостное, всегда стараясь быть нарочито веселой; однако дрожание связки и спрятанная грусть в глазах, выдавали с головой. Но Пузур с Эги договорились между собой, делать вид будто не замечают этого, усердно подыгрывая ее игре.

Между тем, вслед за печальными известиями о проигранной битве, стали понемногу подтягиваться для защиты столицы и полки ее проигравшие. Изможденные и грязные, это были уже не те самоуверенные ополчения, что были раньше. В лицах воинов читалось уныние и страх перед грядущими битвами, и стыд и досада за проигранные. Но вместе с тем, в них горела еще жажда расплаты за поражение, говорящая, что в них не пропало еще боевого духа, в желании доказать себе и другим, что оно было случайным. Подтягиваясь струйками, они сбивались в свои малые отряды, в ожидании пока кингали сколотят из них большое войско. Отличаясь удивительной пестротой нравов, одни представляли собой шумное веселье наглой удали, другие, напротив были мрачны и хмуры. Злые, они всем сердцем презирали жителей Киша – стольного города средоточия мира, презирали и не любили лишь немногим меньше, чем боялись и ненавидели преследующего их врага. Города, где даже нищие приживальщики, живя в праздности пока другие проливают за

них свою кровь или гнут спины, смотрят на всех иных если не с высокомерием, то со снисходительным пренебрежением. Лишь сдержанность перед оружием кишских дружин, не позволяла им самим еще разорить это трутневое гнездо, а их жителей обратить в рабство. Но это их столь резкое неприятие было направлено в сторону города, а у живущих своим горбом окрестных общинников, также гордо самоназвавшихся кишцами, они как защитники, предпочитали харчеваться без платы.

Скоморохи, знакомые с дурными нравами людей войны, держась от них чуть поодаль, чтоб ненароком не попасть под злые забавы, старались слишком не сближаться с вояками потешавшихся над прохожими и бросавших похотливые взгляды на женщин. Но от представлений для них не отказывались, видя во многих ополченцах людей оторванных от дома и тоскующих по родным очагам и мирной жизни, и потому старались поднять в них дух и веру в добро.

В один из дней, неподдельная улыбка на лице девушки при виде прибывших осколков разгромленного ополчения, удивила Пузура, решившего, что так у Нин проявляется потрясение от нанесенной обиды. Но Нин кивнув в сторону новоприбывших, поделилась своей радостью: – «Там Гир!»

– Где? – Спросил гальнар не находя старого друга среди кучки ополченцев. И укрепившись в своем подозрении, чтоб не огорчать девочку, попытался смягчить отрицание. – Прости. У меня глаз уже не тот, наверно. Что-то я совсем ничего

не вижу.

– Ну, смотри, это же его друг там! Помнишь, который сма-
нил его в войско? – Не смутившись, ответила бродяжка.

– Ааа, да, и вправду он. – Обрадовался Пузур, увидев сре-
ди новоприбывших знакомое лицо. – А я тебе не верил.

– Он наверно, ищет нас. А мы тут.

– Пойду, разузнаю. – Собравшись с духом, выдохнул Пу-
зур.

Нин с волнением ждала возвращения гальнара с Гиром. Или без, но с известием о том, как он и где. Как назло, ей никак не удавалось разглядеть выражений лиц Пузура и его собеседника, но отсутствие оживленной беседы, несколько настораживало. И вот, наконец, Пузур отделился от толпы ополченцев и направился обратно. У Нин защемило сердце, она все еще надеялась, что он даст ей знать, что все хорошо, но вид подходящего Пузура, молча надвигавшегося на нее, навеял чем-то далеким: не забытым, но скрытого где-то в глубинах, страшного, причиняющего боль прошлого. В ужа-
се от вновь пережитого, бродяжка задрожала как лист осины.

– Аааа!!! – Зажмурясь от пугающего проявления забытых страхов, закрыв руками уши, чтоб не услышать этой правды, Нин ринулась прочь, чтоб суровая действительность не до-
гнала ее и не сумела бы снова причинить боль, и не остави-
ла бы опять одну в этом мире страданий. – Аааа!!! – Отма-
хиваясь, словно надеясь, что видение прекратится и уйдет, как рассеиваются жуткие сны с пробуждением и приходом

рассвета.

Огромный людской поток несло волной на врага, как заносятся весенние воды на низины во время половодья, не очень скоротечно, но заполняя все вокруг незаметно и быстро. Находясь в самой гуще, Гир как опытный боец, ругал про себя старшин за безобразное построение полков, сведенных в одну громадную тучу.

– Что ты там под нос бормочешь? – Надсмеялся над осторожным «старичком», его молодой, рвущийся в бой товарищ, услышав недовольство.

– Беспokoюсь, какой умник собрал нас перед боем как овец на убой. Когда начнут разворачивать полки?

– Тебе не понять замысла лушара и совета кингалей, потому, что не слушаешь когда говорит наш са-каль: мы всей глыбой, одним мощным ударом снесем всю защиту загессцев, и тогда ничто не спасет их от гибели.

Здесь в самой гуще человеческой реки, невозможно было увидеть хотя бы краем глаза, что происходит там впереди, и приходилось вслушиваться к каждому дуновению ветра, приносящему оттуда какие-то звуки, прорывающиеся сквозь гул людских дыханий и голосов, сквозь топот тысячи ног и бряцания оружия. Где-то вдалеке впереди едва уловимо слышались ликующие возгласы передовых полков, которые подхватывая своим упоением других, встречным потоком принесли криками ополченцев, и, подаваясь обще-

му заражению, из глотки Ги́ра, как и из глоток его соратников рядом, вырвались эти первобытные, первородные звуки – «Уааа!!!». По мере уверенности, перерождавшийся в гордый славящий клич саг-гиг-га; этот крепкий, рычащий, пугающий робких варваров ревом дикого зверя, «уурр» – набравшего воздух и готовящегося к прыжку, и на подлете – «р-ааа» – выдыхающего разрывающим выстрелом всеобъемлющего рыка, будто сами боги войны с неба грозили неразумным недругам – «Уурррр-ааа!!!». И прибавляя шагу, люди понеслись вперед, вслед за кличем, обуреваемые его водошевающей силой и жадной славой отцов, и, прибавляя скорости своего шага, они неслись, переходя на бег и все более ускоряясь. Волна потекла с быстротой горного потока, увлекая за собой толпу ополченцев, оказавшуюся вдруг ее стремниной, сметающую все на своем пути, пожирающую как саранча встречающуюся поросль. Иногда эта стремнина замедлялась, чтобы после недолгого замешательства, снова ринуться вперед с прежней силой. Это где-то там впереди, кто-то бессильно пытался противостоять неодолимой силе и биться с ее ударными волнами, но лучшие воины, что бились во главе их огромного войска, легко сносили отчаянную преграду. И мысли об этом, вызывали у находящихся в самой сердцевине, восторг и гордость от сознания того, что и они являются частью этой силы, и дикое желание самим вступить в схватку и зависти к славе передних. И не мешали уже, ни клубившаяся под ногами пыль, поднимавшаяся и оседавшая

на их взмокших телах, ни усталость от долгого перехода, ни зной, ни духота, и ничто иное, но только единственное желание наказать несносного соседа посягнувшего на их земли и творящего злодеяния. Они бежали или шли шагом, быстро или медленно, но все продвигались, продвигались, вкушая скорую победу. Казалось еще немного и враг будет разбит и повержен, и униженно падет ниц, прося о пощаде.... но вдруг... там впереди что-то ухнуло и затрещало, а вздох ужаса заставил замереть от замешательства и приостановить победоносное шествие.

А волна только, что подхватывавшая за собой, вдруг повернула к ним бледные лица перетянутые испугом и стала толкать назад, стараясь убежать от неизвестного, но чего-то ужасного, что разбило непобедимых передовых и не просто остановило их неодолимую силу, но заставило отступить и броситься бежать. И, заражаясь этим ужасом, захотелось уйти от него, убежать, но сзади не осознавали еще, что что-то изменилось и продолжали напирать, и напирали, напирали, а поняв, точно так же не могли продвинуться обратно из-за узкого перехода над обрывистым берегом и толкающих в спину. И случилось то страшное: из-за стречения двух потоков в человеческой реке, в человеческом море, приключилось человеческое наводнение и находящиеся в самой гуще этого бедствия начали тонуть в этих «водах», задыхаясь и погибая, раздавленными под ногами толпы.

Привыкшее ко всяким невздам и опасностям сердце Ги-

ра колотилось как бешенное, осознавая неумолимый конец. Глаза натыкались на одни взмокшие тела и перекошенные растерянностью и ужасом лица ополченцев, становившиеся все ближе и тесней, сжимая вокруг него живую стену. Рядом послышался возглас отчаянного ужаса. Узнав голос, Гир крепко ухватил дрожащую руку, чтобы поддержать дух своего молодого друга, единственного родного человека оставшегося возле него. Остальные его соратники, были или уже растоптаны толпой или унесены волнами людского потока; еще раньше, едва услышав первые отзвуки тревоги, почувяв неладное исчез его вертлявый друг, ужом проскользнув сквозь человеческое море. Поддерживая дух неразумного паренька, он еще сам верил в спасение, яро защищая его от наваливавшихся тел и оря на них, что есть мочи, хотя и те другие были так же напуганы и злы от бессилия. Многие, понимая уже безвыходность своего положения, отдались судьбе моля грозного Энлиля о лучшей участи в загробном мире, или позабыв о единобожии молясь своим родным богам, и желали лишь, чтобы все это поскорей закончилось; кто-то плакал, не желая прощаться с жизнью, а кто-то еще продолжал бороться, надеясь на чудесное спасение. Боролся и Гир пока паренек был рядом, но очередной накат вырвал у него его руку и юноша с криком отчаяния был унесен безжалостным потоком. Потеряв единственное, что до сих пор поддерживало его силы, он почувствовал их упадок и не мог уже противиться неминуемости, лишь ужас от того какой ко-

нец ему уготовили боги, холодил его члены и бросало в пот от жара мыслей. Осознание тщетности человеческого бытия породило в нем уныние, что ценность его не выше ценности жизни червя прорывающего свой жизненный путь в навозе. Относясь беспечно к своей жизни с потерей большого, теперь он жалел, что недостаточно дорожил даром существования и не ценил то малое, что было. Затуманенный разум его ничего уже не соображал, воспоминания вихрем пронеслись в его голове: перед глазами мелькали запомнившиеся и давно забытые лица людей, с которыми хоть как-то связывала его судьба; всплыли лица родителей так рано покинувших его; подумалось про жену, ушедшую к чужому очагу, когда спасаясь от суровости закона, в малодушии он бросил с ней свой, и пропал, оставив одну в лишении на многие и многие дни. Но вспомнив про одинокий возок с беззащитными скоморошками, оставленный им в призрачной надежде во главе с плохими военачальниками и с еще худшими правителями попытаться остановить неизбежное, он встрепенулся – «Как они там теперь без меня?» – всколыхнуло вдруг в голове, и эта тревога не уходила уже. Его охватила невероятная тоска, оттого, что вот он здоровый и сильный, но такой беспомощный и безвольный, задыхается припертый среди таких же несчастных глупцов поведшихся на воодушевленные речи о любви к родным очагам и месящих теперь с ним глину терзаний, и не может быть вместе с родными, чтобы защитить их. А облегчения все не приходило,

но становилось лишь теснее, так, что уже и головы стукались о головы. Как он жалел теперь, что не остался тогда с ними и не внял уговорам маленькой Нин.

Он вспомнил о кишке – несчастном обличителе убитом им в порыве гнева, вспомнил об унукском воине, что замахнувшись тесаком, мог легко его зарубить, но остановил разящую руку, глядя на него в восторженном волнении, за что, тут же поплатился, пав пронзенный его клинком. Он тогда все силился вспомнить, перебирая лица в памяти, отчего этот взгляд ему кажется таким знакомым, но никак не мог вытащить из нее похожих глаз. Теперь же перед лицом смерти, он вспомнил. Он вспомнил один из тех счастливых дней, когда Нин уже нашла в их маленьком кругу себе приют, но не расцвела еще в отрочество созревания, а место в ее сердце не занял еще смазливый гала. Тогда, когда они давали свои представления, езда от поселения к поселению, а он как всегда играл славного Бильгамеса; там, среди детворы облюбовавших крыши он и заметил восторженный взгляд мальчика. От чувства вины и жалости к напрасно погубленным им жизням, его охватила еще большая мука. Теперь ему и оставалось только смотреть в вышину неба, чтобы не видеть больше эти страшные – изможденные и изуродованные искореженностью ужасом лица, смотреть туда, где вольно летали зловестные птицы в ожидании богатого пира. И хотелось туда, чтобы освободиться от этой несвободы, от этой тесноты, что душила и мучила его. Хотелось протянуть руки, что-

бы взмолиться к высшим взирающим на них оттуда, но руки были стеснены, что не было сил их поднять, и не мог он открыть рта, чтобы молить, ибо и уста его пересохли и слепились, и нельзя было молвить, чтобы просить; а уши слышат лишь гул человеческого страдания. Его глаза заволакивала пелена усталости, перемешанная с поднятием пыли и жара и столь желанное небо виделось ему серым и черным и таким безжизненным и далеким, и он чувствовал, что сгорает в этом пожаре тел и лишь мысленно молил, будто еще надеясь, что его услышит кто-то – «Воздуха, дайте воздуха. Ради бога – воздуха»...

Глава 3. Падение.

1. Заклание.

Город встретил своего господина, красою глубинных городов, пьянящих чистотой воздуха и тишиной. Хотя сказать про его вотчину, такое было нельзя сейчас. Советник лугалья по напиткам и яствам, не отличался расточительностью среди придворных и лучших людей Калама, однако и дворец его в Кише не выделялся великолепием и изящностью, выглядя скорбно среди выросших роскошных дворцов богатых и знатных кишцев. И представлял собой, скорее дом торговца средней руки, нежели дворец влиятельного царедворца и самого близкого к единодержцу человека. Да и сам он одевался довольно скромно для своего положения, пышности предпочитая удобство и прочность одежды и обуви. Это обуславли-

валось путешествиями, коих, несмотря на придворное звание, им совершалось довольно даже сейчас, когда ему приходится нянькаться с держателем мира. Надежных и верных помощников набранных им лично, у него хватало. Так что в его отсутствие, было кому позаботиться о трапезах лугалья.

Большую часть средств жалованных ему по великой милости государя и подношений льстивых придворных и всевозможных просителей, Азуф отсылал в родное гнездовье, откуда когда-то бедным водоносом, судьба занесла его в сады лугалья Киша. Откуда он начинал свой путь к возвышению, сначала садовником, а затем и стольным чашником и распорядителем пиров. Слиток за слитком, мелочь за мелочью возил и слал он в родной Ки-Ури, весы золота и серебра, украшения и изысканные изделия, он не гнушался ни меди, ни рогож и прочей рухляди. Все это он рачительно по-хозяйски вкладывал в строительство и украшение главного города его края – Аггаде, где он чувствовал себя по настоящему дома, с людьми одной с ним крови и языка. И он ощущал эту их ответную благодарность, за то, что возвысившись, не отвергал своих единокровцев и земляков, обустроивая общий дом, но наоборот желал их подъема. Они принимали его как своего повелителя и во всем были ему верны и послушны; хоть где-то и был другой лугаль считавшийся настоящим, для них истинным лугалем был именно он. Здесь он был единоличным хозяином, и даже ишшаккум не помышлял перечить ему и был, как все предан и послушен, полностью завися от мило-

сти царедворца и молясь на его хитрый ум. Никто из вельможных наместников земель и энси городов, не имел у себя во владениях столько власти и влияния, сколько здесь имел прислужник лугаля Киша. И город поднимался и расцветал на радость Азуфу, благоухая и радуя глаз тенистыми садами, и в великолепии дворцов и храмов уже не уступал столицам Калама, хоть и не был столь же велик и шумен, а красою и зеленью, ровностью и чистотой улиц превосходил любой из городов обитаемой земли. И всю эту благодать на холмах, окружали добротные и неприступные стены.

Проехав через переброшенный над глубоким рвом мост в главные ворота, где его приветствовали суровые вратники, Азуф въезжал в город по широкой мостовой, с гордостью хозяина озирая город и встречных горожан: торговцев, ремесленников, прибывающих из окрестностей земледельцев и пастухов, и иногородних гостей. Особым предметом гордости для него было ополчение Аггаде, не уступавшее по силе и мощи любому ополчению самых крупных и известных городов Калама, а с некоторых пор жизнеспособней полков лугаля. Как и со всем иным в своем крае, со своими полками, скромно именуемые им в столице ополчением, он лелеял великое будущее, оснащая их наилучшим образом и вкладывая в них даже больше чем в красоты города. Именно их он обещал привести для защиты столицы, и именно потому его сопровождал сейчас высокий военный сановник, раздражая своим присутствием, там, где его быть не должно. Одна-

ко воля, еще не совсем выжившего из ума повелителя, проверить наличие надежного тыла и скорой помощи, должна исполниться неукоснительно, чтобы не вызывать ненужных подозрений; ему итак стоило усилий, убедить единодержца и сановников, что для сбора столь огромного ополчения потребуется время. А чтобы в столице не сомневались в обещаниях кравчего, с ним был отправлен советник счета чисел, чтоб лицезреть готовность ополчения и как можно скорее передать государю.

Сановник был из тех, что добились своего высокого положения, ни дня не служа в счетном деле и не ведавшего в том толк, зато имевшего толк в поддакивании и подхалимстве, и неукоснительном исполнении воли государя, при этом не забывая про свою мошну – здесь он тоже проявлял безграничное рвение. Надеясь не только утешить своего господина, но и просчитать возможный исход войны, он внимательно приглядывался ко всему, что видел в вотчине Азуфа, чтоб вовремя определиться со стороной. Этим он не выделялся среди прочих сановников и лучших людей: когда приходит время поджимать хвосты, невольно начинаешь искать уютную норку, особенно если есть что в нее спрятать. Как-то незаметно, все реже стали появляться при дворе царедворцы и лизоблюды, а купцы и ростовщики, озабоченные ухудшением торговых связей с Дильмуном, Маганом и Мелухху, все больше выказывали недовольство. Все эти страны находились за морем, а путь к нему преграждали земли Унука и

Нима, а с ними у Киша теперь вражда, и они не могли больше ублажать себя и своих женщин красивыми камнями и мягкими тканями, покупать медь для трудов и войн, получать глыбы так необходимые для изваяний божественных истуканов и их собственных образов в строгих видах, и обогащаться прочими нужными товарами, продавая плоды трудов земледельцев и живности пастухов. Хоть царь и боялся раздражать своих вельмож, возлагая всю тяжесть от их прохуждившегося хозяйства на согбенные спины простолюдинов, это мало помогало пополнять их худеющие мошны, и все больше лучших людей стали присматриваться к враждебным южанам. Это еще вчера они их презирали за бедность и пресмыкание перед давними и могущественными соперниками Калама, это вчера все их угрозы им казались угрозами шакалов львам; а нынче, когда им самим приходится несладко, уже и будущее этих раскольников не кажется таким смутным, а их нарастающая военная мощь пугает. Не радовали прошения общин ожидающих плату за несбытый за морем урожай и живность; раздражали плачи разорившихся – вынужденных, спасаясь от голодной смерти, проситься к ним в закупы или предлагать в рабство своих чад, почти ничего им не стоящих, но бесполезных когда нельзя продать плоды их труда, а орудия оснастить медью. И отношения с Лагашем становились все хуже, из-за тех стеснений, которые позволяют себе властители Гирсу в отношении своих лучших и богатых людей ради голопузой черни. Все реже к их землям ходят торговые

суда, все меньше сплавляется – приходящая с верховий рек, драгоценная в Каламе древесина, не только и не столько ради единодушия с обиженными вельможами Лагаша, сколько в неуклюжей попытке подольститься к ненавистному Ниму, удушившему торговой осадой. И вот кто-то уже начал тайные сношения с врагом, кто-то еще подумывал, а кто-то из тех, кто почутче, начал выказывать чудеса храбрости, выступая против первого советника.

– О, саар-саги, хозяйствование этим краем, достойно самых высоких похвал. Признаться ни в одном городе, где правят благородные энси, я не видал такого порядка и чистоты. А как много здесь красот, достойных украшать величие самого священного средоточия. У досточтимого советника Азуфа, должно быть хорошие слуги и наместники? Как все славно организовано. – Не удержался от искреннего восхищения, обычно скупой на похвалы советник счета чисел.

– Я рад и польщен, что моя родная Ки-Ури удостоилась столь высоких похвал от досточтимого са-ар шита-каш, но только, то все заслуга ее жителей, что бесконечным усердием подняли край свой из пыли и песка и построили этот град. – Уклонился Азуф от похвальных речей в свою сторону.

Его совсем не прельщала слава сановника, обустроившего свой далекий уютный дом, когда Великое Единодержие борется со всем ополчившимся против него миром. Его враги только и ждут, чтоб рассказать о нем что-нибудь эдакое, что недобро воспримется единодержцем и народом Киша.

Вся это затея с приходом советника войн, выдвинулась таким вот плетением заговора вокруг него, чтобы доказать государю его неблагонадежность. А сейчас это особенно скверно. В любое другое время он бы нашел, что ответить и Ур-Забба бы его выслушал, но только не сейчас, когда все может сорваться из-за одних только подозрений или даже просто из-за срочного вызова ко двору. Да и сейчас, этот подозрительный царек может поверить наветам и против него, как когда-то; так сильно он напуган. Потому всемогущий царедворец и обхаживал сейчас этого напыщенного шакала кусающего исподтишка.

– Советник Азуф известен простотой одежд и уклада, но я не ожидал, что и нрав его столь же скромнен. Только знания и опыт, полученные в чертогах нашего великого государя, смогли бы поднять град из песка и пыли. Или кравчий великого единоподержца, будет с этим спорить?

Азуф догадывался, что сановник попытается его подловить, и к его неудовольствию у него это почти получалось. Пощипывая бороду длинными ухоженными перстами, он обдумывал остроумный ответ, чтоб и самому выкрутиться и охладить пыл злорадства гостю.

– Народ Ки-Ури трудолюбив и любознателен. Мне странно слышать такое от того, кто в средоточии мира лицезрит это ежедневно – при вознесении великого дома земли и неба.

– О, я вовсе не хочу, чем-то обидеть достойных сынов Ки-Ури. Сколько храбрых и доблестных воинов служат в вой-

сках Единодержия, в боях доказав свою преданность единой державе. А сколько умелых строителей. Но ведь у них нет таких богатств, чтобы отстроить такое. Я бывал здесь раньше, и тогда и вправду, здесь – посреди песка и пыли, стояли одни разбитые хижины, и бедные волопасы по холмам погоняли немногочисленные стада. Только очень богатые люди могли построить на пустыре, град достойный государя. Только очень большие средства, могли бы пойти на это. Я не знаю, кто сей достойный муж, не знаю, откуда у него такие средства, но я должен делать то, для чего сюда прислан: я сообщу о том, что видел совету и государю. – Уже напрямую угрожал советник счета, поглаживая стопку дощечек с подсчетами, сделанными его помощниками.

– Да, я помогаю им, как и всякий киурец вношу вклад свой по мере сил. Са-ар шита-каш, сам изволил помянуть простоту моего уклада. И верно, за богатствами я не гонюсь и пышность мне ни к чему. Весь я отдаюсь служению единой державе, преданно следуя за нашим государем, который самозабвенно поднимает ее. И потому, плату получаемую мною за ревностное служение, всю отдаю я в добрые дела, под которыми я разумею и поднятие родной стороны. Лишь так как должен хотеть всякий черноголовый сын земли благородных, хочу, чтоб земля наша процветала на зависть врагам, чтоб наш благочестивый единодержец, мог отдохнуть иногда от шума столицы, в тиши садов глубинной стороны. Разве ты не хочешь, того же самого? Разве тебя не ранит, та лжа, что несет-

ся отовсюду от врагов наших, что якобы мы не заботимся о благости жизни простого люда? Я не хочу верить и не верю, что ты подобно трусливым нимийцам, будешь слушать их сплетни и плести заговоры против государя. Я знаю, что ты просто хотел выразить восхищение трудолюбием и верности единодержцу, добрых моих киурийцев.

– Да-да, конечно, я именно это и хотел сказать моему государю. – Залепетал побледневший сановник, растеряв всю свою спесь, понимая, что может поплатиться за свою самонадеянность и несдержанный язык. – Я только, чтоб выразить восхищение трудолюбивыми киурийцами и твоей бескорыстной преданностью единодержцу нашему Ур-Забабе. А твои старания в обеспечении надежного тыла для защиты нашего отечества, для освидетельствования чего я уполномочен, будут высоко оценены на Совете.

– Я никогда и не сомневался в твоей преданности государю нашему и единодержцу, ведь слава о непоколебимости и неподкупности советника счета чисел, известна по всему Каламу. Я и не сомневаюсь, что ты честно освятишь все что видел, со всеми достоинствами и недостатками, если какие есть и пересчитаешь если надо. – Благодушно щурился Азуф, сжимая мощной дланью тщедушное плечо сановника, и не обращая внимания на сморщившееся от боли лицо. – Но вот только, грубые и простоватые киурийцы, не привыкли доверять пришлым людям почем зря.

– Клянусь всеведущим Энлилем, ты будешь доволен моим

отчетом! – Чуть не плача божился советник чисел.

– Зачем же мне угождать? Надо, чтобы все было по-честному, как есть, без ошибок, без лишних приписок. Я же о тебе забочусь, о твоём честном имени, которое может пострадать из-за нерадивости или чрезмерной учтивости твоих счетоводов и писцов. Верно твои люди, обсчитались из добрых побуждений, лстя нашему краю. Вот, тут, например, с размерами напутали, приписав нашему скромному городку лишних высот и ширины стен; видно с привычки измерять большие меры как в Кише. Такие стены ставят для защиты от сильного врага. А какой враг на окраинах? Ведь полководческая мудрость Ур-Забабы, навсегда обезопасила обитаемые земли от набегов с севера, когда посланные им полки истребили самое воинственное и свирепое из йаримийских племен, и эти варвары не смеют даже показать своего носа. А заставы наши крепки. Мы конечно, должны быть готовы встретить любого врага, но мы не сомневаемся в крепости средоточия мира и его оружия, и верим, что доблестные воины Единодержия, не раз сокрушавшие самых сильных врагов, и на этот раз не подведут своего са-каля, нашего великого лугалья и единодержца. А вы думаете иначе?? Вы хотите сказать, что крепкостенный Киш может не выдержать осады и пасть под натиском варварских полчищ?? Что его доблестные защитники, не отстают пределы родной стороны?? И ты действительно думаешь, что лугаль будет доволен такому приговору своему царствованию, от слуги которому доверял

свою сокровищницу?

– О, не-ет! – Задрожав в коленях, опал побледневший царедворец.

– Это может дать повод лугалю думать, что эти стены поставлены против него. Что его верные киурийцы, готовят ему худое. Оклеветать? Ты это задумал?!

– О, нет-нет, прости меня! Я только... я только...

– А тут ополчение зачем-то моей дружиной называют, да еще приписывают ему размеры целого войска. А что плохого, что в моем городе не встретить нищих? Здесь снова неправильно, и здесь и здесь. Мне даже неловко делается, от таких обсчетов. Смотри-ка, и тут тоже ошибка, и тут и тут... – Приговаривал он, просматривая записи, и отшвыривал на каменный пол, где они разлетались в мелкие черепки или куски непрсохшей глины.

– Это все мои невежественные помощники напутали. Ты прав, они наверно были слишком поражены великолепием города и его прекрасными жителями, что от восхищения своего потеряли холодность рассудка, и все им показалось красивее и больше в два раза. Я все исправлю: я заставлю их все исправить, все подсчитать заново, они у меня еще будут знать, как так нелепо и позорно ошибаться. Я им покажу! Я научу их счету и письму!

– Погоди-погоди! – Остановил раздухарившегося сановника Азуф. – Зачем же ты будешь тратить свое время и силы, на то, чтобы снова обучать их? Для этого и у меня есть муд-

рые счетоводы. Мудрость же досточтимого шита-каш, слишком важна для Единодержия и всемилостивейшего лугаля, и его помощь понадобится еще в будущем. Да и нет уже времени для этого. Но об отчете можешь не беспокоиться, мои люди, предвидя умопомрачение твоих счетоводов от такой срочности, составили свои подсчеты.

По хлопку Азуфа, тут же появились слуги со стопкой заполненных дощечек.

– Отвезешь эти отчеты в Киш и Совет успокоится, а государь будет рад и весьма тобою доволен. На словах же скажешь, что не успеет заостриться месяц, как полки киурийского ополчения будут у стен Киша, чтобы встать на защиту подступов к нему. И я – его верный слуга, сам встану во главе ополчения, чтоб он знал, как крепко будут биться за него мои северяне, плечом к плечу с его непобедимыми воинами.

– Да, я сейчас же велю своим помощникам собираться. – Оживился ободренный сановник.

– Твои слуги и поезд уже ждут тебя у выхода, мы позаботились, чтоб они ничего не забыли.

– А-аа?

– А твои нерадивые счетоводы и писцы останутся здесь. Зачем тебе такая бестолочь? Вот подучатся у меня в Аггаде на улице писцов, тогда и вернуться в Киш.

– Но они мне нужны! В средоточии мира достаточно мудрецов, чтоб научить их уму разуму!

– Ну, что ты. Как можно отвлекать столь мудрых людей на

такую бестолочь? Вот наберутся ума у моих учителей, тогда пусть и идут к твоим мудрецам. Но о помощниках можешь не беспокоиться, у меня достаточно толковых счетоводов, я отправлю их с тобой. Ничего, от Аггаде не убудет, я же понимаю как нужны сейчас Кишу и нашему государю хорошие писцы и счетоводы.

Выйдя из дворца, советник счета чисел пал духом увидев своих новых помощников, телесами больше похожих на хороших бойцов. Азуф снова напутствовал гостя обнадеживающим обещанием, вложив в скарб увесистый мешочек с золотом.

– Мы надеемся, что и об ополчении, которое, к сожалению не поспешает, к тому, чтобы выступить немедленно, ты доложишь правду.

Напуганный до смерти сановник, только и смог утвердительно промычать.

– Смотри же, у меня всюду глаза и уши. – Ласково пригрозил советник по пирам и застолям, похоронив надежду саар шита-каш на будущее изобличение.

Поначалу подавленный свершенной переменой с Элилу, Аш возвращался теперь, подгоняемый обнадеживающими словами молодого вожака разбойников. Да, его ждали там, ждали так, как не ждали никогда с тех пор, как он потерял свой дом и племя. Старик был его семьей, но он всегда где-то скитался пока не приходил за ним, и его унылая клеть,

так и не стала для него домом. Теперь же он чувствовал, что бродячий дом скитальцев, стал для него тем самым очагом, что ждет каждого счастливого человека. Ведь он знал, что там его ждет любящее сердце настоящей любви. Он понимал теперь, что вот – она и есть та самая кого он любит по-настоящему, не за красивые глаза, хотя нельзя было отмахнуться от того, что ему нравится ее девичья краса, но за ту теплоту какую встретил в ее сердце, и которой не хватало ему в дни расставаний. Ту человечность и понимание, которой не встретил он в самовлюбленной госпоже, и вряд ли еще встретит в ком. Он еще какое-то время страдал от досады и обиды на Элилу, но чем больше вспоминал Нин, тем больше понимал как дорога ему эта маленькая бродяжка. И был даже рад, что его не удерживают больше узы детской шалости, и уже ехал без прежней угрюмости, но с мыслью, что едет к Нин и никто больше не встанет между ними. Что не будет больше этого мучительного выбора, но судьба сама решила за него с кем ему быть. Обдуваемый встречным ветром, он дышал свободой, с радостью ожидания скорой встречи.

Вот за пылью дорог, впереди и показался Киш с доносящимся шумом жизни города, и где-то там его ждет маленький возок, примостившийся на пустыре глиномесов. Оставив его недалеко от города, возница развернув колесницу, тут же поспешил по своим делам куда-то дальше. Аш уже направился в сторону города, когда вспомнил, о том, что все путешествие от Киша и обратно, проделал, предварительно

вырядившись в лучшие одежды, чтобы произвести лучшее впечатление на Элилу. Стыдясь податливости сладким обещаниям, он свернул в кусты, чтоб поскорей убрать в суму выдававшие его одежды и спрятаться в старушичьи лохмотья.

Пройдя все преграды в город, юный эштарот, наконец, нашел то место, где давая свои представления, его условились ждать скоморохи, но нашел только покинутую повозку. Разволновавшись и спрашивая соседей, Аш хотел тут же их искать в городе, но подумав, что Пузур никогда бы не бросил возок, а искать их в большом городе, было бы бесполезным занятием, и счел лучшим подождать их на месте, тут же завалившись спать. Проснулся он, уже когда его тормозила строгая Эги, пришедшая вместе со своим любимцем Хувавой, видно раньше Пузура и Нин. Это его не сильно удивило, Хувава почти всегда следовал за ней собачкой, и она брала его с собой, чтоб не ходить одной и спокойно пройти по рынку, где он распугивал своей громадиной несговорчивых торговцев.

– Что ты тут разлегся, когда мы бегаем по городу как ошалелые?! – Ругалась она.

– Что-то опять случилось без меня? – Даже испугался Аш, от встрепанного вида всегда опрятной Эги.

– «Что-о-то» – Передразнивая проворчала она. – Из-за него девчонка пропала, а он – «что-о-то».

– Пропала? Как?! Когда?! Эги, как это случилось? Пузур

ее ищет? Пожалуйста, Расскажи мне! – Забыв про свою робость перед ней, умолял Аш.

Его не покидало чувство, что оттого, что она вынуждена была выказывать ему благодарность после спасения, неприязни к нему у нее только прибавилось. Он знал, что несмотря на свою нелюбовь к нему, она готова была его терпеть ради чувств скоморошки, и после случая с Элилу, боялся ее как огня. Но теперь было не до робости, нужно было узнать, куда ушла Нин, чтоб знать с какой стороны начать поиски. И ради маленькой бродяжки, строгая Эги простит его. Она все же была добра сердцем и простодушна как ребенок.

– Тебе же до нее дела нет, чего так разволновался? – Смягчившись, проворчала Эги. – Пузур из-за этого места себе не находит, измотался весь. Вот где он теперь?

Будто услыша их разговор о себе, показался и Пузур ведущий под уздцы своего верного кунгу. По его усталому и понурому виду, они догадались, что поиски его не увенчались успехом.

– Нигде не нашел. Немного отдохну и опять пойду. – Выдохнул он из себя, не смея поднять глаз от стыда.

– Где ты ее уже искал Пузур? Давай я поищу в этот раз.

Не замечавший до того Аша, Пузур от неожиданности вздрогнул, и тут же просветлел от радости, когда наконец заметил.

– Ааа, Аш это ты? Я знал, что ты вернешься, знал, что не бросишь. Как хорошо, что ты здесь. Теперь-то мы ее точно

найдем.

– Найдем, конечно, найдем. Только расскажи, что случилось, отчего она не с вами?

– Да-да, я тебе все расскажу. Давай присядем, поедим. Тебе ведь надо подкрепиться с долгой дороги, да и набраться сил для поисков. Это очень утомительно в этом огромном городе. – Пузур будто не решался, сразу выложить всю правду.

– Долгой? Ээх Пузур, знал бы ты как ошибаешься. – Посетовал Аш, сядясь за нехитрую скоморошью трапезу. – Войска-то Загесси уже стучаться в ворота Киша, дня два и они уже будут под стенами если их не остановить.

– Уже так близко? – Ужаснулся гальнар.

– Да. И пока они только готовятся к предстоящему сражению, нам нужно скорее отсюда улепетывать А-то наши войска, я вижу не торопятся вступить в бой.

– Как же. Решатся они. – Ругнулась Эги. – Один раз, вон решились. До сих пор от страха поджилками трясутся. А Гир дуралей, завлекся на красные словца о защите родных дымов.

Аш осекся в недоумении, дивясь не столько нелестному званию, коим она наградила их друга, сколько горечи с какой она про это сказала. Заметив замешательство, Пузур решил все прояснить.

– Ты знаешь, а ведь Гир погиб; наш бедный, несчастный Гир, сгинул на этой проклятой войне. – Выдохнул он с похо-

ронной скорбью.

– Как погиб?! Как такое возможно?! Вы точно о том знаете?! Кто вам рассказал такое?! – От столь ужасного известия, Аш даже вскочил. В его голове никак не могла поместиться мысль, что такой бравый и сильный вояка как Гир, может вот так просто сгинуть.

– Я знаю, вы недолюбливали друг друга, но я вижу, что для тебя это новость так же горька как была для нас.

– Недолюбливали? Поверь мне Пузур, я всегда относился к Гиру с уважением, а то, что мы не были близки, не значит, что мы недолюбливали друг друга, просто мы разные с ним.

– Только не пытайся делать вид, что оправдываешь его – снова вмешалась жена гальнара, – Пузур вот старше нас всех, однако с ним вы близко сошлись. Может ты его просто побаивался, но он-то тебя не очень любил, и ты это знаешь. А все из-за чего? Из-за внимания несносной девчонки. Обнадежился обещанием старого дурня, что она заменит ему его изменницу-жену и размечтался, а девчонку и спрашивать не стали. Считают, что у женщин и чувств нет, и их можно как телок под любых бычков подкладывать.

Последние ее упреки были в сторону мужа, поэтому он виновато замаялся:

– Ну, что ты такое говоришь Эги?

– А что, не было такого?! – Осадила его попытки возразить Эги и продолжила. – Потому и невзлюбил он тебя, что ты приглянулся маленькой Нин. Будто она бы его полюбила.

Я думала, что хоть с тобой ей счастье будет, что ты не такой как другие. Потому и поговорила с Гиrom, чтоб не беспокоил ее почем зря. А ты, такой же.... Вот он и ушел на войну и погиб, пропал, совсем пропал, бедный, несчастный Гир. А теперь и моя маленькая доча.... где она?

Пузур бросился успокаивать разрыдавшуюся женушку, обещая отыскать маленькую бродяжку, но та только махнула рукой и спряталась в возок.

Аш еще больше забеспокоился, и немедля засобирался, так и не прикоснувшись к еде. Чтоб не привлекать ненужного внимания, он замазался и укутался в старушечьи тряпки, так, чтоб легко можно было затеряться в толпе, хоть среди таких же старушек, дабы ничто не выдавало в нем переодетого юношу. А хоть и уставший, гальнар все суетился вокруг юноши.

– Значит, сейчас пойдешь? Не подождешь? А-то бы вместе. – Неловко топчась возле него, без явной охоты предложил Пузур.

– Не надо Пузур, оставайся, ты же только пришел. Отдохни лучше. А я быстро пройду по городу. Я уже тут успел освоиться, и знаю, что и где.

– Вот хорошо, если так, значит, быстро ее найдешь. А-то я все ноги истоптал, да и верхом ездить не приучен. Хоть отдохну с дороги.

Провожая, Пузур сказал, что Нин чуть не погибла, когда узнав о смерти Гиры, бежала в порыве смятения, и он едва

успел ухватить ее у самого обрыва.

– Она хотела убиться?! – Аш не на шутку испугался, что и в этот раз она захочет это сделать.

– Убиться? О, нет. Слава богам, наша девочка умна не по годам, и понимает, что ее смерть лишь прибавит нам горести. Ведь мы любим ее и будем страдать и плакать, если ее вдруг не станет. Она и сама была напугана тем, что чуть не лишилась жизни из-за того, что предалась отчаянию. Но, знаешь в чем дело. Это, кажется, что-то перевернуло в ней, что-то, что заставило ее быть решительней. Она вдруг начала говорить опасные вещи, что во всем этом, в смерти Гира и войне и лишениях, виноваты жадность и корысть тех, кто должен заботиться о нас, что им надо напомнить, что завещали боги. О том, что нужно рассказать об этом людям, что люди поймут и встанут и спросят с них о великом завете. И как мы не старались, нам никак не удавалось ее переубедить, она была упряма и стояла на своем. А мы, ты понимаешь, не решались перечить после пережитого ею, чтоб не делать больно. Лишь только получилось уговорить ее подумать об этом завтра, и она как будто послушала нас и осталась на ночь. Потому мы уже надеялись, что до утра она остынет и выбросит из головы свои мысли. Но наутро, мы ее уже не нашли, а с ней пропал и ее любимый бубен с бубенцами. И мы поняли, что вопреки обещанию, она все-таки задумала сама осуществить задуманное.

Рассказ гальнара еще больше встревожил сердце юного

эштарота, понявшего какой опасности подвергает себя маленькая бродяжка.

– Возьми осла, верхом же быстрее.

– Да я тоже верхом на осле не ездил. Ничего, я хоть и бабушка, быстро хожу.

– Ты, однако, осторожней, как бы с твоим бегом не узнали, что ты не старая баба, а юный муж. – Не оценил шутку скоморох.

Шагом быстрым насколько позволяла старушечья согбенность и ковыляющая походка вперевалку, Аш поспешил в сторону храмовых площадей, куда скоморохи не смели даже показывать носу.

Обойдя несколько улиц со своими песнями и не найдя понимания среди редких прохожих, встречая лишь косые взгляды, Нин утешала себя мыслью, что в первой половине дня людей на них мало, так как все заняты делами насущными и им не до песен. Однако она успела привлечь к себе внимание, и это ее радовало. Ведь каждый увидевший ее, сможет рассказать о ней другим, и к вечеру народ соберется, чтоб послушать песни иные, не такие как привыкли здесь слушать, песни вдохновляющие простых людей, а не просто восхваляющие богов и именитых и богатых людей. Оттого, что люди спеша пробегали, Нин приходилось выкручиваться, распевая хоть и короткие, но подзадоривающие и колючие припевки, услышанные в Лагаше, подслушанные у лю-

дей в их долгом переходе по многострадальным землям Калама, или сочиненные самими. Несмотря на краткий слог, в них народный разум успевал вложить многое: и плачь о трудной судьбе, и жалобу на несправедливость устройства родной земли, и злую насмешку над жадными и бессовестными богатеями и чиновниками, над жестокостью стражей и лицемерием служителей храмов. Она увещевала словом, взывая людей к самоуважению, напоминая о нравах тех, кто называет себя лучшими, а на поверку оказывающихся лишь жадными глупцами; а затем, постукивая в свой звонкий бубен, заводила:

Дурак возжаждав молока,
Надумал подоить,
И выбрал в стаде среди коз облезлого козла.
Наверно б бился целый век,
Чудак наш без конца,
Когда б, не спробовал рога
Сердитого козла.

За глупость плачутся всегда,
Но только не в урок,
Раз лезут дурни иногда
Драть с нищего оброк.
О чем тогда тут говорить,
Коль так у них всегда,

Заставит знать, наверняка,
Доиться и козла.

Она призывала жен и матерей требовать от своих правителей не губить жизни отцов и сыновей, и вернуть их с полей сражений на поля урожайные, замирившись с воинственным соседом. Если же правители не хотят мира, то пусть они сами и воюют, а не забирают чужие жизни. И тут же запевала:

Грозился лис курятник разорить,
Чтоб как цыплят задир передуть;
Бахвалился всех кур перетоптать,
Попрать своей мохнатой лапой,
Но лишь заслыша лай соседских псов,
Смельчак наш был таков.

Пропев услышанное где-то на юге, она добавляла свое, навеянное пережитым:

Вопросов нет к такому храбрцу,
Вопрос всего один:
Зачем лисят ты бросил?!

Вопреки ее ожиданиям, люди не собирались толпами вокруг, как это было всюду прежде, но усердно увиливали от нее, испуганно шараясь от кощунственных призывов и пе-

сен, или хмуря брови, сердито ворчали и пробегали мимо, иные же осыпая проклятиями, стращали градскими и гнали со своей улицы. Не добившись желаемого в одном месте, Нин подобрал полы и подхватив бубенец, поцеловав на удачу, своего мышонка, упархивала на другую, не такую неприветливую улочку, но там повторялось такое же снова, пока кто-то, пылая праведным гневом, угрожая побить и крича городскую стражу, не попытался ее задержать. Это не на шутку напугало девушку, охладив пыл обличения, и заставил отказаться от своего замысла.

Пробираясь до оставленного становья, девушка мысленно ругала себя за то, что не послушала мудрых советов старших, отговаривавших ее от необдуманного поступка. Надо было хотя бы дождаться их. Неужели не пусты были опасения Аша с Пузуром, выступать в этом городе. Неужели правы суждения о самодовольстве сытых, и их не волнуют судьбы тех, кому не посчастливилось так же как им, но единственная их забота – подобно свиньям оставаться в сытости и дальше, трясясь за мнимое благополучие, славя хозяев и проклиная недовольных, раскормленными лежать в своей грязи. Раздавленная осознанием бессильности перед неумолимой действительностью, Нин осторожно кралась вдоль ставших вдруг такими опасными узких улочек. Из опасения вновь встретиться с грозившими ей недоброжелателями, маленькая бродяжка выбирала другие, не пройденные еще дороги, которые – как ей казалось, должны были привести ее к дру-

зьям, отчего путь ее становился лишь дольше, и страшней своей бесконечной безысходностью. Надежды не встретить нежелательных теперь горожан, оправдывались, но никогда в своей недолгой жизни Нин не испытывала такого необъятного одиночества, блуждая по притихшим улицам чуждого города. Дрожа не то от страха, не то от вечерней прохлады, скоморошка воспрянула духом, увидав свет открывающейся площади, когда услышала за спиной скрежет злобного голоса:

– Вот она!

Обернувшись, Нин вздрогнула, увидев, как много людей идет вслед ей, таких же озлобленных, как и прозвучавший окрик, заставивший ее оглянуться. Взяв себя в руки, скоморошка ускорила шаг, утешая себя мыслью, что все эти люди собрались по другой, своей, не касающейся ее причине. Но шедшие за ней люди, не отставали и тоже ускорились. Тогда она еще прибавила шагу, но и сзади, быстрее зашлепали босыми и обутыми стопами. Девушка с ужасом отметила, что преследователей стало больше. Сердце колотилось, но преодолевая страх, она все же продолжала свой путь. Пройдя некоторое время с хвостом преследователей, девушка с облегчением подумала, что этим все ограничится, и когда путь ей перегородили ухмыляющиеся люди, оглушенная то ли страхом, то ли усталостью, просто думала обойти их. Но преследователи, не думали ее так просто отпускать. В мгновение ока вокруг нее образовалась толпа: старых, молодых

и не очень, женщин и мужчин, В отчаянии Нин ринулась в просвет не закрытой еще бреши, но выросшие тени грубо толкнули ее в захламленный обшарпанный угол.

– Птичка в клетке! – Подытожил кто-то итог преследования.

– И мышь в мышеловке! – Заметив примостившегося в одеждах бродяжки подарок лагашской сиротинки, под одобрительный хохот шутил другой.

– Глядите, как глазками захлопала.

– Хе-хе, как вертится. Взапрямь, точно птичка на шесточке

– Что с ней делать будем? – Перебил издевательское веселье хмурый голос.

– А, что-что. Судить.

– Может стражей позвать? – Послышалось неуверенное предложение молодого голоса.

– Стражей, ага, священных. Сейчас побежим всех стражей выдергивать, от дел отрывать. Будто работы им не хватает.

– Верно! Сами с ней разберемся! – Раздались крики.

– Она возводила поклеп на великого Ур-Забабу!

– Лучшего из лугалей!

– Эй ты, сознавайся! Тебя унукцы подослали, чтоб ты тут крамолу разводила?!

– Отвечай! Чего молчишь, побирушка?! Проклятая изменница! – Больно толкнул ее кто-то в плечо.

– Она поносила, господа нашего Ан-Энлилия!

– Смерть богохульнице!

– Смерть!

– Сами ее засудим! Нашим судом! Будет знать, как хулить и крамолу разводить!

– Чего ждать?! Бей ее!

Нин зажмурилась. Все время пока решалась ее судьба, запуганная скоморошка озиралась на своих мучителей, словно затравленный псами зверек, вздрагивая от страха всякий раз от торжествующих криков решающих ее судьбу и сжимаясь от толчков и пощечин.

– Тихо-тихо! Мы же не какие-нибудь унукцы, и не расправляемся как варвары без суда с неугодными. – Остудил горячие головы, человек вида праведного, видно имевший большое влияние на эту казалось необузданную толпу, потому, что его слова возымели действие и все сразу замолкли. – Преступницу надо судить по закону.

Раскрасневшаяся Нин выдохнула, появилась надежда на честный суд, где выслушают ее объяснения, и который, если не освободит совсем от наказания, то даст отсрочку, а там, она верила, Пузур и Эги освободят ее, им самим известными путями. А пока, в окружении ненавидящих ее, а потому страшных и совершенно чуждых ей людей, она тихо сидела, стараясь не глядеть в их сторону, не обращая внимания на все их крики и всклоки, глядя единственное, оставшееся теперь с ней на этом свете родное существо. От прикосновения к теплу тельца и нежности мягкого меха, станови-

лось легко и спокойнее. Она пропускала мимо ушей разговоры о том, какую участь ей хотят уготовить эти озлобленные люди, не слышала как кто-то суровый, что-то решал и взвешивал на весах своего правосудия, и ввиду тяжести ее проступка в глазах верноподданных, коль дело касалось богохульства и поношения властей, разрешил судить ее на месте. После недолгих споров, под крики одобрения и ликования, в соответствии с забытыми законами дикого прошлого, судьи, так неожиданно оказавшиеся среди преследователей, вынесли свое решение.

«Побитие камнями!» – Пробудив громом небес, зловеще донеслось в сознание девушки, ожидавшей полагающегося увода стражами и судебной тяжбы.

С неопишущим ужасом глядя на своих палачей обступивших ее с камнями в руках, готовых исполнять предписание приговора, она в отчаянии пыталась отогнать от себя это видение, неловко хватаясь за черепичный сор, на который ее загнали, и кидала, кидала в сторону своих мучителей, пока стук в голове не замутил ее взора. Перед глазами все плыло и темнело, в нос ударил удушливый запах крови, а голова звенела и гудела, растрескиваясь от боли, и все ее тело, тоже стгорало от мучений. Поначалу она прикрывалась, защищаясь от разящих камней, вскоре не имела сил даже и к этому, и только сознание отчаянно цепляясь в клокочащем сердце, еще сопротивлялось, но и оно угасло, тихо уйдя в небытие.

Аш шел наудачу, не зная, где именно следует искать Нин. Он, конечно, обманул Пузура, и не мог знать где она может находиться, как и то, что не смог бы освоиться в незнакомом городе за столь краткий срок. Обманул, лишь оттого, что ему дорог был каждый миг, а уставший и немолодой уже скоморох, с его пузом и одышкой, был бы ему только в тягость. Он шел скорым шагом и иногда переходил на бег, и встречающиеся люди с удивлением поглядывали, как древняя старуха вприпрыжку проковыливает по улицам их города, почти не опираясь на свою клюку. А он забыл, что нужно следить за собой, чтоб не раскрыться; ему было не до этого, не до того как он выглядит в чужих глазах. Он об этом просто не думал сейчас, весь погруженный в заботу о том, как бы скорее найти ее, и чем скорее, тем лучше, пока она не успела натворить дел и обратить на себя внимание тайной стражи. Он пробовал выпытывать у прохожих, но на все вопросы про одинокую и юную скоморшку, те лишь пожимали плечами и проходили мимо, молча или проворчав что-то невнятное. После блужданий в пустынных улочках и многолюдных даже в вечер площадей, его увлек шум перекрывающийся шумом строительства небесных врат, не утихавшего до самого захода солнца и не прекращавшегося даже ночью. И даже сейчас еще, когда к их городу вот-вот готовы подступить вражеские воинства, он поднимался, чтоб не колебить веры в единого бога Энлиля и божественность власти его верного последователя и помазанника. И освящаемые возведением божьего

дома глиномесы и строители, все так же продолжали лепить, мешая растворы и уминая вязкость смеси. Зато по-животно-му чуткие к переменам полуварвары киуррийцы, чувствуя неладное, все меньше стали проявлять усердия, постепенно растворяясь среди множества языцев.

Влекомый чувственным слухом, Аш ринулся туда, откуда звуки доносило ветром. Он почти бежал, насколько позволяли посох, путавшийся в полах платья, и усталость ног, едва оправившихся после болезни. Он был уверен, что шум этот вызван Нин. Но оттого, что шум этот мало походил на крики восторга, предчувствие, которое он старательно отгонял от себя, не отпускало его. Едва завидя люд, расходившийся с достоинством выполненного долга жертвенности, ему уже все было понятно, но разум отказывался принять такое – невозможно жестокое к чистоте невинности. Прорываясь сквозь ликующую толпу к месту свершившегося избиения, среди куч битой черепицы, он не сразу заметил разбитое тельце, нашедшее свой покой под грудой каменных булыг. Он все еще надеялся, что ошибается, но лишь взглянув на грязную от стоптанной пыли пятку, торчащую из-под завалов, потерял любые чаяния. Он бы узнал эту пятку среди тысячи, по ранке – которую сам обрабатывал снадобьем, и бережно придерживая раненную ногу, перевязывал повязками. Поперхиваясь от подступающего к горлу горя, не чувствуя больше сил в членах, Аш рухнул на колени. Спасаясь от убийственных ударов, скоморошка невольно свернулась,

да так и осталась лежать прихороненная каменным градом, которым ее так обильно попотчевали гостеприимные хозяева. Яростно разгребая из-под завалов ее мертвое тело, Аш не ощущал иных чувств, кроме чувства великой скорби, не замечая глубоких порезов и ссадин на руках, не чувствуя боли сломанных ногтей, пока недовольный окрик не напомнил, что он здесь не один, и рядом те, кто повинен в ее смерти:

– Эй, бабка, отойди от богохульницы!

Этот возглас пробудил его от мги застывшей разум горечью. Оборотясь он думал застыдить их, взывая к совести, чтоб пробудить человеческое.

– Что же вы сделали?! Что вы натворили?! Она ведь просто пела, а вы убили ее! – Надрываясь, кричал он, захлебываясь подступавшими к горлу слезами, и охрипший от горя голос не выдал его, прокряхтев вороньим граем. – Еще совсем дитя, не познавшее радости взросления, бесхитростное и доброе. Она вверилась вам, веря в любовь и людское сострадание! В вас!! А у вас в душах не всколыхнулось ни сострадания, ни жалости, не дрогнуло руки когда вы поднимали камень, чтоб отнять ее невинную душу!

Но в ответ он слышал лишь недовольства и угрозы.

– Иди-иди старуха, а то и тебе достанется. – Говорил кто-то.

– Вышвырните ее, чтоб не нарушала приговора!

Видя их раздобренные сытой жизнью, полные самодовольством содеянного лица, без выражения жалости или

капли раскаяния, гнев обиды охватил Аша, а кипевшая и бурлившая от негодования молодая кровь, вырвалась наружу безудержной бранью.

– Вы – не люди! Зачем она доверилась вам, веря, что в вас осталось человеческое?! Вы звери! Вы – гулла, вы – нелюди! Вас покарают боги! О, Нинурта, обрати свой взор! О, Сатарана, снизойди! – Взывал он, глотая слезы.

– А ну, пошла прочь! Гоните ее! – Крикнул напуганный голос, торопясь заткнуть старухе рот, пока она не наворотила бед своими проклятиями.

– Да эта оглашенная старуха, верно с ней заодно; такая же охульница и изменница! Ее тоже надо судить! – Заорал кто-то из разгоряченных палачей.

Другой вторил:

– Не смейте отпускать эту охульницу, пусть отвечает за свои слова! Хватайте! Держите ее!

– Да вы что?! Она же старая, пожалейте седины! – Вступились за него другие палачи, почитающие себя справедливыми и милосердными. – Мы не унукцы, и не воюем с полумными старухами!

– А что это вы за нее заступаетесь, жалостники?! Может вам и богохульницу жалко?! Слабоверцы!

– Мы не слабоверцы! – Замявшись, стали оправдываться заступники. – Просто, нельзя же, всех безумцев хватать и казнить!

– А что, безумцев жалко?!

– Замолкните все! – Вмешался в спор строгий господин, видно главный над ними, и все сразу примолкли. После чего он обратился к переодетому юноше. – А ты старушка, иди с миром, оставь приговоренной – ее участи истлеть на ветру. Душам богохульников и после смерти не иметь покоя за свое богохульство, и тела их тоже не достойны погребения. Уходи, не раздувай пламени раздора, а то не спасут и седины.

Оглядевшись, Аш не увидел среди этих самодовольных убийц, ни одного раскаивающегося взора. Лишь кое-кто из мнимого уважения к годам, скривился в ужимке сострадания к безумию старости. Ему хотелось накинуться на них с яростью урса, и, впиваясь зубами в эти гогочущие глотки, разбрызгивая кровью – вырывать им яремные жилы, чувствуя, как остывая, их ничтожные жизни тихо угасают в его пасти. Только память о бродяжке, не принимавшей жестоко-сти, и желание похоронить ее как положено, заставили его не поддаться разъярившемуся чувству. Осознав, что ему не дадут унести тело, он не стал больше испытывать терпения толпы, дав зарок, когда все утихомирится, вернуться за ним под покровом тьмы. Поправив задревшийся подол платья убитой подруги, он видел ее, пока еще такую, какой она была. Глядя на ее умиротворение, не хотелось верить, что ее не будет больше, и что кровожадный Нергал уже уносит безвинную душу в край вечной ночи. Бедняжка будто просто спала, укутавшись и сжавшись в комочек от холода и злобы людских сердец. И казалось, разбуди ее сейчас, она проснется и тут же

подскочет, виновато улыбаясь своей сонливости, задрезбезджит заразительным смешком, и, напевая звонким голосом, побежит по дорожке к их пристанищу. Тело ее, чуть прикопанное камнями, все еще было здесь, и только разбитая губа и раны на лице, да кровавые и неестественно изогнутые пальцы разбитых ладоней, которыми она пыталась прикрыться, напоминали о том, что произошло с ней. Но то – было только ее разбитое тело, уже ставшее трупьем для пищи падальщиков, а ее самой: веселой, доброй, и совсем еще по-детски простодушной и вместе с тем рассудительно справедливой и мудрой, какой она помнилась ему, уже здесь не было.

Ему хотелось верить, что она все еще здесь где-то рядом, или ушла в лучший мир, где покой и нет всего этого зла, которое ей пришлось перетерпеть в недолгой жизни. Но страх уже посеял в нем сомнения: а что если и ей выпало несчастье разгневать сумасбродную хозяйку сумрачного мира, и она испытывает страдания вечного хлада и голода, и вечный сумрак насылает на нее злобные тени, либо еще какие муки, неведомые живущим, какие только могут прийти в головы посмертным судьям. А причина нелюбви к ней хозяйки Кур могла случиться, за его привязанность к ней, за ее любовь к нему, к тому из-за кого Эрешкигаль с ее суровыми бесстрастными судьями довелось испытать срам смертельного унижения и испуга, который они привыкли наводить на других, а не испытывать сами. Но больше всего его охладила ужас

от мысли, что она просто исчезнет в небытии, так, будто ее и не было никогда и вся ее жизнь это миг страданий в бесконечном и бездушном движении вечности, а все что остается им, это лишь память о том чего нет. Его терзало чувство вины, оттого, что не сумел оправдать ее ожидания при жизни и предал тогда, когда больше всего был нужен, увлекшись мнимым чувством к расчетливой и самовлюбленной красавице.

Сжав до боли в ладонях оберег с неистовством богомольца, Аш молился за ее спасение сразу всем богам, в надежде быть услышанным хоть кем-то. И ему подумалось, что его мольбы были услышаны, когда из-под черепичных завалов вынырнула мордочка любимца юной бродяжки. Принюхиваясь к предзакатным лучам заходящего солнца, словно зная, что его здесь может подстерегать опасность, мышонок, осторожно нащупывая лапками дорогу к свету, выходил из своего убежища. Глаза эштарота налились слезами горечи и умиления к этому маленькому существу, не предавшему ее как он, и ему захотелось взять его с собой как память о Нин и в благодарность за то, что он был с ней в ее тяжкий последний час. А тот, словно понимая своим маленьким естеством и помня, кто здесь друг, принюхавшись к вытянутой ладони, доверчиво ступил в нее своими цепкими маленькими лапками. До сего равнодушный к питомцу скоморошки, Аш верил, хотел верить, что в нем была она, живая частичка ее души, что и она не кончилась с кончиной тела, и жизнь ее

бьется вместе со стуком сердца маленького существа. Принимая под защиту слабое животное, с осторожностью, чтоб невольно не поранить, взяв его в руки, сквозь теплое и пушистое тельце, ладонью он чувствовал трепыхание маленького сердца, и слабая надежда готова была вспыхнуть в нем новой жизнью. Он уже думал схоронить его за пазухой, когда его взор приковало видение чуда, возникшего впереди этой безжалостливой толпы. Явление удивительное вдвойне, оттого, что Ашу показалось, что возникло оно будто ниоткуда, словно дивный дух, явившийся светлой волей богов. Ребенок, совсем еще малыш, голыш еще даже не болтливый, может годов двух-трех, а может и меньше. Его не было еще только, и вот он тут, стоит преред ним, перепачканный, лучезарно улыбаясь и лопоча что-то по-детски. Он тянул к нему ручонку, прося милое и пушистое существо, так нравящееся детям, и Аш словно замороженный вручил его ему. Ему казалось, что Нин сама бы этого хотела, ведь она так любила детей, и, отдавая любимца бродяжки, он исполняет не только ее желание, но выполняет самую волю богов. Он страстно желал верить, что радость, привнесенная этим зверьком ребенку, сделает счастливой и ее, и ее душа перейдет в край мертвых упокоенная; что пока его кто-то любит и лелеет, она будет отходить от раны человеческого безумства. Аш бережно поднес мышонка в детские ладошки и груз тягот о судьбе юной бродяжки, уже не давил на него так сильно.

Следующее случилось так неожиданно и быстро, что рас-

торопность подвела чуткого эштарота: ребенок, жадно схватив мышонка пухлыми ручонками, зажав животное в объятиях, покрутил кулачок. Аш не успел приоткрыть и рта, как вслед за писком послышался хруст, и тельце несчастного животного безжизненно повисло в руках малыша. Под смех и одобрительные восклицания, малыш был унесен заботливой мамашей, вслед стали расходиться и остальные, не имея больше причин оставаться на месте совершенного убийства. А опустошенный юноша тихо побрел прочь, не замечая, что уже снова ковыляет по-настоящему, от воспалившегося увечья, что-то сломалось в нем, там где-то внутри, переломилось вместе с хрустнувшими позвонками любимца Нин. И ему не хотелось больше думать о ком-то, или о чем-то, о чьих-то страданиях или боли, ему просто хотелось уйти от этого проклятого, безумного города, чтобы не видеть и не слышать больше этих людей, не имеющих ни чести, ни совести, ни жалости, ни сострадания.

Он вернулся потерянный и разбитый, прихрамывая едва волоча ноги, с перекошенным, посеревшим от горя лицом; и скоморохи по одному его виду все поняли без слов и не стали задавать вопросы, когда он молча слег от задавившей его усталости и отрешенности, чтоб скрыться от всего этого в забытии. И только Эги взвыла осиротевшей волчицей; и только Пузур с досады на свое бессилие, рвал остатки волос на голове; и глупый Хувава все понял и тихо утирал сле-

зы в сторонке; и даже осел молча кивал головой.

Во сне, в том забытии в котором был, он видел как стая гиен и шакалов, окружив молодую лань, хохотала щелкая зубами, а он не мог поднять членов, чтоб поспешить помочь ей, а крик не вырывался из пересохшей гортани. Ночной полумрак и холод тишины вокруг всего этого, напоминали ему о мертвых чертогах Эрешкигаль. Осознавая, что все происходящее не явственно, он силился пробудиться, но все больше засасывался в эту действительность. В ужасе он наблюдал, как падальщики набросились на беззащитное существо, разрывая молодую плоть, и радуясь кровавыми оскалами, злобно посверкивали в его сторону маленькими злыми глазками, пока голос, вызывающий откуда-то издалека, не спас его, выведя из оцепенения.

Осилив отяжелевшие веки, и отогнав, наконец, страшное видение, Аш не сразу узнал в осунувшемся старике неунывного гальнара, когда увидел перед собой его лицо; так сильно потрясла его смерть приемицы. Как и всех в их маленькой ватажке.

– Соберись сынок, надо уходить из города. – Разбудив, торопил его Пузур.

– Никуда я не пойду, пока она там! – Возмущался Аш, в отчаянии от того, что не сможет сделать для нее даже то малое, что мог бы сделать для нее после смерти.

– Тихо-тихо, успокойся, она здесь. – Унял его порывы гальнар.

Сердце юного эштарота забилося в надежде, что девушка, чье тело он сам оплакивал и укрывал от чужих очей, чудесным образом выжила. Но тут же оборвалось от горечи, когда он увидел ее труп и скорбно сидевших над ним скоморохов и их соседей по пустырю – бродячих музыкантов.

– Присядь на дорожку Аш. Сегодня она будет с нами, а завтра мы проводим ее туда, где ее давно ждут. – Умиротворенно говорила Эги, поправляя веночек из полевых цветов и диких трав на голове покойницы.

Казалось, она не сердилась на него, выказывая доброе к нему расположение, но Аш понимал, что это оттого только, что неупокоенная душа Нин не вынесла бы ссор и криков близких ей людей.

– Не сердчай, все серебро, что ты принес, мы отдали стражам, чтобы вызволить ее. – Пояснил Пузур, разгадав раздумья Аша. – Но надо поспешать, вдруг они надумают вернуть ее обратно.

Аш понял, что пока он плутал в забвении, Пузур с музыкантами, с которыми они сдружились общими выступлениями на пустыре, успели тайно проникнуть на место глумления над бродяжкой, и, подкупив стражей, принесли тело несчастной Нин.

Молча посидев с покойницей, бродяги так же тихо направились с телом к возку за стены, чтоб увезти ее подальше от города, где над ней так жестоко надругались.

Ее похоронили на берегу под белыми ивами, чтоб прохо-

дящие спускающейся тропой, на удачу делились с ней яствами, и она никогда бы не испытывала нужды и голода в сумрачном мире Эрешкигаль. Свернувшаяся клубочком, с подложенными под ушко ручками, она будто отсыпалась, за все лишения выпавшие ей в жизни, видя приятный и чудесный сон. Так ее и опустили в могилу, на усыпанное листвою ложе, не смея тревожить печальное умиротворение смерти. Вместе с ней положили ее маленького друга, единственного остававшегося с ней до конца и разделившего ее участь. Эштарот как ишим и супруг небесной госпожи, обратился к своей госпоже и духам, о заступничестве перед гневом своеправной Эрешкигаль и ее ненасытного мужа Нергала, взывая к справедливости Сатараны и бесстрастности судей аннунаков. Совершив нужный обряд, скоморохи несколько успокоились, утешившись сытной и спокойной жизнью Нин в царстве мертвых.

Проводив в последний путь Нин, не прощенным, Аш спешил уйти и от осиротевших из-за него скоморохов, чувствуя, что Эги никогда не простит ему гибели младшей подруги, да и гальнар не сможет забыть.

– И куда ты пойдешь один? – Гальнар, как и Аш понимал, что после смерти скоморошки, как прежде уже не будет, и не настаивал и не просил остаться, спросив скорей, чтоб не расставаться молча врагами.

– Я обещал козлотородому, и я должен завершить наш

договор.

– Ты же говорил, что он дал тебе волю подумать.

– Я подумал. – И приняв молчание Пузура за укор, прибавил. – Пузур, не стыди меня, я должен раздать долги. Я не в силах так, не могу оставаться должным.

– Что ты. Кто я такой, чтоб перечить воле высших? Долги наши, все в их ведении, как и грехи.

– И это правда. Путь мой предначертан в скрижалях Намтара, предназначен в помыслах Инанны, наказан заветами ушедших, предопределен молитвами сироты. – Мрачно, но четко, словно молитву выдавливал из себя Аш.

Он тяжело вздохнул, и, застыв в снисходительной ухмылке, спрашивал, и, не дожидаясь утвердительного ответа, тут же отвечал, словно боясь не успеть поделиться сокровенным:

– Пузур, ты же знаешь, как учитель дал мне имя? А-аш-ме-ди, это ведь не то имя, которым меня нарекли там, где я жил. Он наверно, говорил тебе, что в бреду горячки я зывал к надежде на языке моего народа, и потому он посчитал нужным оставить мне ее в моем имени. Что это имя принесет счастье и мне, а через меня и людям. Он мне часто повторял это, изо дня в день, наставляя, чтоб я помнил о том и всегда следовал заветам мироздания. Бедный абгал, если б он хоть подозревал, как ошибался, придавая молитве варвара столь светлые зывания. Я вспомнил теперь. – Пузур невольно отшатнулся от яростного пламени в глазах юноши ставшего вдруг чужим, от его сдвинутых бровей, от разду-

тых, пышащих жаром ноздрей варвара севера. – Не надежда, звучала из уст сироты, но воззвание к покинувшим нас богам о мщении и возмездии, за все то зло, что вы принесли на нашу землю, за вероломство и кровь, за слезы; за убийство моих единокровцев: стариков, женщин, детей; за мать.

Блеснувшие в глазах эштарота слезы и дрогнувший голос, при воспоминании о матери, заставили забыть Пузура про гнев враждебности, с которой сыпался его молодой товарищ. Он по-отечески положил руку на плечо юноше, чтоб поддержать в скорби и успокоить внезапно вспыхнувшую ярость.

– Не надо – остановил гальнара Аш, когда Пузур вспомнил, про личину оставшуюся в возке. – Зачем она мне? Мне не придется больше рядиться в него. Оставьте себе. Плут-Переплут хорошо кормил нас, пусть и дальше вам помогает. Пусть он защищает вашу правду.

Он не надеялся, что этим малым, хоть немного отплатит, за все то добро, которое получил от них, что смягчит все то, что пришлось претерпеть им из-за него. Хотел просто, уходя хоть чем-то поддержать разоренных бродяг, отдавших последние слитки за тело несчастной скоморошки. Только это, он мог оставить им.

Прощаясь, они заверяли друг друга, встретиться когда-нибудь, буде пути их сойдутся вновь на пыльных дорогах Калама. Тут же на зов гальнара подошли попрощаться и остальные, и Эги совсем не строгая приобняла его и глупый

Хувава расплакался как ребенок, и их новые товарищи кивнули, желая доброй дороги. И, провожая молодого товарища, расчувствовавшийся Пузур обнял юношу, не стесняясь побежавших по вспотевшим щекам слез. Старый скоморох понимал пустоту своих слов, и, что вряд ли когда-либо он увидит еще этого доброго и прямодушного чужака, ставшего для них уже родным, а он, так же как и его старый друг абгал, успел прикипеть к нему как к сыну. Но также понимал, что ни они, ни он, не смогут оставаться как раньше: слишком горьких случилось потерь, не избежать взаимных упреков, не посмеют ни взгляда поднять в глаза друг другу, да и пути их расходятся надолго. Те же мысли гложили Аша, когда щемя сердце, он оставлял этих веселых людей, но старался не подавать виду, полагаясь своей судьбой предначертанной высшими богами.

– Так должно быть. – Горделиво выпрямив спину, сухо отчитала всплакнувшего мужа Эги, когда взглядами провожали они одиноко бредущего в неизвестность путника.

2. Откровение.

Войска противников, готовились основательно к предстоящей осаде. Для обороны Киша стянулись полки со всех окраин севера, а со стороны юга веяло грозными ветрами союза южных городов и Нима, и осада обещала быть кровавой и затяжной. Оценив возможности обороняющихся, Аш со знанием заправского полководца, прикинул сколько еще простого люда вокруг поляжет, для спасения душ и богатства

и утешений самолюбия лучших людей. Только чудо могло ускорить конец этой бессмысленной войны, и это чудо должен был совершить он. Самому ему было все равно, сколько положат друг друга убийцы его народа, но главный виновник всего сидел в Кише.. А с ним засели и те, кто убил его учителя, кто так жестоко поступил с Нин; а чуда от него ожидали их враги. И они его получают.

Не успев даже подойти к передовой унукского войска, он был тут же остановлен сторожевыми отрядами, несмотря на то, что старался быть неприметным и старательно изображал из себя богомолицу. Столь сильная предусмотрительность разительно отличала руководство союзного войска, от разброда и растерянности кингалей кишского воинства, не додумавшихся отправить обходом вдоль границ отряды ополченцев. Поняв, что бесполезно, что-либо объяснять рядовым ополченцам не толкующих в тайнописи, Аш смиренно последовал за ними, благодаря богов за невесть откуда появившуюся законопослушность у унукцев, до сей поры не чуряющихся убийствами странствующих богомольцев. Видно иноземцы крепко взялись за порядок в войске своих подопечных союзников после разгрома в Нибиру.

Воины из полков, мимо которых проходили ополченцы со своим пленником, озираясь, вытягивали в их сторону шеи, стараясь разглядеть, кого тем удалось изловить. Но то ли от лени, то ли из-за приказа не вступать в разговоры со сторожевыми, не поднимали задницу с насиженных мест у костра;

а может пленник в виде старухи, мало привлекал их внимание.

Подведя к шатру своего кингалья старуху, десятник не очень надеялся на благосклонность начальника за поимку какой-то бродяжки, и поэтому от греха не стал заводить ее с собой. К своему ужасу, в шатре он застал военачальника всего их войска. Запинаясь, бывалый вояка начал отчаянно перебирать в памяти как следует приветствовать и обращаться к столь высокой особе.

Терпеливо выслушав вступительное приветствие с обязательным упоминанием своего еще непривычного, но ласкающего слух чина, новый лушар Унука, заменивший бесславно сгинувшего в поверженном Нибиру военачальника, милостиво позволил кингалю отчитать своего подчиненного. Тот принялся расспрашивать десятника, со столь же яростным нетерпением, с каким спокойствием выслушивал перечисление своих званий лушар.

– Нуу, что стоишь?! Рассказывай, с чем пожаловал. Лазутчика изловил, или наступление услышал? – Спросил кингаль, раздраженный поведением подчиненного, срамящего его перед начальством своей бестолковостью и отрывая их от важного обсуждения.

– Оо, высокочтимый лушар Унука; о, досточтимые кингали; да будет милостив благородный совет. – Прежде чем отчитаться, распростерся напуганный десятник, поняв свою оплошность. – Досточтимый кингаль, с той стороны не за-

метно никаких волнений,

– Ага, как высокочтимый лушар и предполагал, все силы сосредоточены у Киша. – Не преминул воспользоваться лестью кингаль шести сотен, теща самолюбивый нрав военачальника.

– На подступах к нашим рубежам тоже спокойно. Так, одна старуха, да и та полоумная.

– И вы ее пропустили??

– О, нет, как можно? Мы, как положено, доставили ее в наш стан, на суд благородного совета.

– Да что с ней делать? Зачем нам эта обуза? Избавьтесь от нее.

– Тотчас будет исполнено.

– Больше ничего?

– Нет.

– Ладно, иди.

– погоди! Что это у тебя?! – Чуть ли не закричал, до того бесстрастно наблюдавший за разговором военачальник.

Десятник, струхнувший от внезапного внимания к своей скромной личности главного, невольно задрожал в коленях, тем более его тут же обступили грозные стражи. Военачальник же, забыв про всю свою особенную важность, подскочил к нему словно безусый новобранец.

– Что это у тебя я спрашиваю?

Десятник лишь недоуменно хлопал глазами, не понимая, что от него хочет столь важная особа, пока, наконец, не по-

нял, проследив за его взглядом.

– Аа, это? – Облегченно выдохнул он, и с простоватой искренностью деревенщины, с гордостью разоткровенничался о своем приобретении, с неохотой передавая его начальствующему лицу. – Да это кольцо, как раз той старухи, что мы изловили. Подарок, так сказать. Все мне его совала, да к главным просилась. Чушь несла, мол, ее тут ждут. Сумасшедшая. Кто ее тут ждать будет? А как она раздеваться передо мной начала, я ее побить и велел. Говорю же, совсем из ума выжила старуха. – При мысли о том, какой страсти он мог подвергнуться, десятника передернуло. – Иш, чего удумала.

– Где ты его держишь? – Дико просипел лушар.

– А что, носить наверно буду. – Простодушно ответил ополченец, не замечая вытарщенных белков военачальника, так как не отводил глаз от властных рук, опасаясь, как бы они незаметно не умыкнули его добычу. – Негодное кольцо, не серебряное даж, потяжче да потускнее будет, будто свинцом налито только крепче; не для лучших людей вещичка, но для нашей простоты сойдет. Господам нужны золотые да серебряные украшения, а мы поплоче, нам можно чего и попроче.

– Где пленницу держишь, спрашииваю, дурак?!

– Так там, снаружи осталась.

Военачальник не сказав ни слова, выскочил из шатра как ошпаренный, и кингаль, рывкнув на провинившегося, поспешил за ним.

– А кольцо-то? – Не надеясь быть услышанным, только и смог высказать им вдогонку десятник, искренне недоумевая, за что на него так взъелся военачальник, и внутренне обижаясь на несправедливые нападки и отобранную добычу.

Выглянув за полог, он застал невероятное, ошарашивающее зрелище, как их высокородный военачальник, заискивающе лебезит перед оборванкой приглашая в свои хоромы. Побледневший от страха десятник, боялся даже представить, какую высокую особу они обидели.

– Досточтимый А-Аш-Ме-Ди, верно узнал тайнопись своего воспитателя? Ты узнаешь их? – Обхаживая вокруг Аша, радостно приговаривал черный нимиец, в предвкушении разгадать, наконец, мучавшую загадку.

– Да, узнаю. – Вынужден был выдавить из себя юноша.

Конечно, он узнал руку несчастного абгала, выдавливавшего эти закорючки, в надежде, что скрытая в них тайна, поможет сохранить многие жизни. Но не спешил сознаваться, что знает их значение, чтоб выторговать себе время и свободу действий, понимая, что от него им нужна только разгадка этих записей, а после от него могут и избавиться как от ненужной опасности.

Нимиец в воодушевлении скорого завершения дела, ликующе потирал руки.

– Да, это письма и чертеж абгала, но я не знаю, что там написано. – Соврал напропалую эштарот.

– Ты же признал письмамена.

– Узнал, да, но учитель не доверял мне такие тайны. Но я смогу разгадать их. – Поспешил он заверить переменчивого нравом чужеземца, опасаясь стать ненужным.

– Добро коль так. – Без прежнего воодушевления сказал нимиец. – Тебе пришлют помощников.

Оставшись один Аш выдохнув с облегчением, приступил к изучению плиток. Нимиец с козлобородым, не ошиблись, считая, что учитель мог доверить ему свои сокровенные знания, научив и своей тайнописи, однако, чтоб вникнуть в нацарапанное, требовалось время. Эштарот оценил старания нимийца и унукцев, предоставивших ему укромный шатер и стражей для охраны его спокойствия, а заодно и его самого от нечаяного побега. Разглядывая записи, оставленные абгалом, час за часом разгадывая сокрытое в них, Аш поражался широте знаний и способности своего учителя, на которые к своему стыду он был не способен. Он мог лишь повторить все то, чему научился, мог даже внести кое-какие правки и доработать, но сделать что-то новое что-то необычное, ему было не по силам. У азу алга было много разных задумок для помощи общинам на земле и строителям в возведении зданий, но, как правило приспособлений требующих многих затрат и сил, и потому все только отмахивались от него посмеиваясь над странным мудрецом. И вот, кто-то вспомнил об его изобретениях и решил воспользоваться ими, но использовать это не как задумывал абгал для вспоможения людям,

но как оружие, умертвляющее их, крушащее и уничтожающее все на своем пути. Он держал одну из его тайнописей. Способ переброски больших грузов и пробивания заторов на реках при паводках, замысленный когда-то абгалом, но высмеянный, как и большинство его придумок, так бы и остался лишь наброском в тайных начертаниях, если бы о нем не вспомнил хитрый царедворец. Разобравшись с разгадыванием писем, ему предстояло еще довести до ума скрытые в них задумки, ибо старый мудрец не утруждал себя точными расчетами. От мысли о размере предстоящей работы бросало в жар, но Аш старался удержать свое нетерпенье. Выйдя из-под навеса, чтоб отвлечься и утихомирить клокочущие мысли, он вздрогнул от ужаса негодования, перемешанного с предвкушением предстоящего возмездия, лицом к лицу столкнувшись с тем, кого меньше всего ожидал здесь увидеть. Его ладони невольно сжались в кулаки, а желваки заскрипели от злобы. В ответ ночной гость лишь скалил крепкие зубы.

– Не бойся тезка, – поспешил он успокоить, приняв юношеское волнение за страх, – нынче мы с тобой одну упряжь тащим. А я вижу, ты важный человек здесь.

Видя, что эштарот в растерянности не знает что ответить, гость продолжил:

– Что молчишь? Не веришь, что мы к тебе на помощь присланы? Так вот печатка. Хе-хе, в полной твоей власти. Я как услышал про тебя, ушам не поверил. Да и мало ли тезок, как

наш друг Пузур говорит. Хе-хе. Только много ль и таких гала, да чтоб и с бродягами водился? Один ты и есть.

Только, как ты?? Мы ж тебя похоронили! Там в пустыне. Я думал, тебя давно уж Нергал побрал. Разве оттуда возвращаются? Я же твой труп... Старуха еще говорила.... Ох и хитра старая ведьмаа! – Потянул он с восхищением, догадавшись о подлоге. – Жаль что умерла. Так может, тогда и она жива? Кто этих сатаран знает. Да нее, ее труп шакалами был обглодан. Жалко, а что делать? За все ответ держать надо. Тем более и тебе она бежать помогла.

Выходит это ты моих людей?!

– Твое божественное чутье, тебя не подвело в этот раз. – Прочесал сквозь зубы Аш, вытягивая краем губ ухмылку.

Пустынник оценил шутку эштарота, натужно рассмеявшись.

– Готовь свое великое оружие, гала – уничижительно обозвал он его в отместку, – мы ждем снарядить его.

Аш только усмехнулся, пообещав начать его сооружение, как только божественное величие со своими подпасками приготовят нужное количество леса и пеньки. Застигнутый врасплох нежданной встречей, он успел взять себя в руки, пока пустынник предавался воспоминаниям. Теперь он знал, как использовать недостаток расчетов, ему подумалось, что и абгал замыслил так нарочно. С нескрываемым злорадством он наблюдал за тем, как божок в беспомощном гневе, пытался что-то возразить, раздувая ноздри, но вынужден был

прикусить удила и развернуться исполнять поручение. Новое самовольство ему бы не попустили, хоть он и выможил у лугаля свою долю.

Стук топоров и тёсел разносившийся по округе, ознаменовал для обитаемого мира начало чего-то неведомого и ужасного, зарождающегося и нового, объединенного ненавистью и праведным гневом ко всему заскорузлomu и темному, увязывающим и утопляющим в своем болоте все светлое и живое. Аш ходил среди возводившихся пороков, следя за тем, чтобы согнанная пустынниками со всей округи чернь, точно выполняла его предписания. Самих подпасков с их пастырем, вызывая оторопь и бессильную злобу у самозванного бога, он тоже не оставил без дела, заставив быть на подхвате. Он осознавал, что недосыгаем от мучительной смерти, лишь пока не собраны и не пущены в дело метательные наряды. Догадывался, что именно поэтому, предвкушая скорый конец своим унижениям, Аш-Шу велел самым верным своим Магару и Ус-а-Ме, не спускать с него глаз, хоть нимиец и окружил его грозными стражами, а после, сполна отыграется на подутомившем уже тезке, нанесшем смертельное оскорбление его божественности. Да и унукцы, скорей захотят избавиться от эштарота, или так и будут держать подле себя как пленника.

Пока эштарот готовил невиданные величинами пращи,

сама война лишь все больше увязывала в бессмысленное кровопролитие. Сыны Калама сходились в жестоких битвах и умирали, оставляя жен и детей вдовами и сиротами, а поле, усеяв своими мертвыми телами. И вот уже бесчисленное войско Лугальзагесси бряцало оружием под стенами Киша, а к ней навстречу выходило воинство Ур-Забабы. Хоть силы были не сильно различны, но наступающие были полны решимости и уверенности в своей безоговорочной победе, в то время как уже потрепанные в прошлых битвах защитники, несколько утратили дух и были не столь смелы как их противники. Но их все еще поддерживала вера, что бог не оставит своих верных слуг, ведь с ними его уста – великий Ур-Забаба, и возводящийся великий Дом земли и неба. И пока он стоит, власть их государя, царствующего во славу, непоколебима. А стоять ему вечно. Сам господь благоволит ему, ибо не было ничего величественнее и выше.

Крепка стена из людей и щитов, стойко выстояла град из камней и сулиц; выдержала и жалящие стрелы, больно впи- вающиеся в уязвимые места, громко подбадривая себя бое- выми кличами. Грозны очи из-под надвинутых шоломов. И сошлись они и столкнулись щитами и копьями, и завязалась кровавая бойня, поднимаемая ввысь пыль, смешанную с соле- ными парами крови и пота.

Отважно бились кишцы с передовыми отрядами, ярост- но кидаясь на ненавистных унукцев, посмевших вторгнуть- ся в их земли творя насилие. Били длинными копьями из-

за огромных до ног щитов, стараясь пробиться сквозь строй щитов противника, проредив бреши в плотной стене, чтоб легконогие ополченцы, подступившись, могли метнуть туда верткими сулицами, и, подскочив, подсекать, впиваясь острыми мечами, врубаясь секирами, сокрушать шеломные головы палицами. После жесткой сшибки, расстроенные ряды копейщиков, продолжали еще биться, вынув из-за пояса секиры и мечи, пока к ним не поспевала помощь из легконового ополчения.

Кас-а-Нум был среди первых, бросившихся на помощь сминаемым агаушами копейщикам, будто движимый муками совести за мимолетную слабость когда-то, когда спасаясь от неминуемой гибели, оставил погибать боевых товарищей. Будто не боясь смерти, он подкатывал к самым щитам унукских копейщиков, вооружившись боевым топориком в одной руке и мечом в другой, бил, стараясь разить в самые уязвимые места агаушей, подбрюшья или ног. Но то не было муками совести, хоть они и гложили его душу немного и было жаль незлобливового и покладистого Кир-Угу, но лишь ненависть и воинская бравада движели им. Ловко уворачиваясь от огромных мечей и топоров могучих дружинников, он, с той же легкостью сам бил, стараясь ужалить посильнее. К его досаде, никого из спрятавшегося за щитами ему самому убить не получилось, зато своими назойливыми покусываниями, он заставлял их подставляться копьям и мечам кишских агаушей. Его подлеты исподтишка так выводили из

себя благородных воинов, что дородный щитоносец настроился прихлопнуть назойлевого гнуса, и ему едва удалось отскочить, чтоб не быть перерубленным окованным краем тяжелого щита. Тут еще подоспели унукские гуруши и врубались в самую гущу боя, так, что кишским ополченцам пришлось подвинуться, защищая свои тылы, зато Кас-а-Нум мог с удовлетворением зарубить себе в зачет жизни несколько несчастных гурушей, не таких ловких и везучих как опытный и вертлявый кишец.

Хорошо бились кишцы, но слишком мало их, слишком велики силы противника, слишком свежи в памяти былые поражения. И дрогнули они, как заслушали звуки рога колесниц Унука. Много колесниц было у Унука, а теперь еще больше; мало колесниц у Киша, а теперь после предательства Мес-Э стало еще меньше. И быстро смяли их. А силы рдеют, а помощь киурийцев не поспевает. И побежали они. Побежали не разбирая дороги – кто куда, кто к городским воротам, кто к оврагам, а кто и дальше.

Кас-а-Нум был из тех счастливчиков, кто успел схорониться за городскими воротами, пока они не захлопнулись перед носом подотставших вояк. Но и преследователям не удалось вволю порезвиться – побивая несчастных ополченцев, когда на головы скопившихся у ворот людей полетели камни и куски затвердевшей сбитой глины, так, что нападавшим пришлось уносить ноги. Впустив оставшихся у ворот выживших ополченцев, защитники принялись со стен зади-

рать и дразнить несолонно хлебнувших наступателей, видя их приготовления к тягостной и томительной осаде.

– «Ну что, взяли?! Подлые унукские шакалы! Никто не сможет взять этих стен! Мы не Нибиру, нас не запугать и не обдурить! Ослиный уд вам, а не Киш!» – Доносились до стана осаждающих со стороны сидельцев, и унукцы переругиваясь в ответ, с досадой скрипели зубами от осознания своей беспомощности перед высокими и мощными стенами. А со стен несло. – Нас сам Ан-Энлил хранит!

Дни шли, а помощь все не торопилась. И отправленные гонцы, видимо перехватывались унукскими стражами, уйдя за помощью, гинули в небытии. Но, все еще надеясь на высокие и неприступные стены, и на покровительство высших, кишцы не теряли духа, лишь больше обозляясь на разложившихся вокруг города вежами унукцев. Но во дворцах уже поселилось уныние, и сановники мало-помалу начинали перешептываться между собой и собирать вещи, думая как бы выторговать себе место подле победителей. И уже перестали громко клясть предателей за предательство, лишь втихомолку проклиная, за то, что те оказались смышленной, чем они, и в то же время, все еще лелея надежду на помощь от бывших сообщников, на людях же, продолжая осуждать. И богослужения проводились все еще с торжественностью, даже большей, чем было. Ходили слухи, что царь пропал. Он как-то вдруг перестал появляться на люди и выходить из своих покоев. Говорили, что он в глубинах дворца или прячется

где-то в храмах, кто-то даже говорил, что видел, как он уходил куда-то в сопровождении киурийцев. Но все эти разговоры быстро пресекали, опровергнув и назвав их проделками соглядатаев Нима, а виновников их распространения ждала незавидная участь, во избежание дальнейшего их распространения и успокоения населения. Взволнованным людям же было объявлено, что Великий лугаль с молитвой поднялся на великую вершину, и теперь ведет долгие беседы с всевышним Ан-Энлилем получая благословение для верноподданного народа, и скоро явится во свете небес с божьей помощью. И впечатленные этой вестью люди, с благоговейным трепетом задирали головы в сторону вершины, оставленной пока еще недостроенной, но уже поражающей своим величием. Исполняясь великой благодарностью к своему повелителю, лучшему из лугалей, самоотверженно поднимавшемуся к самому всевысшему ради своих неблагодарных подданных, и с мольбами к Ан-Энлилю, воодушевленные кишцы, с еще большим рвением, готовы были защищать столицу и с еще большим ожесточением готовы были уничтожить любого кто встанет против власти единодержца творящего волю всевышнего.

Кас-а-Нум уже успев освоиться в незнакомом для себя городе и усвоиться среди местных, сновал среди прохожих, продираясь еще более узкими, чем обычно улицами, с кишцами толпами и заставленными, из-за осады, вдоль них скарбом и продовольствием. Подходя к какому-нибудь ла-

вочнику, он доверительно заводил с ним беседу, будто знал его много лет, и здоровался с уличными стражами как со старыми приятелями. За короткое время пребывания в Кише, он успел в нем настолько освоиться, что успел изучить пути, по которым легче незаметно утечь из города, после чего не страшно было уже со стен поддразнивать ненавистных унукцев.

Вот заметилось какое-то шевеление в стане врага, и застенным смельчакам пришлось вспомнить угрозы осадивших их врагов, об имеющихся у них чарах ишкити против крепости любых стен, и тут же вслед этому, было явлено подтверждение страшных догадок. У Кас-а-Нума волосы зашевелились, застыла кровь в жилах, когда увидел он, вырастающих из гор великанов, с семенящими вокруг них людишками. Неужели унукские ишкити, молитвами сумели возвать к самим анунакам на помощь им, или что верней всего, вызвали своими черными чарами злых гулл из самой преисподней? Дрожа всем телом, он на миг потерял самообладание, и только оцепенение не дало ему подобно прочим, причитать от ужаса, поминая всех богов сразу.

– Что вы тут завопили?! – Грозный окрик старшего нубанды, заставил его очнуться. – Истуканов испугались, олухи?! Они вас запугать решили, а вы поверили!

Подняв глаза, Кас-а-Нум улыбнулся, убедившись в справедливости слов са-каля. Кругом тоже все повеселели, и с еще большей задиристостью стали изгаляться над глупыми

унуками, возомнившими, что смогут испугать своими подделками бесстрашных кишцев. А на той стороне, как будто устыженные, уже перестали отвечать на обидные оскорбления, только прислужники продолжали обслуживать своих истуканов. Поддавшись всеобщему ликованию, Кас-а-Нум весело подпрыгивая и пританцовывая, тоже неистово кричал в ту сторону, потешаясь над поклонами вокруг истуканов, будто добивающихся их оживления; когда вдруг один из истуканов действительно качнулся словно живой, и, замахнувшись единственной, но исполинской рукой, выбросил ее вперед в их сторону. За ним другой и третий, и еще. Через мгновенья послышался грохот, и стена под ногами ее защитников задрожала и, осыпаясь в выбоинах, подняла клубы пыли.

В этот раз, вертлявый ополченец не стал стоять столбом, но быстро придя в себя, тут же юркнул к лестнице, не дожидаясь пока перепуганные защитники заполонят проход вниз. Почуввав неладное, как и прежде воспользовавшись сумятицей в войске, он сумел незаметно улизнуть от рассеянных вниманием кингалей и ополченцев. Пробираясь сквозь шум осыпающихся стен, разносившихся криков страха и отчаяния, он видел, как город пораженный еще мгновения своим величием и великолепием, с каждым ударом превращается в кучи глыб и пыли, а люди некогда прегордые в своем самолюбии, в мятущиеся перепуганные тени. Кас-а-Нум продрался до стоков помойных вод и, вздохнув с облегчением, что в суматохе стражи забыли про свои обязанности, погру-

зился в нечистоты. Перед тем как слиться вместе с помоями со сливной дыры, он напоследок оглянулся на погибающий город. Будто предугадывая это, от дома земли и неба, так бурно и основательно возводившегося в честь единодержного бога Ур-Энлиля и бросающегося взорам со всех концов, откололась громадная глыба, к ужасу пропадающих вместе с городом, с осыпающимся прахом неся смерть и разрушение, и множество глыб поменьше. Кас-а-Нум с тяжестью на сердце подметил, что вместе с разрушающимся домом наступает конец существующему миру.

Тяжело вздохнув, он нырнул в проем. С величавым торжеством, его провожал гул несущейся глыбы.

Видя, сколь значительное разрушение приносит их действие с помощью чуда абгала, Аш-Шу радовался как ребенок, впервые сам, уверовав и почувствовав свое божественное могущество. Будто это он сам, а не разум мудреца, сотворил это чудо; будто не волей чужеземцев и лугалья, послан он был сооружать его; будто не сметливостью ученика абгала управляется с ним. Еще больше уверовали в своего бога, его усердные послушники, затягивавшие и отпускавшие исполинские руки с вложенными в кнут гостинцами для кишцев, а пригнанные с окрестностей поселяне, что подносили к порокам полные корчаги с маслом и земляным жиром и камни, простые и смотанные вервием, с суеверным страхом поглядывали на нового господина. А господин только и знал, что

орал в сумасшедшем неистовстве разбрызгивая слюной: – «Тяни!» «клади!» «пали!» «пускай!» Вопреки предупреждению эштарота – остановить метание, как только качнет и послышится стон дерев и вервий, Аш-Шу не останавливался и не переставал подгонять послушных ему людей, еще больше воспаляясь от своего могущества. Ему все казалось, что стрелки недостаточно точно метят, заряжающие недостаточно хорошо затягивают, а обслуживающие их холопы, недостаточно проворно подносят, несмотря на загодя снесенные поближе к порокам для метания, камни и корчаги доверху наполненные горючим маслом и земляным жиром. И не терпя их бестолковости, он сам бросился все тянуть и дергать, самолично наводя исполинские длани на цель и отпуская тягу коромысла. Стремительно перескакивая от одного коромысла к другому, он кричал, требуя все больше огненных булыжников, яростно отвергая голые камни. Ликуя от собственной всесильности, он уже подумывал о том, что не станет больше идти на поводу жалких унукских властителей и их иноземных покровителей, но сам повернет против них свое оружие, как покончит с Кишем. Он уже видел, как притихли они от страха с их многочисленным войском, трусливо попрятавшегося в оврагах перед грозой невиданного боя, и не имеющих смелости даже пикнуть. Да-да, он всех их поработит и заставит покориться их и их потомков, своей божественной воле и быть верными ей до скончания века. Увлечшись, Аш-Шу не встревожился звуком лопающейся пеньки

и треском ломающихся перекладин, и не успел вовремя отскочить, чтобы не быть закопанным под обломками, когда занесенная исполинской дланью праща, не сумев послать огненный сосуд, оборвавшись, сорвалась прямо на людей и на сгущенные наизготовку корчаги. Раздался грохот рухнувшего неба и слепящаяся вспышка озарила окрестности, в мгновение ока подхваченная пожарами и взрывами, от соприкосновения наполненных сосудов. По полю заметались, горящие живые головешки.

Не имея возможности, сбежать и самолично отомстить лугалю пустынь за все зло, которое тот причинил ему и его друзьям: за пленение и за гибель Ама, эштароту, когда он предупреждал пустытника об ограниченности пользования орудием, только и оставалось полагаться на самонадеянность и страстность самоназванного бога, не терпящего ограниченный его божественному своеволию; видя в этом для них – пытанье божьего суда. Он с удовлетворением принял мучительный конец пастыря с его подпасками, а сопутствующую гибель поселян, посчитал справедливым возмездием за молчаливую покорность. Порастеряв своих надзирателей еще при первых грохотах кишских стен, от страха попрятавшихся по оврагам вместе с другими унукцами, оставшись без цели и смысла, Аш все еще не торопился бежать.

– Что змеенышь, думаешь, свершив вероломное богоубийство, уйдешь непокаренным преданным тобой богом?! – Заставил его обернуться хриповатый окрик.

Сквозь пелену марева дыма, проступала тень помощника Аш-Шу, наступавшего на него с занесенным мечом. Аш уже и забыл про приставленных к нему пустынником, смотрителей.

– Не надейся же, женомуж. Я есмь – длань божья! Я есть – суд его! Я – твоя кара господня!! – Замахнувшись, чтобы свершить свой приговор, кричал он в иступленном отчаянии потерянного человека.

Аш успел только зажмуриться, ожидая скорейшего конца. Что ему еще ожидать? Виновные найдены, кто должен ответить – наказан, божий суд свершен и у него нет больше причин оставаться здесь. Пусть же свершится наказание и ему, раз на то воля высших. Так думал он, ожидая, когда меч опустится на его темя или выю.

«Тюк» – за глухим звуком, не последовало сотрясения, не было боли и чувства инородности от вонзенного оружия, не подхватила забвенность.

Набравшись духа, он поднял веки, чтобы принять судьбу, не теряя самообладания на радость убийце. Но ни убийцы, ни самой опасности, к великому изумлению перед собой не увидел. Вместо одного смотрителя, перед его взором маячил другой. Аш насторожился, не ожидая ничего хорошего, однако примирительный вид пустытника дал понять, что новой встречи с Эрешкигаль пока не состоится. Склоненная голова и рука у груди, как будто говорили об этом, но Аш с опаской поглядывал на окровавленный клевец в опущенной

руке.

– О, досточтимый господин – сразу же развеял все опасения смотритель, – позволь следовать за тобой.

Оглядев окрест, Аш увидел причину чудного спасения. Распростершееся тело несостоявшейся кары, лежало у ног недавнего последователя Аш-Шу.

Кивнув на труп, убийца с пренебрежением отметил:

– Магару был слишком темен и глуп, слеп как все варвары. Веря в божественность человека, он не усвоил главное: бог не умирает. Это не смертный, которого можно убить, не истукан, которого можно изрубить на куски. Дикарям не понять, что есть в духовном, а не телесном естестве.

Узрев гнев божий, что обрушился на головы заносчивых кишцев за гордыню, я осознал всю мощь божественной воли. Что мощь эта исходит от творящего, а не от смертного господина исполняющего кару. И не смертному службе, но лишь божьему суду определять, чье естество примет божественная воля на земле. Вчера сосуд был полон, ныне он пуст и нужен другой, ибо вчерашний прохудился и не годен больше к хранению вод.

«К чему эти мудрствования?» – С тоской подумал Аш, мечтая только о покое.

– О, господин, – будто услышав его вопрошание, продолжил смотритель – прости, что только теперь узрел тебя, господин мой! Я готов служить и всюду следовать за тобой, исполняя твою божественную волю.

Тащить за собой человека, только, что убившего своего соратника и предавшего своего умершего бога, у подозрительного эштарота желания не возникало, но оскорбить отказом вооруженного одержимого, в порыве чувств бухнувшегося на колени, было еще опасней. Приставленные к нему стражи так и не вернулись, а само начальство, вместе с войском отсидевшееся в оврагах во время долбежки, приняв зарево пожара за обещанный условный знак, бросило воинов на приступ разрушенных стен. Поэтому, следовало хорошенько подумать, чтоб как можно осторожней спровадить неожиданного последователя. И недавнему лицедею, пришла удачная мысль, одним росчерком разрешить две задачи, подыграв жаждущему веры.

– Утешься человек, твои мольбы услышаны. – Сказал он как можно торжественнее, напуская на себя величия. – Ты прощен, ибо смертным свойственна слепота духовная, но ныне глаза твои открыты, и ты узрел, и прежние твои заблуждения очищены светом истины.

Ты был верным богу в обличи его пастушьем, будь же верным подпаском в обличи его презренном. Будь непрекословен, что бы тебе не казалось в делах моих, ибо так угодно воле божьей. Будь верен господу в естестве духовном – бес-телесном, не предавай в естестве человечьем. В знак верности, возьми этот перстень, хранивший телесный сосуд мой, от посягательств людей слепых, темных, противников воли господней. Даю не ради красы, но дабы исполнил ты первую

волю мою. Снеси его вельможе, кравчему и советнику лугаля Киша, Не спрашивай меня, как найти солнце в небе. Иди к иноземцу, он покажет тебе путь. Перстень будет тебе в том порукой, отпирающим запоры. Как найдешь, передай ему в слово послание от меня: «Ашмедай свою часть уговора выполнил, и теперь волен в своих скитаниях по земле. Пусть же Козлобород не тратит понапрасну сил человеческих в его поисках, ибо не найти людям не людское: не найти им живых среди мертвых и мертвых среди живых, что не живо не мертво, что не мертво не живо. Когда придет час расплаты, он сам его найдет, и придет за долгами задолжавших: спрашивать с живых за мертвых, с мертвых за живых, как в день разрушения врат небесных, расколото стало царство возвысивших себя».

Ты все слышал? Ты все понял? Теперь заучи. Заучи крепко. Пусть этот день, будет именем тебе, чтоб не забывал.

Встань же, воин господен! И иди. Я же пойду своим путем, тебе нельзя со мной. И не спрашивай куда я иду, мои пути неисповедимы для людей.

Пообещал, и сам не верил, что так будет. Откровенно врал, чтобы отвязаться от ненужного попутчика, чуждого и тягостного вольностному одиночеству.

Отослав неожиданного последователя, подумал, что вот кто-то стремится стать богом, но не каждому это дано, он же стал им вот так просто, даже не желая этого, просто оттого, что кто-то жаждет веры в чудо, и чудо это нашел в нем.

Город пылал, языками пламени озаряя темнеющее вечернее небо багровым закатом умирающего могущества, пеплом доносясь до самых окраин некогда подвластного края, напоминая о тленности всего сущего. Дымом заволокло на долгие дали, и задыхающиеся земли поникли в страхе, тихо перешептываясь, впечатленные ужасной участью заносчивого и возвысившегося до небес гордеца, вздыбленным теперь прахом и наказанного за свою гордыню божьим гневом.

Он уходил прочь, безучастный к мольбам и плачам, доносившимся из проклятого города пожираемого пожарищем, обреченного быть развеянным в веках за самодурство и честолюбие властителей, за рвение подданных в угодничестве им.

Его не волновали больше судьбы людей, не было в его сердце ни боли за них, ни зла к ним; суд свершился и он послужил лишь его бесстрастным вершителем, и только прежняя боль в ноге, разрывшись, напоминала и о его брэнном бытии на земле. Он помнил, звучащее в забвении – «Се, меч его!», и это перестало быть для него тайной. Хромая, оставаясь в телесной жизни, он уходил от нее в вечную. И ему виделся одинокий возок в степи, и маленькие его обитатели, собравшиеся вокруг костреца и готовящиеся к выступлению в людях. Добродушный его хозяин и строгая хозяйка, и мудрая согбенная годами травница; незлобивый по-детски наивный великан; благородный в своих порывах воитель; лу-

чезарная и безмерно добрая юная бродяжка, познавшая тяготы жизни, но все еще не верящая в людскую злобу. И он, в надвинутом на глаза сатуше с широкими полями, выдувающий в жалейку с надтреснутым пересвищем.

Конец.

Значение встречающихся слов:

абгал – мудрый человек, волшебник, маг;

агауши – воин постоянного войска, дружинник;

азу – врач;

ама – мать;

ануннаки – второстепенные боги;

ашаг – демон вызывающий болезни;

бала – музыкальный инструмент (барабан);

бан, банда – молодой, младший, энергичный, кипучий;

гала – кантор, ритуальный певец, жрец-плакальщик; трансвестит;

галла – глава полиции, жандарм;

гальнар – голова, глава музыкантов;

гашан – дама, хозяйка, госпожа, богиня;

ги – серебро;

гидим – дух, привидение, призрак;

гулла – демон;

гуруши – "молодцы", шуб-лугаль;

дим – демон болезни;

дин, тин – жизнь, вино;

думу-сал – дочь;

за-ми – лира;

иги-ну-ду – не поднимающий глаз, зависимый земледелец;

ишиб – жрец-заклинатель, экзорсист, волшебник, жрец очищения и освящения;

ишшакум – правитель;

ишшимар – финики;

Калам – земля; нация; Шумер.

Ки-ен-гир – самоназвание страны шумеров;

Ки-саи – самоназвание шумеров;

ки-сикиль – молодая женщина, девушка;

ки-шар, шар – горизонт, везде, полнота, целостность;

кур-гал – великая гора, место где небо встречается с землей;

кур-ну-ги – преисподняя;

лима, лимы, лим -тысяча;

лугаль – царь;

лушар – военный служащий, командир 3600;

Ним – страна Элам;

нубанда – высокий военный чин;

ну-гиг – храмовая проститутка;

нум-сахар-ра – насекомое, муха;

са- ар – советник;

сагду – лидер, начальник, глава;

саги – виночерпий;

суккаль – посланник, курьер, представитель; визирь, министр;

угула – младший командирский чин;

угун – дама, госпожа, хозяйка;

уду – евнух;

улла – глава полиции, жандарм;

ум-ма – пожилая дама, госпожа;

Унук – город Урук;

ур-са – герой, воин;

уру – храбрый, сильный, мощный;

уру-бан – молодой храбрец;

уттуку – дух непогребенного;

ушум – дракон, гибридное чудовище, отшельнический, одинокий;

шубату, ураш – набедренник;

шуб-лугаль – подчиненные царю земледельцы;

шурун – навоз, помет;

эгир – принцесса;

эме-ги – шумерский язык;

энси – правитель города;

эрес – царица, богиня, госпожа;

Эрешкигаль – богиня подземного мира;

эшта – шестьдесят;

эштин – вино, виноградный сок.